Валё Пер, Шёвалль Май

Полиция, полиция, картофельное пюре!

I

Мальмё не очень похож на шведский город во многом из-за своего расположения. Отсюда ближе до Рима, чем до северных красот, на горизонте видны огни датского берега, и если верно то, что зимой тут частенько бывает мерзкая погода — слякотная, с пронизывающими ветрами, то верно и другое: не менее часто лето здесь стоит долгое и жаркое, в парках заливаются соловьи и запахи цветов и свежей листвы кружат голову.

Как раз таким выдался этот вечер в начале июля 1969 года. В городе к тому же было тихо, спокойно и в общем-то безлюдно. Даже в большой гостинице напротив вокзала было довольно тихо. Несколько иностранцев рассчитывались с портье за жилье, швейцар, укрывшись в глубине гардеробной, безмятежно почитывал какого-то классика, а в сумраке бара виднелись фигуры двух-трех завсегдатаев, тихо переговаривавшихся между собой, и светилась белая куртка бармена.

В просторном ресторане вправо от вестибюля тоже было тихо; может, чуть шумнее. Занято всего несколько столиков, да и то молчаливыми одиночками; пианист уже ушел на перерыв. Напротив двери, ведущей в кухню, стоял официант; заложив руки за спину, он задумчиво смотрел в окно, очевидно, погруженный в мысли о пляже, до которого не так уж и далеко.

В глубине ресторана обедала компания хорошо одетых и, очевидно, настроенных на торжественный лад людей. Стол был загроможден деликатесами и бутылками с шампанским. Но официанты тактично удалились, поскольку хозяин стола встал и начал говорить. Это был рослый, загорелый человек с сильной проседью. Говорил он тихо, хорошо поставленным голосом; чувствовалось, что это опытный оратор. Сидевшие за столом молча слушали его, только один из них курил.

Через открытые окна доносился шум проносившихся мимо автомобилей и гудки маневровых паровозов с сортировочной станции по ту сторону канала; в порту коротко и резко гудел копенгагенский пароход, где-то близко, на набережной, хихикала девчонка.

Вот такой была ситуация в ту среду, вечером, примерно в половине девятого. Приходится говорить «примерно», ибо никому не удалось установить точное время случившегося. С другой стороны, тем легче говорить о том, что случилось.

В гостиницу вошел какой-то человек, бросил взгляд на иностранцев, рассчитывавшихся с портье, свернул направо, прошел через узкий длинный вестибюль и двинулся по ресторану спокойно и уверенно, не очень быстрыми шагами. В нем не было ничего особенного, привлекающего к нему внимание, на него никто не смотрел, да и сам он тоже не оглядывался по сторонам.

Он прошел мимо рояля, миновал столик официанта, заставленный блестящей, как зеркало, посудой, и ряд колонн, поддерживающих потолок ресторана. Так же спокойно и уверенно он направился к столу, за которым сидела компания. Говоривший стоял спиной к нему. Не доходя примерно шагов пять до стола, человек сунул правую руку за пазуху, и одна из женщин, сидевших за столом, взглянула на него; оратор повернул голову, чтобы

посмотреть, что привлекло ее внимание. Бросив безразличный взгляд на подошедшего, он снова повернулся к столу, не прерывая своей речи, и в ту же секунду пришелец вынул из-за пазухи предмет серо-стального цвета с длинным стволом, тщательно прицелился и выстрелил в голову говорившего. Звук выстрела никого не напугал, он скорее был похож на мирный шлепок духового ружья в тире.

Пуля попала в левое ухо, и оратор упал ничком на стол, угодив щекой в картофельное пюре, изысканно уложенное вокруг тушеной рыбы а-ля франс суэль.

Стрелявший убрал оружие, подошел к ближайшему открытому окну, перешагнул через подоконник, встал в цветочный ящик, спрыгнул на тротуар и исчез.

Человек лет пятидесяти, сидевший за несколько столиков от компании, так и застыл, поднеся рюмку виски ко рту. Перед ним лежала раскрытая книга; незадолго до этого он делал вид, что читает ее.

Тот, в кого стреляли, был еще жив.

Он пошевельнулся и сказал:

— Ой, больно.

Мертвые обычно не жалуются. Кроме того, совсем не было видно крови.

II

Пер Монссон сидел в своей холостяцкой квартире на Регементсгатан и говорил по телефону. Инспектор уголовной полиции Мальмё хоть и был женат, пять дней в неделю жил как холостяк. Только субботу и воскресенье он проводил с женой; этот порядок они установили лет десять назад, и до сих пор он устраивал их обоих. Прижав трубку плечом к уху, он смешивал коктейль. Жена ходила в кино и теперь пересказывала ему содержание «Унесенных ветром». Это требовало времени, но Монссон терпеливо слушал, ибо собирался отменить ее визит на выходные дни под тем предлогом, что будет занят на работе. Что было ложью.

Часы показывали двадцать минут девятого.

Монссон взмок от пота, несмотря на то, что сидел в одной майке. Перед тем как подойти к телефону, он закрыл дверь на балкон, чтобы не мешал шум улицы, и, хотя вечернее солнце давно уже скрылось за крышами домов, в комнате было очень жарко. Он помешивал свой коктейль вилкой, которую, стыдно сказать, утащил или случайно прихватил с собой в ресторане под названием «Полковник». «Можно ли случайно унести вилку?» — подумал Монссон и сказал:

— Да, да, понимаю. Это, значит, Лесли Говард… Ах, нет? Кларк Гейбл? А-а…

Минут через пять жена добралась до конца, Монссон подсунул ей свою нехитрую выдумку и повесил трубку.

Телефон зазвонил. Монссон подошел не сразу. Сегодня он свое уже отработал, и с него хватит. Медленно выпил коктейль и, разглядывая темнеющее вечернее небо, снял трубку.

— Слушаю.

— Привет. Это Нильссон. Ну и долго же ты разговаривал. Я уже полчаса пытаюсь к тебе пробиться.

Нильссон был помощником инспектора и в этот вечер дежурил в полицейском участке на Давидсхалсторг. Монссон вздохнул.

— Ну, — сказал он. — Что еще там стряслось?

— В «Савое» стреляли в одного из посетителей ресторана. Боюсь, что тебе придется туда подъехать.

Монссон приложил пустой, но еще холодный стакан ко лбу и, покатывая его ладонью, спросил:

— Он жив?

— Не знаю, — ответил Нильссон.

— А ты не можешь послать туда Скакке?

— Он выходной. Его не поймать никак. Баклунд сейчас там, но ведь ты знаешь…

— Баклунд? О'кэй, тогда я сейчас же еду.

Он набрал номер вызова такси, положил трубку на стол и стал одеваться, слушая, как записанный на пленку голос механически повторяет «ждите… ждите…», пока наконец не отозвалась дежурная.

Перед гостиницей «Савой» вкривь и вкось стояло несколько автомобилей с надписью «Полиция», два полицейских сдерживали любопытных прохожих, толпившихся у входа.

Наблюдая за этой сценой, Монссон расплатился с шофером, сунул квитанцию в карман; ему показалось, что один из полицейских действует совсем уж бесцеремонно, и он с грустью подумал, что скоро у полицейских Мальмё будет такая же скверная репутация, как и у стокгольмских коллег. Тем не менее Монссон ничего не сказал, кивнув полицейским, он прошел мимо них в вестибюль. Теперь здесь было шумно, служащие гостиницы, собравшиеся отовсюду, казалось, пытались перекричать друг друга; здесь же толпились посетители. Картину дополняли полицейские. Вид у них был растерянный, они явно не привыкли к такой обстановке.

Монссон — рослый, пятидесятилетний, был одет очень легко: рубашка навыпуск, териленовые брюки[1], сандалеты. Достав из нагрудного кармана зубочистку, он разорвал обертку и сунул зубочистку в рот. Пожевал, оценивая ситуацию. Зубочистка была американская и отдавала ментолом, он прихватил ее на пароме, где такого рода вещи держат для пассажиров.

У двери в ресторан стоял констебль, которого звали Элофссон и который, казалось, был обескуражен меньше других. Монссон подошел к нему и спросил:

— А что, собственно, случилось?

— Кажется, в кого-то стреляли.

— Инструкции вы какие-нибудь получили?

— Никаких.

— А Баклунд чем занимается?

— Допрашивает свидетелей.

— Раненый где?

— Наверное, в больнице. — Элофссон чуть покраснел, потом сказал: — По-видимому, «скорая» успела приехать раньше полиции.

Монссон вздохнул и вошел в ресторан.

У стола, заставленного суповыми мисками, блестевшими, как серебро, официанта допрашивал Баклунд, пожилой человек в очках. Заурядной внешности. Каким-то образом ему удалось стать первым помощником инспектора уголовной полиции. Баклунд держал в руках блокнот и, задавая вопросы, старательно все записывал. Монссон подошел поближе, но своего присутствия ничем не выдал.

— И в какое время это случилось?

— Примерно так, полдевятого.

— Примерно?

— Ну да, точно-то я не знаю.

— Другими словами, вы не знаете, сколько было времени?

— Вот именно.

— В высшей степени странно, — произнес Баклунд. — У вас ведь есть часы, не так ли?

— Ну есть.

— А вон там, на стене, тоже висят часы, если не ошибаюсь?

— Да, но… И те и другие идут неверно. Кроме того, я и не думал тогда смотреть на часы.

Баклунда, казалось, ошеломил такой ответ. Отложив блокнот и ручку, он принялся протирать очки. Потом глубоко вздохнул и снова взял блокнот.

— Значит, несмотря на то, что у вас двое часов, вы не знаете, сколько было времени?

— Приблизительно знаю.

— Нам приблизительные ответы ни к чему.

— Да и идут-то эти часы по-разному. Мои спешат, а настенные отстают.

Баклунд сверил часы со своим хронометром.

— Странно, — сказал он и что-то записал.

«Что бы такое он мог записать?» — удивленно подумал Монссон.

— Итак, вы стояли здесь, когда преступник проходил мимо? Вы можете описать его внешность?

— Но ведь я на него и не смотрел.

— Вы не видели преступника? — поразился Баклунд.

— Видел, когда он уже перешагивал подоконник и уходил.

— И как же он выглядел?

— Не знаю. Я стоял далеко от окна, да еще колонна его загораживала.

— Вы хотели сказать, что не можете описать его внешность?

— Не могу.

— Ну, а как он был одет?

— Кажется, в коричневую куртку.

— Кажется?

— Да, я ведь видел-то его только секунду.

— А что еще на нем было, кроме куртки? Брюки, например?

— Брюки были.

— Вы уверены?

— Да, потому что иначе это было бы немножко… Ну странно, что ли. То есть, если бы он был без штанов.

Баклунд писал как одержимый. Монссон повернул во рту зубочистку и тихо сказал:

— Слышь, Баклунд!

Тот сердито обернулся:

— Я веду важный допрос…

Узнав Монссона, он сразу скис.

— А, это ты?..

— Что тут произошло?

— В ресторане застрелили человека, и знаешь кого? Виктора Пальмгрена, — с ударением сказал Баклунд.

— Ах, его… — произнес Монссон. И подумал: «Хорошенькое дело, черт бы его побрал…» А вслух сказал: — Значит, это случилось более часа назад и стрелявший вылез в окно и исчез?

— Да, может быть, и так.

Баклунд, как всегда, сомневался во всем.

— Почему у гостиницы торчат шесть полицейских автомашин?

— Я разрешил оцепить это место.

— Что оцепить? Квартал?

— Место преступления.

— Убери отсюда всех полицейских в форме, — сухо сказал Монссон. — Для гостиницы мало хорошего в том, что в вестибюле и у входа полным-полно констеблей. Кроме того, они наверняка нужны где-нибудь в другом месте. А потом постарайся собрать приметы преступника. Ведь есть свидетели, которые видели больше, чем этот твой официант.

— Мы должны допросить всех, — сказал Баклунд.

— Допросим в свое время. Не держи здесь тех, кто не может сказать ничего важного, только запиши их фамилии и адреса. Баклунд подозрительно посмотрел на него и спросил:

— А ты что собираешься делать?

— Звонить по телефону.

— Куда это?

— В газеты, например. Надо же выяснить, что тут случилось?

— Шутишь все, — неодобрительно сказал Баклунд.

— Вот именно. — Монссон с отсутствующим видом смотрел в зал.

Там уже суетились журналисты и фотографы. Некоторые из них наверняка примчались сюда задолго до того, как явилась полиция, а кое-кто, вполне вероятно, сидел в баре или кафе как раз в момент выстрела.

— Но система требует… — начал Баклунд.

В этот момент в ресторан влетел Бенни Скакке. В свои тридцать лет он был помощником инспектора. Прежде он работал в Стокгольме в комиссии по особо опасным преступлениям, но ушел оттуда после какой-то сомнительной операции, которая чуть не кончилась бедой для одного из его начальников. Надежный и добросовестный, немножко наивный, Бенни нравился Монссону.

— Можешь взять себе в помощь Скакке, — сказал он.

— Стокгольмец, — с сомнением произнес Баклунд.

— Вот именно. И не забудь насчет примет. Это сейчас самое важное.

Монссон сунул изжеванную зубочистку в пепельницу и вышел в вестибюль к телефону.

Он быстро позвонил по пяти номерам, потом тяжело вздохнул и направился в бар.

— Бог мой, кого я вижу! — обрадовался бармен.

— Привет, — сказал Монссон, усаживаясь у стойки.

— Что будем сегодня пить? Или как всегда?

— Нет, только сок. Мне нужно подумать.

«Начало такое, что хуже некуда», — думал Монссон. Во-первых, Пальмгрен — фигура очень известная и значительная. Почему — сказать, конечно, трудно. Несомненно только одно: у него куча денег, он по меньшей мере миллионер. То, что в него стреляли в одном из лучших ресторанов, тоже не улучшает дело. Этот случай наверняка привлечет особое внимание. Сразу же после выстрела служащие гостиницы перенесли Пальмгрена в холл, соорудив ему временное ложе. Одновременно позвонили в полицию и в «скорую помощь». «Скорая» пришла очень быстро, забрала раненого и отвезла в больницу. Полиция же сначала не явилась. А патруль с рацией находился у вокзала, то есть в каких-то двухстах метрах от места преступления! Как это могло случиться? Правда, теперь уже известно как, но такие

срывы не прибавят лавров полиции. Сообщение из гостиницы неправильно поняли: решили, что дело не спешное. Поэтому оба патрульных на вокзале устремили все свои помыслы на то, чтобы сцапать безобидного алкоголика. Только потом, когда позвонили еще раз, целое полчище полицейских во главе с Баклундом сломя голову понеслось в гостиницу. Расследование начали вести тоже совершенно безобразно. Сам же Монссон в это время сидел и пережевывал вместе с женой «Унесенных ветром» целых сорок минут. К тому же он выпил, и ему пришлось вызывать такси. Первый полицейский явился на место преступления только через полчаса после выстрела. Что касается Пальмгрена, неясно, в каком он состоянии. В больнице его обследовали и отправили к нейрохирургу, в Лунд. От Мальмё это километров двадцать, и машина еще в пути. В этой машине и один из главных свидетелей — жена Пальмгрена. За столом она, вероятно, сидела напротив мужа и могла близко видеть лицо стрелявшего.

Теперь прошел уже почти час. Потеряно время, а ведь каждая секунда дорога.

Монссон снова покачал головой и взглянул на часы. Половина десятого.

В бар вошел Баклунд в сопровождении Скакке.

— Сидишь? — удивился Баклунд, близоруко взглянув на Монссона.

— Как с приметами? — спросил тот. — Это надо быстро сделать.

Баклунд покопался в своем блокноте, потом положил его на стойку, снял очки и принялся их протирать.

— Вот, — быстро сказал Скакке, — что мы пока собрали. Среднего роста, худощавый, волосы темно-каштановые, зачесаны назад. Коричневая куртка, рубашка пастельных тонов, желтая или зеленая, темный галстук, темно-серые брюки, черные или коричневые ботинки. Возраст — примерно сорок.

— Хорошо, — сказал Монссон. — Разослать приметы. Перекрыть основные дороги, проверить поезда, самолеты и пароходы. Тотчас же. Я хочу, чтобы он остался в городе.

Скакке ушел.

Баклунд надел очки, посмотрел на Монссона и повторил свой бессмысленный вопрос:

— Сидишь? — Потом взглянул на стакан и добавил еще более удивленно: — И пьешь?

Монссон не ответил.

Баклунд переключил внимание на часы, висевшие на стене бара, сверил время по своим и произнес:

— Эти часы тоже идут неверно.

— Конечно, — улыбнулся бармен. — Они спешат. Это наш маленький сервис: услуга клиентам, которые торопятся на поезд ила пароход.

— Ах, ах, ах! — вздохнул Баклунд. — Мы никогда в этом не разберемся. Как можно установить точное время, если нельзя верить часам?

— Да, трудное дело, — сказал Монссон, думая о своем.

Вернулся Скакке.

— Ну вот, теперь порядок, — сообщил он.

— Наверное, слишком поздно, — сказал Монссон

— С чего это вы взяли?

Баклунд вытащил свой блокнот:

— Относительно этого официанта…

Монссон поднял руку:

— Обожди, этим мы займемся позднее… Бенни, позвони в Лунд, в полицию, и попроси их послать человека в нейрохирургическую клинику. Пусть он возьмет магнитофон и запишет

все, что говорит Пальмгрен. Если только он в сознании. И конечно, нужно допросить фру Пальмгрен.

— Что касается этого самого официанта, — заговорил бармен, — то могу вам сказать, что он не заметил бы ничего, если бы даже в ресторан влетел вампир.

Баклунд раздраженно молчал. Монссон тоже ничего не говорил. Поскольку формально Баклунд был начальником Скакке, то осторожничал и обращался к нему на «вы».

— Кого вы считаете самым важным свидетелем?

— Парня, которого зовут Эдвардссон, — ответил Скакке. — Он сидел недалеко, три столика от места преступления. Только…

— Что «только»?

— Он пьяный.

— Водка — это проклятие, — произнес Баклунд.

— Ладно, обождем, пока он проспится, — сказал Монссон. — Кто может подкинуть меня в полицию?

— Я, — ответил Скакке.

— А я остаюсь здесь, — упрямо сказал Баклунд. — Формально это мой случай.

— Конечно, — ответил Монссон. — Ну пока.

— Ты думаешь, он смылся? — уже в машине задал вопрос Скакке.

— Во всяком случае, такая возможность у него есть. Нам придется обзвонить массу людей и не стесняться, что кого-то разбудим. Трудная будет ночь.

Скакке искоса взглянул на Монссона, который снимал обертку с новой зубочистки. Машина въехала во двор управления полиции.

Здание полиции казалось огромным, мрачным и в это время суток совсем пустым. Они шли по широкой лестнице, и их шаги отдавались гулким эхом где-то наверху.

По натуре Монссон был большой флегматик; и роста в нем было достаточно, и флегмы тоже. Он терпеть не мог трудные ночи, да к тому же уже завершал свою карьеру. У Скакке все обстояло иначе: он был моложе на двадцать лет, надеялся на быстрое продвижение по службе, отличался рвением и честолюбием. Однако работа в полиции успела научить его и осторожности и услужливости. Так что они, собственно говоря, хорошо дополняли друг друга.

Войдя в свой кабинет, Монссон первым делом открыл окно, потом опустился в кресло и долго сидел, задумчиво поворачивая валик своего старого «ундервуда». Наконец проговорил:

— Скажи, чтобы все сообщения по радио и телефонные звонки переводили сюда. На твой телефон. — Кабинет Скакке был напротив, через коридор. — А двери оставь открытыми.

Скакке пошел к себе и стал звонить. Через минуту за ним двинулся Монссон. Встал, прислонившись к дверному косяку и пожевывая зубочистку.

Зазвонил телефон. Скакке сделал пометку.

— У человека, стрелявшего в Пальмгрена, почти не было шансов выбраться из ресторана. Его действия до того, как он выстрелил, отдают фанатизмом, — сказал Монссон.

— Как при покушении по политическим соображениям?

— Примерно. А потом ему каким-то чудом удается уйти, и дальше он ведет себя уже не как фанатик. Он паникует.

— Поэтому ты и думаешь, что он попытается уйти из города?

— И поэтому тоже. Он входит в ресторан и стреляет, не думая о последствиях. Но потом его, как и большинство преступников, охватывает паника. Он просто-напросто боится и хочет только одного: как можно скорее оказаться подальше от этого места.

«Теория, — подумал Скакке. — К тому же слабо обоснованная». Но ничего не сказал.

— Конечно, это всего лишь так называемая теория, — продолжал Монссон. — Хороший криминалист не станет заниматься теориями. Но в данный момент я не вижу никакого другого подхода.

Ночь была трудной, поскольку ничего не случилось. На вокзале и дорогах, ведущих из города, остановили нескольких человек, по приметам похожих на преступника. Никто из них, по-видимому, отношения к этому делу не имел, но их имена на всякий случай записали.

Без двадцати час с вокзала ушел последний поезд. Без четверти два из Лунда сообщили, что Пальмгрен жив. В три часа оттуда пришло новое известие. Фру Пальмгрен чуть не в шоковом состоянии, и вести допрос практически нельзя. Тем не менее она сказала, что рассмотрела стрелявшего и уверена, что не знает его.

— А он, похоже, шустрый парень, этот лундский констебль, — зевая, сказал Монссон.

Сразу после четырех опять позвонили из Лунда: врачи решили пока что не оперировать Пальмгрена. Пуля вошла в голову за левым ухом, и трудно сказать, какие причинила нарушения. Общее состояние пациента для данных обстоятельств хорошее.

Общее состояние Монссона хорошим не было. Он устал, у него пересохло в горле, и он без конца ходил пить воду в туалет.

— А можно жить с пулей в голове? — спросил Скакке.

— Да. Такие случаи бывают. Иногда ткань образует оболочку вокруг пули, и человек поправляется. А если бы врачи попытались ее достать, он мог бы умереть.

Баклунд, как видно, намертво вцепился в «Савой», потому что позвонил в половине пятого и сказал, что он отгородил и опечатал часть ресторана, ожидая, когда из технического отдела придут обследовать место преступления, а придут они не раньше, чем через несколько часов.

— Спрашивает, не нужен ли он здесь, — спросил Скакке, прикрывая трубку ладонью.

— Единственное место, где он, будем надеяться, нужен, — это дома, в постели своей жены, — сказал Монссон.

Скакке передал это Баклунду, слегка смягчив выражения. Потом сказал:

— Думаю, мы можем вычеркнуть из списка Бультофту.[2] Последний самолет ушел оттуда пять минут двенадцатого. Никого по приметам схожего с преступником на нем не было. Следующий рейс в половине седьмого, на него билеты проданы еще позавчера, и никто места не спрашивал.

— Хм, — пробормотал Монссон, — позвоню-ка я сейчас человеку, который страшно не любит, когда его будят.

— Кому? Начальнику полиции?

— Нет, тот наверняка спал не больше нас с тобой. Кстати, в девять часов из Мальмё в Копенгаген пошел маршрутный катер на подводных крыльях. Постарайся выяснить, какой именно.

Задача оказалась неожиданно трудной, и прошло полчаса, прежде чем Скакке смог доложить:

— Он называется «Бегун» и сейчас стоит в Копенгагене. Удивительно, до чего люди злятся, когда их будит телефон.

— Можешь утешать себя тем, что мне сейчас достанется куда больше, чем тебе, — сказал Монссон.

Он пошел в свой кабинет, снял трубку, набрал код Копенгагена, потом номер домашнего телефона Могенсена, инспектора уголовной полиции. Насчитал семнадцать гудков, пока в трубке послышался невнятный голос:

— Могенсен.

— Привет. Это Пер Монссон из Мальмё.

— Чтоб тебя перекосило, — сказал Могенсен. — Ты знаешь, который теперь час?

— Знаю, — ответил Монссон. — Но это важное дело, срочное.

— Провалились бы вы к дьяволу с вашими срочными делами, — с ненавистью сказал датчанин.

— Вчера у нас в Мальмё было покушение на убийство. Стрелявший мог улететь в Копенгаген. У нас есть его приметы.

Потом он изложил всю историю, и Могенсен недовольно сказал:

— Черт побери, ты думаешь, я волшебник?

— Вот именно, — ответил Монссон. — Позвони, если что найдешь.

— Пошел ты к лешему, — сказал Могенсен на неожиданно чистом шведском и бросил трубку.

Монссон потянулся и зевнул. Позвонил Баклунд. Сказал, что место преступления оцеплено.

Было восемь утра.

— До чего же он настырный, — сказал Монссон.

— Что дальше будем делать? — спросил Скакке.

— Ничего. Ждать.

Без двадцати девять позвонили по личному телефону Монссона. Он взял трубку, с минуту или около того слушал, прекратил разговор, не сказав ни «спасибо», ни «до свидания», и крикнул Скакке:

— Звони в Стокгольм. Прямо сейчас.

— А что сказать?

Монссон взглянул на часы.

— Звонил Могенсен. Он говорит, что швед, назвавший себя Бенгтом Стенссоном, этой ночью купил билет Копенгаген — Стокгольм и торчал на аэродроме несколько часов. Наконец он сел в самолет САС, который вылетел в семь двадцать пять. Самолет должен приземлиться в Стокгольме максимум десять минут назад. У этого парня все приметы, кажется, совпадают. Надо, чтобы автобус, который повезет пассажиров в город, остановили у аэровокзала и этого человека взяли.

Скакке набросился на телефон.

— Все, — через минуту произнес он, еле переводя дух. — Стокгольм этим займется.

— С кем ты говорил?

— С Гюнвальдом Ларссоном.

Через полчаса зазвонил телефон Скакке. Он рванул трубку, выслушал то, что ему сообщили, и остался сидеть с трубкой в руках.

— Лопнуло, — сказал он.

— Вот как? — лаконично заметил Монссон. — А ведь у них там было двадцать минут в запасе.

III

Эти же слова прозвучали в Стокгольме, в отделении полиции на Кунгсхольмсгатан.

— Лопнуло! — Красная, потная физиономия Эйнара Рённа показалась в дверях кабинета Гюнвальда Ларссона.

— Что лопнуло? — отсутствующим тоном спросил Ларссон.

Он думал совсем о другом: о трех необычно дерзких ограблениях в метро прошлой ночью. И двух изнасилованиях. И шестнадцати драках. Что вы хотите — это Стокгольм. Хоть ни одного убийства за ночь, и то слава Богу. Сколько совершено краж и взломов — он не знал. И сколько наркоманов, контрабандистов, хулиганов и пьяниц взяла полиция — не знал тоже. Или сколько в чем-то виновных (кто больше, кто меньше) людей избито полицейскими в машинах и участках. Вероятно, бесчисленнее множество. Его это не касалось, он занимался своим делом. Гюнвальд Ларссон был первым помощником комиссара по уголовным делам.

— С этим автобусом с аэровокзала.

— Ну и что с ним? Что у него лопнуло?

— Патруль, который должен был проверить пассажиров, опоздал — когда он прибыл на место, пассажиры уже разошлись, а автобус уехал.

Ларссон сумел наконец отключиться от своих размышлений и пристально посмотрел на Рённа:

— Что? Да ведь этого не может быть!

— К сожалению, может, — сказал Рённ. — Они туда просто не успели.

Гюнвальд Ларссон принял просьбу Скакке по чистой случайности и считал проверку автобуса простейшим из повседневных дел. Сердито нахмурившись, он сказал:

— Но ведь я, черт возьми, тут же позвонил в Сольну, и дежурный сказал, что у них есть радиопатруль на Каролинской дороге. Оттуда до аэровокзала максимум три минуты езды. А у них было не меньше двадцати в запасе. Что случилось?

— По дороге к ним кто-то пристал, и им пришлось разбираться. А когда они после этого приехали на место, автобус уже ушел.

— Значит, им пришлось разбираться?

Рённ надел очки и заглянул в записку, которую держал в руках.

— Да, именно так. А автобус назывался «Беата».

— «Беата»? Какой же это кретин стал давать имена автобусам?

— Ну не я же, — спокойно ответил Рённ.

— А этих болванов из патруля как-нибудь звали?

— Вероятно. Но я не знаю.

— Выясни. Если уж у автобусов есть имена, то должны же они, черт возьми, быть и у полицейских. Хотя им, собственно, хватило бы одних номеров.

— Или символов.

— Символов?

— Ну да. Как у ребятишек в детском саду, знаешь. Птичка, грибок, муха, собачка или еще что-нибудь.

— Я никогда не бывал в детском саду, — холодно бросил Ларссон. — Займись-ка патрульными. Этот Монссон из Мальмё помрет со смеху, если мы не найдем пристойного объяснения.

— Выяснил, — сказал Рённ, вернувшись минут через десять. — Автомашина номер три из полицейского участка в Сольне. Экипаж — Карл Кристиансcон и Курт Квант.

Гюнвальд Ларссон вздрогнул:

— Что? Я так и знал. Эти два идиота просто преследуют меня. Вдобавок, оба они из Сконе.[3]

Скажи, чтоб их немедленно доставили сюда. С этим надо разобраться.

Кристианссону и Кванту было что объяснять. Запутанная история. Кроме того, они до смерти боялись Гюнвальда Ларссона и сумели оттянуть визит на Кунгсхольмсгатан почти на два часа. Это было ошибкой, ибо Ларссон тем временем успел провести, и весьма успешно, свое собственное дознание.

Во всяком случае, они наконец стояли в его кабинете, оба в аккуратных мундирах, держа фуражки в руках. Широкоплечие, светловолосые, по метр восемьдесят шесть каждый, они оцепенело смотрели на Гюнвальда Ларссона блекло-голубыми глазами. Про себя они дивились тому, что именно Ларссон — исключение из неписаного, но действующего правила, по которому полицейский не критикует действия коллеги и не свидетельствует против него.

— Здравствуйте, — любезно сказал Гюнвальд Ларссон. — Очень хорошо, что вы сумели прийти.

— Здравствуйте, — нерешительно ответил Кристианссон.

— Привет! — нахально сказал Квант.

Гюнвальд Ларссон взглянул на него, вздохнул и сказал:

— Это вы, кажется, должны были проверить пассажиров автобуса аэропорта, не так ли?

— Да, — сказал Кристианссон. И задумался. Потом добавил: — Но мы опоздали.

— Не успели, — поправил дело Квант.

— Догадываюсь, — произнес Гюнвальд Ларссон. — Я понимаю и то, что ваша машина стояла на Каролинской дороге, когда вы получили приказ. Оттуда до аэровокзала две, максимум три минуты езды. Какая у вас машина?

— «Плимут», — поежился Кристианссон.

— Карась проходит два километра в час, — сказал Гюнвальд Ларссон. — Это самая медлительная рыба в мире. Тем не менее он преодолел бы это расстояние быстрее вас. — Он сделал паузу, потом взревел: — Почему, черт вас побери, вы опоздали?

— Нам пришлось разбираться с одним делом, — еле выговорил Квант.

— Карась, наверное, и то сумел бы придумать что-нибудь получше, — уже спокойно сказал Ларссон. — Ну так что там у вас вышло?

— Нас… нас обругали, — тихо произнес Кристианссон.

— Оскорбление при исполнении служебных обязанностей, — категорически заявил Квант.

— И как это случилось?

— Велосипедист, проезжавший мимо, крикнул нам ругательные слова. — Квант по-прежнему не сдавался, в то время как Кристианссон стоял молча и казался все более испуганным.

— И это помешало вам выполнить только что полученное задание?

— Сам начальник управления полиции в официальном выступлении сказал, что за любое оскорбление служащего, особенно служащего в форменной одежде, следует привлекать к ответственности. Полицейский — это не какой-нибудь там попка.

— Разве? — удивился Гюнвальд Ларссон. Оба патрульных непонимающе уставились на него. Он пожал плечами и продолжал: — Разумеется, деятель, которого вы упомянули, весьма известен своими выступлениями, но я сомневаюсь, что даже он мог спороть такую глупость. Ну так как же вас обругали?

— Полиция, полиция, картофельное рыло, — сказал Квант.

— И вы считаете это оскорблением?

— Безусловно, — ответил Квант.

Гюнвальд Ларссон взглядом инквизитора посмотрел на Кристианссона, и тот, переступив с ноги на ногу, пробормотал:

— Ну да, и я так думаю.

— Да, — сказал Квант, — даже если о Сив кто-нибудь…

— Кто это Сив? Тоже автобус?

— Моя жена, — сказал Квант.

Гюнвальд Ларссон растопырил пальцы и опустил свои громадные кисти рук на крышку стола.

— Значит, дело было так. Ваша машина стояла на Каролинской дороге. Вы только что получили задание. В это время мимо проехал велосипедист и крикнул вам: «Полиция, полиция, картофельное рыло!» Вам пришлось разбираться с ним, и поэтому вы упустили автобус.

— Именно так, — сказал Квант.

— Да, — вздохнул Кристианссон.

Ларссон долго смотрел на них, потом тихо спросил:

— А это правда?

Оба патрульных молчали. Квант начал что-то подозревать, и вид у него был настороженный. Кристианссон одной рукой нервно теребил кобуру пистолета, другой вытирал фуражкой пот со лба.

Гюнвальд Ларссон выжидал, и глубокая тишина медленно вкралась в комнату. Потом он вдруг сжал кулаки и грохнул ими по столу так, что все задрожало.

— Ложь! — загремел он. — Каждое слово ложь, и вы это прекрасно знаете. Вы остановились у киоска с сосисками. Один из вас стоял возле машины и ел сосиску. Мимо вас — это верно — проехал велосипедист, и кто-то вам что-то крикнул. Но крикнул не велосипедист, а его сынишка, который сидел сзади на багажнике. И крикнул он не «полиция, полиция, картофельное рыло», а «полиция, полиция, картофельно пюре», поскольку ему всего три года и он еще не научился говорить как следует.

Гюнвальд Ларссон оборвал свою речь. У Кристианссона и Кванта лица стали багровыми. Наконец Кристианссон пробормотал:

— И откуда вы все это знаете?

Ларссон переводил уничтожающий взгляд с одного на другого.

— Ну, так кто из вас жрал сосиски?

— Не я, — отозвался Кристианссон.

— Скотина трусливая, — сквозь зубы прошипел Квант.

— А теперь я скажу, откуда я все это знаю, — сухо произнес Ларссон. — Велосипедист был возмущен тем, что два хама в полицейской форме целых четверть часа орали на него за то, что трехлетний несмышленыш что-то там сказал. Он позвонил и пожаловался, и правильно сделал. Тем более, что у него есть свидетели. Кстати, а пюре к сосискам было?

Кристианссон с мрачным видом кивнул головой.

Квант попытался занять последнюю оборонительную позицию:

— Легко ослышаться и ошибиться, когда у тебя набит рот и ты…

Подняв руку, Гюнвальд Ларссон остановил его излияния. Потом вынул записную книжку, достал из внутреннего кармана ручку и написал крупными буквами: УБИРАЙТЕСЬ К ЧЕРТУ

Вырвал листок и протянул его через стол. Кристианссон взял бумагу, посмотрел на нее, побагровел еще сильнее и передал Кванту.

— Я не в силах выговорить это, — произнес Гюнвальд Ларссон.

Кристианссон и Квант, взяв письменное указание с собой, удалились.

IV

Обо всем этом Мартин Бек ничего не знал. Он сидел в своем рабочем кабинете в полиции на аллее Вестберга, и занимали его совсем другие проблемы. Отставив стул подальше, он вытянул ноги и водрузил их на выдвинутый нижний ящик письменного стола. Покусывая мундштук только что прикуренной «Флориды» и засунув руки глубоко в карманы брюк, Мартин Бек смотрел в окно. Он думал.

Поскольку Мартин Бек руководил государственной комиссией по особо опасным преступлениям, можно было предположить, что он размышляет над убийством в Сэдере, случившемся неделю назад и до сих пор не раскрытым. Или думает о неопознанном женском трупе, выловленном вчера в Риддарфьорде. Однако это было не так.

Он не мог придумать, чем кормить гостей, которых пригласил к себе домой.

В конце мая Мартин Бек получил двухкомнатную квартиру на Чёпмансгатан и уехал от семьи. Они с Ингой прожили вместе восемнадцать лет, но брак распался давным-давно, и уже в январе, когда его дочь Ингрид собрала вещички и перебралась к своему приятелю, они с женой договорились о разводе. Сначала она была против, но, когда вопрос о квартире был решен, ей оставалось только согласиться. Рольфу было всего четырнадцать лет, и Мартин Бек чувствовал, что она рада остаться вдвоем с сыном.

Квартира была удобная и уютная, и когда он наконец расставил те немногие вещи, которые перевез из своего с Ингой дома в мрачноватом пригородном районе Багармуссен, и купил то, чего не хватало, он в припадке лихости пригласил трех своих лучшие друзей на ужин. Поскольку его высшим достижением в кулинарное искусстве были вареные яйца и чай, приходилось признать, что он поступил по меньшей мере опрометчиво, и теперь он понимал это. Он попытался вспомнить, чем угощала гостей Инга, но в памяти поплыли только нечеткие картины вкусных и сытных блюд, способ приготовления которых, как и составные части, были ему совершенно неведомы.

Мартин Бек закурил новую сигарету и с тоской подумал о камбале а ля Валевска и телячьем филе Оскар. А что и говорить о Кёр-де-филе Провансаль! Кроме того, было еще одно обстоятельство: он не учел, каким аппетитом обладают его будущие гости.

Леннарт Колльберг, его ближайший помощник, не только любил поесть, но и был знатоком кулинарных тонкостей, в чем Мартин Бек имел не один случай убедиться, когда решался пойти вместе в столовую. Да и само бренное тело Колльберга свидетельствовало об усиленном интересе к прелестям накрытого стола, и даже ножевое ранение в живот, полученное год назад, не лишило его этой особенности. У Гюн Колльберг не было габаритов ее мужа, но по аппетиту она ему не уступала. И Оса Турелль, которая теперь стала их коллегой, поскольку ее после окончания училища определили в полицию нравов, была истым Гаргантюа.

Он хорошо помнил, какой маленькой и тщедушной она была полтора года назад, когда ее мужа, младшего помощника Мартина Бека, в автобусе застрелил закоренелый убийца. Теперь все самое страшное позади, аппетит к ней вернулся и даже усилился. По-видимому, у нее великолепный обмен веществ.

Мартин Бек сначала хотел попросить Осу прийти пораньше, чтобы помочь ему, но потом отбросил эту идею.

Чей-то увесистый кулак стукнул в дверь, она отворилась, и в кабинет вошел Колльберг.

— Над чем задумался? — спросил он, усаживаясь в кресло для посетителей, которое задумчиво крякнуло под тяжестью его тела.

Никто не мог подумать, что Колльберг знал воровских приемов больше и умел отделать человека по всем правилам науки лучше, чем, может статься, любой другой во всей полиции.

Мартин Бек снял ноги с ящика и вместе со стулом подвинулся ближе к столу. Прежде чем ответить, он тщательно затушил недокуренную сигарету.

— Об этом убийстве топором в Юртхагене, — соврал он. — Нового ничего нет?

— Ты видел протокол вскрытия? Там сказано, что парень умер уже от первого удара. У него на редкость тонкие кости черепа.

— Да, я видел.

— Посмотрим, что скажет его жена. В больнице вчера сообщили, что она пока в невменяемом состоянии. Может быть, она его и убила, кто знает.

Он встал, подошел к окну и открыл его.

— Закрой, — попросил Мартин Бек.

Колльберг закрыл окно.

— И как ты это выносишь, — жалобно сказал он. — Здесь ведь жарко, как в печке.

— Уж пусть меня лучше зажарят, чем задушат, — философски заметил Мартин Бек.

Здание полиции примыкало к Эссингеледен, и, когда машин на улице становилось больше, как, например, теперь, во время отпусков, особенно сильно чувствовалось, насколько воздух насыщен выхлопными газами.

— Пеняй на себя, — сказал Колльберг и побрел к двери. — Постарайся, во всяком случае, дожить до вечера. Ты ведь сказал — в семь часов, да?

— В семь, — ответил Мартин Бек.

— Я уже голоден, — сказал Колльберг.

— Вечером накормлю, — улыбнулся Мартин Бек, но дверь за Колльбергом уже закрылась.

Через минуту начали звонить телефоны, по которым надо было отвечать, пошли люди с бумагами, которые нужно было подписывать, и с вопросами, которые нужно было решать, и мысли о вечернем меню отошли на второй план.

Без четверти четыре он вышел из здания полиции и поехал на метро за покупками в Хёторьсхаллен. Он провозился там так долго, что ему в конце концов пришлось брать такси, чтобы успеть домой вовремя.

Без пяти семь все было готово, и он окинул взглядом накрытый стол. Икра в венчике тонко нарезанного лука, с укропом и лимоном. Копченый лосось. Крутые яйца, нарезанные ломтями. Салака горячего копчения. Копченый палтус. Колбасы разных сортов: салями, польская, ливерная. Салат из свежих креветок. Им Мартин Бек особенно гордился, потому что делал этот салат сам и, как ни странно, получилось даже вкусно. Сыр, редиска и оливки. Хлеб черный, белый и серый. Деревенское масло. На плите благоухал укропом молодой картофель. В холодильнике лежали четыре бутылки вина, пиво и бутылка водки.

Мартин Бек был весьма доволен результатами своих стараний. Теперь не хватало лишь гостей.

Оса Турелль явилась первой. Мартин Бек смешал два коктейля — «кампари» с содовой, и со стаканами в руке они пошли осматривать его владения.

Квартира состояла из спальни, гостиной, кухни, ванной и прихожей. Комнаты были маленькие, но уютные и удобные.

— Я уж не спрашиваю, хорошо ли тебе здесь, — произнесла Оса Турелль.

— Как и все, кто родился в Стокгольме, я всегда мечтал получить квартиру в старом районе, — сказал Мартин Бек. — Да и хорошо все-таки быть самому себе хозяином.

Оса кивнула. Она сидела на подоконнике, скрестив ноги, и держала стакан двумя руками. Маленькая и тонкая, с большими карими глазами и коротко подстриженными тонкими волосами, загорелая и свежая, она казалась очень спокойной и хорошо отдохнувшей. Мартин Бек был рад видеть ее такой, ибо ей потребовалось немало времени, чтобы прийти в себя после смерти Оке Стенстрёма.

— Ну, а сама-то ты как? — спросил он. — Ведь ты тоже недавно переехала.

— Заходи как-нибудь, посмотришь, как я живу, — ответила Оса.

После смерти Стенстрёма Оса одно время жила у Колльбергов, и, поскольку не хотела возвращаться в квартиру, где раньше жила вместе со Стенстрёмом, сменяла ее на однокомнатную на Кунгсхольмсстранде. Свою работу в туристской фирме она тоже бросила и поступила в полицейское училище.

Ужин удался на славу. Еда пользовалась большим успехом. Мартин Бек боялся, не будет ли ее слишком мало, но, когда гости встали из-за стола, вид у них был сытый и довольный, а Колльберг даже расстегнул украдкой верхнюю пуговицу на брюках. Оса и Гюн пили пиво и водку, а не вино, и к концу ужина бутылка лётенса тоже была пустой.

Мартин Бек принес коньяк и кофе, поднял свою рюмку и сказал:

— Теперь подумаем о том, чтобы завтра опохмелиться как следует, раз уж в кои-то веки у нас выходной получается у всех вместе.

— А я занята, — сказала Гюн. — В пять утра придет Будиль, прыгнет мне на живот и потребует завтрак.

Будиль, дочке Гюн и Леннарта, было два года.

— Не волнуйся, — сказал Колльберг. — Я сам с ней займусь независимо от того, будет у меня трещать башка или нет. И давайте забудем о службе. Если бы я мог найти порядочную работу, то сразу бы ушел после той истории, год назад.

— Ты хоть сейчас-то не думай об этом, — сказал Мартин Бек.

— Это чертовски трудно, — ответил Колльберг. — Рано или поздно вся полиция дойдет до точки. Посмотри только на этих несчастных деревенских дурней в униформе, которые бродят по улицам и не знают, что им предпринять. А какие у них руководители?

— Конечно, конечно, — успокаивающе сказал Мартин Бек и потянулся за коньяком.

Его тоже очень беспокоило положение дел в полицейском корпусе, особенно централизация и крен в сторону политических соображений в работе; это стало чувствоваться после последних нововведений. То, что профессиональный уровень патрульной службы становился все ниже, тоже не улучшало дело. Но обсуждать эти проблемы сейчас вряд ли было уместно.

— Конечно, конечно, — меланхолично повторил он и поднял рюмку.

После кофе Оса и Гюн решили мыть посуду, а когда Мартин Бек запротестовал, заявили, что мытье посуды — их любимое занятие и они готовы мыть ее где угодно, только не дома. Он им подчинился и принес на кухню виски и содовую.

Зазвонил телефон.

Колльберг посмотрел на часы.

— Четверть одиннадцатого, — сказал он. — Готов поклясться, что это Мальм. Сейчас он скажет, что наш выходной завтра отменяется. Меня здесь нет!

Мальм был главный инспектор, помощник Хаммара, их бывшего шефа, который ушел на пенсию. Мальм явился из ниоткуда, то бишь из правления полиции, и заслуги имел исключительно в области политики.

Мартин Бек снял трубку. Потом сделал красноречивую гримасу. Звонил не Мальм, а шеф полиции. Он слегка картавил:

— Боюсь, что мне придется просить тебя завтра утром выехать в Мальмё. — И добавил, хотя и поздно спохватился: — Извини, если я помешал.

Не отвечая на это, Мартин Бек спросил:

— В Мальмё? А что там случилось?

Колльберг, который только что занялся приготовлением коктейля, взглянул на него и сокрушенно покачал головой. Мартин Бек показал глазами на свой стакан.

— Ты знаешь Виктора Пальмгрена? — спросил шеф.

— Конечно, слышал о нем, но знаю только, что у него масса разных предприятий и он богат, как Крез. У него, кажется, молодая и красивая жена, которая была не то манекенщицей, не то еще кем-то в этом роде. А что с ним?

— Умер. Сегодня вечером в нейрохирургической клинике в Лунде, после того, как в ресторане гостиницы «Савой» в Мальмё в него стрелял неизвестный. Это было вчера. У вас там что, газет нет?

Мартин Бек уклонился от ответа. Лишь сказал:

— А они сами там не справятся? — Он взял стакан виски с содовой, который протянул ему Колльберг, и отпил глоток. — Разве Пер Монссон больше не работает? — продолжал он. — Он-то ведь в состоянии…

Шеф нетерпеливо оборвал его:

— Да, Монссон работает, но я хочу, чтобы ты поехал туда и помог ему. Или, точнее говоря, занялся этим делом. И хочу, чтобы отправился как можно скорее.

«Нет уж, спасибо», — подумал Мартин Бек. В Мальмё можно было улететь и этой ночью без четверти час, но он не собирался этого делать.

— Вылетай завтра же, — сказал шеф. Он явно не знал расписания самолетов. — В этой тягостной и неприятной истории мы должны разобраться как можно быстрее. — Он замолчал. Мартин Бек маленькими глотками тянул свои коктейль и ждал. Наконец шеф продолжил: — И высокие инстанции тоже выразили пожелание, чтобы этим делом занялся именно ты.

Мартин Бек нахмурил брови и встретил вопросительный взгляд Колльберга.

— Он что, был такой важной персоной? — спросил Мартин Бек.

— Да, само собой. С некоторыми аспектами его деятельности связаны крупные интересы.

«А не мог бы ты выразиться яснее, без этих трафаретов, — подумал Мартин Бек. — Какие интересы, какие аспекты, какой деятельности?»

— К сожалению, я не совсем ясно представляю себе картину его деятельности, — сказал он.

— Тебя потом проинформируют. Главное, чтобы ты как можно быстрее был на месте. Я говорил с Мальмом, и он согласен отпустить тебя. Мы должны приложить все силы, чтобы взять этого человека, И будь осторожен при разговорах с прессой. Писанины тут будет много, как ты понимаешь. Ну, когда ты сможешь вылететь?

— Кажется, есть самолет в девять пятьдесят утра, — поколебавшись, ответил Мартин Бек.

— Хорошо, вылетай этим рейсом, — сказал шеф полиции и повесил трубку.

V

Виктор Пальмгрен умер в семь тридцать вечера, в четверг. Всего за полчаса до официальной констатации его смерти врачи, обследовавшие физическое состояние Пальмгрена, нашли, что у него очень сильный организм и общее состояние не так уж плохо. Единственный изъян — пуля в голове.

В момент смерти возле Пальмгрена была его жена, два нейрохирурга, две медсестры и первый помощник инспектора лундской полиции.

Все сходились на том, что оперировать Пальмгрена слишком рискованно, даже неспециалист понимал это.

Временами раненый приходил в сознание, и однажды даже смог отвечать на вопросы. Дежуривший у его постели помощник инспектора, который к этому времени сам был еле жив от усталости, задал ему два вопроса:

— Рассмотрели ли вы человека, который в вас стрелял? — И: — Узнали ли вы его?

Ответы были такие: утвердительный в первом случае и отрицательный во втором. Пальмгрен видел стрелявшего, но в первый и последний раз в жизни.

От этого дело не прояснялось. Монссон, собрав на лбу тяжелые морщины, размышлял над ним; ему мучительно хотелось спать или хотя бы сменить рубашку. День стоял невыносимо жаркий, а кондиционеров в здании полиции не было.

Единственная зацепка, на которую он надеялся, отпала. Прохлопали. Уж эти мне стокгольмцы, подумал Монссон. Но вслух этого не сказал из-за Скакке, который был чувствительной натурой.

А серьезной ли, кстати, она и была, эта зацепка?

И все-таки. Датская полиция допросила команду катера на подводных крыльях, и одна из стюардесс сказала, что во время вечернего рейса из Мальмё в Копенгаген она обратила внимание на то, что один из пассажиров упрямо стоял на палубе половину пути, который занимает тридцать пять минут. Внешний вид его, то есть прежде всего одежда, совпадал с приметами.

Здесь, кажется, что-то было.

На этих катерах, которые больше напоминают самолет, чем судно, на палубе не стоят. Вряд ли разумно стоять на таком ветру. Потом этот человек все же побрел в салон и сел там в одно из кресел. Он не стал покупать ни шоколада, ни спиртного, ни сигарет, которые на борту продаются беспошлинно, и потому его имя не записано. Когда пассажир что-то покупает, он должен заполнить отпечатанный типографским способом бланк-заказ.

Почему этот человек старался подольше побыть на палубе?

Может быть, ему нужно было что-то выбросить за борт?

В таком случае — что именно?

Оружие.

Если только речь шла о том самом человеке. Если только он хотел избавиться от оружия. И если только он стоял на палубе не потому, что боялся морской болезни и хотел подышать свежим воздухом. «Если, если, если», — пробормотал про себя Монссон и раскусил последнюю зубочистку.

Обследование места преступления шло плохо. Обнаружили сотни отпечатков пальцев, но не было никаких оснований считать, что какие-то из них принадлежат человеку, стрелявшему в Пальмгрена. Самые большие надежды возлагались на окно, но те несколько отпечатков, которые нашли на стекле, были слишком нечетки.

Баклунда больше всего раздражало то, что он никак не мог найти стреляную гильзу. Он несколько раз звонил по телефону, жаловался:

— Не понимаю, куда она могла запропаститься.

Монссон считал, что ответ на этот вопрос предельно прост, и даже Баклунд мог бы догадаться. Поэтому и сказал с мягкой иронией:

— Позвони, если у тебя появится какая-нибудь теория на этот счет.

Следов ног тоже не смогли обнаружить. Вполне естественно, поскольку по ресторану прошло множество людей, да и просто нельзя найти что-нибудь стоящее на полу, который сплошь затянут ковром. Прежде чем спрыгнуть с окна на тротуар, преступник шагнул в цветочный ящик, что нанесло большой ущерб цветам, но ничего не дало криминалистам.

— Ну и званый ужин, — сказал Скакке.

— А что такое?

— Он скорее похож на деловое заседание, чем на дружескую встречу.

— Может быть, и так, — сказал Монссон. — У тебя есть список сидевших за столом?

— Конечно:

Виктор Пальмгрен, директор, Мальмё, 56 лет.

Шарлотта Пальмгрен, его жена, Мальмё, 32 года.

Хампус Бруберг, заведующий отделом, Стокгольм, 43 года.

Хелена Ханссон, секретарь, 26 лет.

Уле Хофф-Енсен, заведующий отделом, Копенгаген, 48 лет.

Бирта Хофф-Енсен, его жена, Копенгаген, 43 года.

Матс Линдер, помощник директора, Мальмё, 30 лет.

— И, понятное дело, все работают в концерне Пальмгрена, — сказал Монссон, вздохнул и подумал, что теперь все эти люди разъехались кто куда. Енсены на следующий вечер вернулись в Копенгаген. Хампус Бруберг и Хелена Ханссон утром улетели в Стокгольм, а Шарлотта Пальмгрен пребывала у смертного одра своего мужа. В Мальмё остался только Матс Линдер. Да и в этом уверенности тоже не было: ближайший помощник Пальмгрена все время разъезжал.

Казалось, что кульминацией всех неприятностей в этот день было сообщение о смерти Пальмгрена, которое они получили без четверти восемь и которое превратило покушение в убийство.

Но худшее было еще впереди.

В половине одиннадцатого они сидели и пили кофе, осунувшиеся и измученные бессонной ночью. Зазвонил телефон, и Монссон снял трубку.

— Инспектор Монссон слушает. — И сразу: — Понимаю. — Он повторил это слово еще три раза, попрощался и повесил трубку. Посмотрел на Скакке и сказал: — Этот случай больше не наш. Сюда присылают человека из комиссии по расследованию особо опасных преступлений.

— Колльберга? — настороженно спросил Скакке.

— Нет. Самого Бека. Он прилетит завтра утром.

— Так что теперь делать?

— Спать, — ответил Монссон и встал.

VI

Когда стокгольмский самолет приземлился в Бультофте, Мартин Бек чувствовал себя неважно. Он и в хорошее-то время терпеть не мог самолеты, а на этот раз после выпивки полет показался ему вообще отвратительным.

Жаркий, недвижный воздух после относительной прохлады салона показался ему обжигающим. Уже спускаясь по трапу, Мартин Бек вспотел, он пошел к зданию аэропорта, чувствуя, как ноги вязнут в размякшем от зноя асфальте.

В такси было жарко, как в печке, несмотря на опущенные стекла, и накалившаяся спинка заднего сиденья буквально жгла его плечи сквозь рубашку. Он знал, что Монссон

ждет его в полиции, но решил сначала заехать в гостиницу, чтобы принять душ и переодеться. На этот раз он заказал номер не в «Сант-Ёргене», как обычно, а в «Савое».

В номере было прохладно. Окна выходили на север, и был виден канал, здание центрального вокзала и порт; чуть дальше виднелся пролив; белый катер на подводных крыльях таял в голубоватой дымке где-то по дороге к Копенгагену.

Мартин Бек разделся и пошлепал по комнате, разбирая свои вещи. Потом пошел в ванную и долго стоял под холодным душем.

Он надел чистое белье и свежую рубашку и, когда был готов, увидел, что часы на здании вокзала показывали ровно двенадцать. В полицию он поехал на такси и, добравшись туда, пошел прямо в кабинет Монссона.

Окна, в кабинете были открыты настежь. Во дворе в это время дня стояла тень. Монссон сидел в одной рубашке и пил пиво, перелистывая лежавшие перед ним бумаги.

Они поздоровались. Мартин Бек снял пиджак и, опустившись в кресло, закурил свою «Флориду»; Монссон протянул ему пачку бумаг.

— Взгляни для начала на этот рапорт. Чертовщина тут начинается с первых шагов.

Бек внимательно читал рапорты, временами задавая Монссону вопросы для уточнения деталей. Монссон изложил ему и одну из слегка исправленных версий поведения Кванта и Кристианссона на Каролинском мосту. Гюнвальд Ларссон отказался от дальнейшего участия в нынешнем деле.

Мартин Бек, прочитав рапорты, отложил их в сторону и сказал:

— Прежде всего нам нужно как следует допросить свидетелей. Все это мало что дает. А что, кстати говоря, означает вот эта писанина? — Он полистал бумаги, нашел, что ему нужно, и прочитал: «Отклонения имеющихся в наличии часов в показании точного момента преступления…» Что это такое?

Монссон ножал плечами:

— Это Баклунд. Ты, наверное, имел с ним дело?

— Ах, он. Тогда понятно, — ответил Бек.

Он имел дело с Баклундом. Однажды, несколько лет назад. Этого было достаточно.

Во двор въехала машина и остановилась под окнами. Захлопали дверцы, застучали торопливые шаги, потом громко заговорили по-немецки. Монссон неторопливо поднялся и выглянул в окно.

— Как видно, сделали облаву на площади Густава Адольфа, — сказал он, — или у причалов в порту; мы усилили там охрану, но попадается большей частью молодежь с какой-то мелочью, покупает гашиш для себя. Крупные партии наркотиков и серьезную контрабанду редко удается найти.

— У нас такая же картина.

Монссон закрыл окно и уселся.

— Ну, а как тут Скакке? — спросил Мартин Бек.

— Ничего, — ответил Монссон. — Честолюбивый парень. По вечерам сидит дома и зубрит. И работает хорошо. Очень исполнительный, точный, сгоряча ничего не делает. Видно, тот случай был ему хорошей наукой. Впрочем, он боялся, что сюда приедет Колльберг, а не ты.

Около года назад Бенни Скакке и Колльберг брали на аэродроме Арланда преступника, и тот нанес Колльбергу тяжелое ножевое ранение; отчасти виноват был Скакке.

— Да и для футбольной команды хорошее пополнение, как я слышал, — улыбнулся Монссон.

— Вот как, — безразлично сказал Мартин Бек. — А чем он сейчас занимается?

— Пытается найти человека, который сидел через несколько столиков от компании Пальмгрена. Его зовут Эдвардссон, он работает корректором в газете «Арбетет». Во вторник он был слишком пьян, и допрос не имел смысла, а вчера мы не могли его найти. Лежал, наверное, дома с похмелья и не хотел открывать дверь.

— Если уж он был пьян, когда стреляли в Пальмгрена, то от него мало толку как от свидетеля. А когда будем допрашивать жену Пальмгрена?

Монссон отхлебнул из стакана и вытер рот тыльной стороной ладони.

— Надеюсь, сегодня. Или завтра. Ты хочешь этим заняться?

— Пожалуй, лучше поговорить с ней тебе самому. Ты, наверное, знаешь о Пальмгрене больше, чем я.

— Не думаю, — вздохнул Монссон. — Ну ладно, ведь решаешь здесь ты. Можешь поговорить с Эдвардссоном, если только Скакке его разыщет. У меня такое чувство, что пока он у нас самый важный свидетель, несмотря ни на что. Кстати, хочешь пива? Правда, оно совсем теплое.

Мартин Бек отрицательно покачал головой. Пить хотелось ужасно, но теплое пиво его не привлекало.

— Давай лучше поднимемся в буфет и выпьем минеральной воды, — сказал он.

Они выпили бутылку воды у стойки, не садясь, и вернулись в кабинет Монссона. На стуле для посетителей сидел Бенни Скакке и листал свою записную книжку. Он быстро встал, когда они вошли, и Мартин Бек пожал ему руку.

— Ну как? Поймал Эдвардссона? — спросил он.

— Да, сейчас он в газете, но часа в три будет дома, — ответил Скакке. Заглянув в свои записи, он добавил: — Камрергатан, два.

— Позвони и скажи, что я буду у него в три часа, — сказал Бек.

Дом на Камрергатан был, очевидно, заселен первым из строившихся здесь домов. На другой стороне улицы горбатились приземистые старые здания, которым скоро предстояло пасть жертвой зубастых экскаваторов и освободить место для новых больших доходных домов.

Эдвардссон жил на самом верхнем этаже и сразу же после звонка Мартина Бека отворил дверь. Это был человек лет пятидесяти, с умным лицом, украшенным крупным носом. По обеим сторонам рта залегли глубокие морщины. Прищурившись, он посмотрел на Мартина Бека:

— Комиссар Бек? Входите.

Он прошел в комнату, очень скромно обставленную. Вдоль стен тянулись книжные полки, на письменном столе у окна стояла пишущая машинка с заправленным в нее и наполовину уже заполненным листом бумаги.

Эдвардссон снял кипу газет с единственного в комнате кресла.

— Садитесь, я принесу что-нибудь выпить. У меня в холодильнике есть пиво.

— Пусть будет пиво, — сказал Мартин Бек.

Эдвардссон сходил на кухню и вернулся с двумя бутылками пива и стаканами.

— «Бекс Бир». Пиво Бека, — сказал он. — Нам в самый раз.

Разлив пиво по стаканам, он уселся на диван, закинув руку на спинку.

Мартин Бек сделал большой глоток. Пиво было холодное, в жару такое только и пить. Потом сказал:

— Ну, вы ведь знаете, по какому делу я пришел?

Эдвардссон кивнул, закуривая сигарету.

— Да, Пальмгрен. Не могу сказать, что я горько оплакиваю эту потерю.

— Вы его знали?

— Лично? Вовсе нет. Но так или иначе мне все время приходилось наталкиваться на это имя. На меня Пальмгрен производил очень тяжелое, неприятное впечатление. Впрочем, я никогда не терпел людей его толка.

— Что значит — «его толка»?

— Людей, для которых деньги — все, и которые не брезгуют никакими средствами, чтобы их добыть.

— Я с удовольствием выслушаю ваше мнение о Пальмгрене потом, если вы захотите, конечно, но пока меня интересует другое. Вы видели человека, который в него стрелял?

Эдвардссон провел рукой по волосам, в которых уже пробивалась проседь.

— Боюсь, что тут я вам помочь не сумею. Я сидел, читал и, собственно, среагировал на все это только тогда, когда тот человек уже вылезал из окна. Меня интересовал в первую очередь Пальмгрен, а стрелявшего я видел лишь мельком. Он очень быстро исчез, и, когда я опомнился и подбежал к окну, его уже не было видно.

Мартин Бек достал из кармана мятую пачку «Флориды» и закурил.

— Вы совсем не помните, как он выглядел?

— Вспоминаю, что одежда была темной, костюм или пиджак и брюки, и что он не молод. Но это только мимолетное впечатление, ему может быть лет тридцать, сорок, ну пятьдесят, но никак не больше и не меньше этих пределов.

— А эта пальмгреновская компания уже сидела за столом, когда вы пришли?

— Нет, — сказал Эдвардссон. — Как раз наоборот. Когда они явились, я уже поел и выпил виски. Я ведь без семьи и иногда люблю пойти в какой-нибудь кабак и спокойно посидеть там за книгой. Бывает, что я засиживаюсь довольно долго. — Он помолчал и добавил: — Хотя это и чертовски дорого, конечно.

— Узнали ли вы кого-нибудь, кроме Пальмгрена, в этой компании?

— Его жену и того молодого человека, который считается… то есть считался его правой рукой. Остальных не знаю, но мне показалось, что они все служащие концерна. Двое из них говорили по-датски.

Эдвардссон достал из кармана брюк носовой платок и вытер пот со лба. На нем была белая рубашка, галстук, светлые териленовые брюки и темные ботинки. Рубашка намокла от пота. Мартин Бек чувствовал, что его рубашка тоже стала влажной и прилипает к телу.

— Может быть, вы случайно слышали, о чем шла речь за столом? — спросил он.

— Честно говоря, да. Я по природе любопытен и люблю изучать людей, поэтому я сидел и почти что подслушивал. Пальмгрен и датчанин говорили о делах, и я не понял, о чем шла речь, но они несколько раз упомянули Родезию. Этого Пальмгрена просто распирали всякие планы и идеи, он сам сказал за столом об этом. Потом много говорили о разных темных аферах. Женщины болтали о том, о чем обычно болтают женщины такого рода. Тряпки, поездки, общие знакомые, приемы и прочее. Фру Пальмгрен и самая молодая из дам говорили о какой-то женщине, сделавшей операцию грудей, которые были плоскими, а после этого стали упругими, как теннисные мячи, и чуть ли не упирались в подбородок. Потом Шарлотта Пальмгрен рассказала о приеме в Нью-Йорке, на котором был Фрэнк Синатра и кто-то по прозвищу Бутерброд всю ночь поил компанию шампанским. И остальное было не лучше. Что в «Твильфите» есть шикарные бюстгальтеры по семьдесят пять крон за штуку. Что летом жарко носить парик и приходится укладывать волосы каждый день.

Мартин Бек подумал, что Эдвардссон в тот вечер мало что прочел в своей книге.

— Ну а другие мужчины? Тоже говорили о делах?

— Не так много. Создавалось впечатление, что перед этим ужином у них было деловое заседание: четвертый из них, то есть не датчанин и не тот, что моложе всех, говорил о чем-то в этом роде. Нет, их разговор касался уж никак не высоких тем. Они, к примеру, долго болтали о галстуке, который надел Пальмгрен и которого я не видел, потому, что Пальмгрен сидел спиной ко мне. Галстук был, наверное, какой-то особенный, потому что все им восхищались, а Пальмгрен сказал, что купил его на Елисейских полях в Париже за девяносто пять франков. А этот четвертый говорил, что мучается и не спит по ночам из-за очень серьезной проблемы: его дочь спуталась с негром. Пальмгрен предложил отправить ее в Швейцарию, где вряд ли есть негры.

Эдвардссон встал, отнес пустые бутылки на кухню и принес две полные. Они запотели и выглядели весьма привлекательно.

— Да, — сказал Эдвардссон, — вот в общем-то и все, что я помню из застольного разговора. Мало что дает, а?

— Немного, — честно признался Мартин Бек. — А что вы знаете о Пальмгрене?

— Тоже мало. Он жил в одной из самых роскошных вилл, знаете — эти старинные, принадлежавшие аристократам, в пригороде. Он заколачивал массу денег, да и тратил массу, в частности, на свою жену и этот старый дом. — Эдвардссон с минуту молчал, потом сам задал вопрос: — А вы что знаете о Пальмгрене?

— Не намного больше.

— Спаси нас Бог, если уж полиция знает столько же, сколько мы, о таких, как Пальмгрен, — вздохнул Эдвардссон и глотнул пива.

— А что, в момент выстрела Пальмгрен, кажется, речь произносил, да?

— Да, он встал и понес всякую чушь, как обычно бывает в таких случаях: «Спасибо за внимание, за старание, „наши очаровательные дамы"» и прочее. Он, как видно, поднаторел в этом деле, временами даже казалось, что он говорит от всего сердца. Все, кто обслуживал стол, ушли, чтобы не мешать, музыка тоже кончилась, а я сидел и потягивал виски. Да вы и в самом деле не знаете, чем занимался Пальмгрен, или это полицейская тайна?

Бек покосился на стакан. Взял его. Осторожно отпил глоток.

— Я и впрямь знаю о нем мало, — сказал он. — Но есть люди, которым известно больше. Масса зарубежных предприятий, акционерное общество домовладельцев в Стокгольме.

— Да, — сказал Эдвардссон, казалось, погруженный в свои мысли. Немного погодя он сказал: — То, что я мог рассказать об убийце, я изложил позавчера вечером. Со мной сразу двое ваших беседовали. Сначала один, он все время спрашивал — сколько было тогда времени, потом второй, тот вроде похитрее.

— Вы ведь были не совсем трезвым в тот вечер, — сказал Мартин Бек.

— Не совсем, Бог свидетель. И вчера добавил, чтобы голова не трещала. Наверное, все из-за этой проклятой жары.

«Здорово, — подумал Мартин Бек. — Детектив с похмелья допрашивает не успевшего просохнуть свидетеля, который ничего не видел. Многообещающее начало».

— Вы, может, знаете, как человек себя чувствует с похмелья? — спросил Эдвардссон.

— Знаю. — Мартин Бек взял стакан и без раздумий выпил его до дна. Поднялся и сказал: — Спасибо. Я, может статься, еще зайду.

В дверях он остановился и задал еще один вопрос:

— Кстати, вы случайно не видели оружия, которым пользовался убийца?

Эдвардссон задумался.

— Теперь я вспоминаю, что, кажется, видел мельком, когда он его уже прятал. Конечно, я в оружии мало смыслю, но это было что-то длинное и очень узкое. С такой круглой штуковиной, как она там называется.

— Барабан, — сказал Мартин Бек. — До свидания и спасибо за пиво.

— Заходите, — ответил Эдвардссон. — А я сейчас глотну как следует, чтобы прийти в норму.

Монссон сидел за столом почти в прежней позе.

— Хочешь, чтобы я спросил, как у тебя дела? — сказал он, когда Мартин Бек вошел в кабинет. — Ну, как дела?

— Хороший вопрос. А дела неважные. Мне кажется. А у тебя как?

— Тоже не очень.

— А вдова?

— Займусь ею завтра. Тут лучше быть осторожнее. Ведь она а трауре.

VII

Пер Монссон родился и вырос в Мальмё, в рабочем квартале. Он служил в полиции больше двадцати пяти лет и знал свой город лучше, чем кто-либо другой, рос и жил вместе с городом и, кроме того, любил его. Но один из районов был для него все-таки чужим и никогда его не притягивал: западные пригороды — Фридхем, Вастервонг, Бельвю, где всегда жили очень богатые люди. Монссон помнил, как он сам, еще мальчишкой, в трудные двадцатые и тридцатые годы тащился, шлепая деревянными башмаками, через эти шикарные кварталы, направляясь в Лимхамн, где можно было какими-то путями добыть селедку на обед. Он помнил роскошные автомобили и шоферов в униформе, горничных в черных платьях с передниками и в накрахмаленных белых чепчиках, барских детишек, наряженных в тюлевые платьица и матросские костюмчики. Для него все это было настолько далеким, что казалось сказочным и непонятным. Каким-то образом старое ощущение продолжало жить в нем, и эти кварталы оказывали на него прежнее воздействие, несмотря на то, что личных шоферов теперь не было, прислуги стало меньше, а дети богачей по одежде мало чем отличались от остальных.

В конце концов, картошка с селедкой оказалась не такой уж плохой едой, и он, росший в бедности, без отца, вымахал в здорового парня, прошел так называемый «большой путь» и мало-помалу стал хорошо жить. По крайней мере, ему самому так казалось.

И вот теперь он направлялся именно в этот район. Здесь жил Виктор Пальмгрен и, следовательно, должна была жить его вдова.

Монссон видел людей, собравшихся за столом в тот роковой вечер, только на фото, и ему мало что было известно о них. О Шарлотте Пальмгрен он знал, что она была женщиной необычайной красоты и однажды стала какой-то «мисс» — не то «мисс Швецией», не то даже «мисс Вселенной». Потом прославилась как манекенщица и вышла замуж за Пальмгрена двадцати семи лет от роду и на вершине своей неотразимости. Теперь ей было тридцать два, и внешне она не изменилась, как не меняются только женщины, у которых никогда не было детей, но есть большие деньги и много времени, чтобы заниматься своей наружностью. Виктор Пальмгрен был на двадцать четыре года старше ее, что, кажется, проливало свет на обоюдные мотивы супружества. Он хотел, чтобы у него было кого показать своим коллегам по бизнесу, она — иметь достаточно денег, чтобы никогда больше не работать.

Но, что там ни говори, Шарлотта Пальмгрен была вдовой, а Монссона в какой-то степени сковывали традиции. Поэтому он с большой неохотой надел темный костюм, белую рубашку и галстук, прежде чем сесть в машину и ехать в Бельвю.

Пальмгренская резиденция, казалось, полностью соответствовала детским воспоминаниям Монссона, хотя годы подернули ее дымкой преувеличений. С улицы видна

была только часть крыши и флюгер, остальное закрывала аккуратно подстриженная живая изгородь, очень высокая и необыкновенно густая и плотная. За ней, по-видимому, была еще одна ограда — металлическая. Участок казался непомерно большим, а сад скорее напоминал разросшийся парк. Ворота главного входа, высокие и широкие, обитые медью, позеленевшей от времени, с затейливыми башенками поверху, тоже были непроницаемы для взгляда. На одной из створок красовались излишне крупные, отлитые из бронзы буквы, составлявшие имя — Пальмгрен, на другой створке — прорезь для писем, кнопка звонка, а еще выше — квадратное окошко, через которое посетителя как следует рассматривали, прежде чем впустить. Ясно было, что в этот дом нельзя заглянуть попросту, когда угодно, и Монссон, осторожно нажав на ручку двери, почти ждал, что где-нибудь в доме зазвенит сигнал тревоги. Ворота оказались, разумеется, запертыми, а смотровое окошко наглухо закрытым. Сквозь прорезь для писем ничего нельзя было разглядеть: с той стороны, очевидно, висел железный ящик.

Монссон поднял было руку к звонку, но раздумал и звонить не стал. Огляделся по сторонам. У тротуара, кроме его старенького «вартбурга», стояли еще две машины: красный «ягуар» и желтая «МГ». Почему Шарлотта Пальмгрен держит две спортивные машины на улице? Он постоял, прислушиваясь, и ему показалось, что из парка доносятся голоса. Потом их не стало слышно, может быть, звуки поглотила жара и раскаленный неподвижный воздух.

Ну и лето, подумал Монссон. Такое бывает раз в десять лет, наверное. Сейчас бы на пляже валяться или дома сидеть в одних трусах и пить холодный грог. А тут торчишь, как дурак, в галстуке, рубашке и костюме.

Потом мысли вернулись к вилле. Она была старая, вероятно, самого начала века, ее наверняка перестраивали и модернизировали, не жалея миллионов. В таких домах обычно бывал и черный ход, через который ходили кухарки, прислуга, няньки, садовник и почтальон, чтобы не раздражать господ.

Монссон пошел вдоль ограды, свернул на боковую улицу. Участок занимал, как видно, целый квартал: плотная листва живой изгороди тянулась ровной стеной, нигде не прерываясь. Он опять повернул направо, обходя виллу вокруг, и тут нашел, что искал. Калитку с железными решетками створок. Отсюда дом не был виден совсем, его загораживала листва высоких деревьев и кустов, но виднелся гараж, по-видимому, недавно построенный, и какое-то старое небольшое строение, скорее всего сарай для садового оборудования. Таблички с именем владельца на калитке не было.

Монссон обеими руками резко нажал на створки, они подались внутрь, и калитка отворилась. Таким путем он избавился от необходимости выяснить, заперта она или нет, и закрыл за собой калитку.

На посыпанной гравием площадке у выезда из гаража виднелись следы машины, но здесь они кончались: дорожки, ведущие в сад, были уложены шиферной плиткой.

По газону Монссон зашагал к дому. Прошел сквозь ряды цветущего ракитника и жасмина и очутился, как и хотел, на задней стороне виллы. Тихо, пустынно, закрытые окна, двери на кухню и в погреб, какие-то загадочные пристройки. Он взглянул вверх, но мало что мог рассмотреть, потому что стоял у самой стены. Двинулся вдоль стены направо, прошел по цветочной клумбе, заглянул за угол и замер, стоя среди шикарных пионов.

Тут было от чего окаменеть. Зеленая лужайка с ровно подстриженной, как на английской площадке для гольфа, травой. Посредине овальный бассейн: искрящаяся, прозрачно-зеленая вода, светло-голубой кафель. Рядом баня и гимнастические снаряды — брусья и кольца, велосипедный тренажер. Вероятно, здесь и добывал Виктор Пальмгрен свое «хорошее физическое состояние». В бассейне, на чем-то вроде шезлонга, сидела или скорее лежала Шарлотта Пальмгрен, голая, с закрытыми глазами. Ровный, очень хороший загар по всему телу, безразличное выражение лица. Чистый профиль, прямой рот, светлые волосы.

Худощавая, неестественно узкие бедра и тонкая талия. Эта женщина не вызывала у Монссона никаких эмоций. С таким же успехом она могла быть куклой, выставленной в витрине магазина. Смотри-ка, голая вдова. Впрочем, а почему бы и нет. Монссон стоял среди пионов и чувствовал себя соглядатаем, да, кстати, и был им.

Его заставляло оставаться на месте не то, что он видел, а то, что он слышал. Где-то совсем рядом, но вне поля зрения Монссона, что-то звенело, кто-то ходил и что-то делал. Потом послышались шаги, и из тени дома вышел человек. На нем были пестрые купальные трусы, в руках он держал два высоких стакана с каким-то красноватым напитком, соломинками и кубиками льда.

Монссон сразу же узнал этого человека по фотографиям: Матс Линдер, помощник директора, правая рука и ставленник умершего меньше сорока восьми часов назад Виктора Пальмгрена. Вот он подошел к бассейну. Женщина почесала щиколотку, по-прежнему не открывая глаз, протянула руку и взяла у него стакан.

Монссон отступил за угол дома. Линдер сказал:

— Не очень кислый получился?

— Нет, в самый раз.

Было слышно, как она поставила стакан на кафельный бортик бассейна.

— Мы с тобой просто ненормальные, — сказала Шарлотта Пальмгрен.

— Во всяком случае, все чертовски хорошо.

— Да, пожалуй. — Голос был по-прежнему безразличный. — А почему ты в этих дурацких штанах?

Что ответил на это Линдер, Монссон так никогда и не узнал, потому что в этот момент покинул свое убежище.

Он быстро и неслышно пошел той же дорогой обратно, закрыл за собой калитку и двинулся вдоль живой изгороди, обходя дом. Остановившись перед медными воротами, он без колебаний нажал кнопку.

Вдали раздался звонок, более похожий на бой часов. Прошло не больше минуты, и за воротами послышались легкие шаги. Открылось смотровое окошко, и Монссон увидел светло-зеленый глаз с неестественно длинными ресницами, великолепно сделанными с точки зрения техники, и светлую прядь волос.

Он вынул удостоверение личности и подержал его перед окошком.

— Извините, если помешал. Меня зовут Монссон. Инспектор полиции.

— А, — как-то по-детски сказала она. — Конечно. Полиция. Вы можете подождать две минуты?

— Разумеется. Я не вовремя?

— Что? Нет-нет. Просто я…

Она, как видно, не сумела найти подходящий конец фразы, ибо окошко захлопнулось, и легкие шаги удалились гораздо быстрее, чем приближались.

Он посмотрел на часы. Прошло три с половиной минуты, и Шарлотта Пальмгрен, одетая в серебряные сандалии и серое платье из какого-то легкого материала, отворила дверь.

— Входите, пожалуйста, — сказала Шарлотта Пальмгрен. — Очень жаль, что вам пришлось ждать.

Она заперла ворота и повела его к дому. На улице рокотнул мотор отъезжающего автомобиля. Очевидно, не только вдова действовала быстро.

Монссон впервые увидел виллу всю целиком и ошеломленно рассматривал ее. Собственно говоря, это была не вилла, а маленький дворец, украшенный башнями, башенками и зубцами. Все говорило за то, что ее первый хозяин страдал манией величия, и

архитектор срисовывал здание с какой-то открытки. Последующие реконструкции — и пристроенные балконы, и стеклянные веранды не улучшали дела. Вид у здания был устрашающий, и трудно сказать, следовало ли тут смеяться или плакать, или просто вызвать подрывников и разнести эту аляповатую громадину на куски. При этом она казалась на редкость прочной и взять ее мог, очевидно, только динамит. Вдоль дороги, ведущей к воротам, стояли отвратительные скульптуры из тех, что были модны в Германии имперских времен.

— Да, вилла у нас красивая,— сказала Шарлотта Пальмгрен.— Но перестройка обошлась недешево. Зато теперь все тип-топ.

Монссону удалось оторвать взгляд от дома и переключить внимание на окрестности. Парк был, как он уже имел возможность отметить, ухоженный.

Женщина проследила за его взглядом и сказала:

— Садовник бывает три раза в неделю.

— Вот как, — сказал Монссон.

— Войдем в дом или посидим здесь?

— Все равно, — ответил Монссон.

Следы присутствия Матса Линдера исчезли, даже стакан, но на передвижном столике перед верандой стоял сифон, ведерко со льдом и несколько бутылок.

— Этот дом купил мой свекор, — сказала она. — Но он умер давным-давно, задолго до того, как мы с Виктором встретились.

— А где вы встретились? — равнодушно спросил Монссон.

— В Ницце, шесть лет назад. Я там выступала с показом моделей одежды. — После секундного колебания она сказала: — Может быть, войдем в дом? Ничего особенного я, правда, предложить не могу. Ну, немножко выпить.

— Спасибо, я не хочу.

— Понимаете, я здесь совершенно одна. Прислугу отпустила.

Монссон промолчал, и после паузы она продолжала:

— После того, что случилось, мне кажется, лучше побыть одной. Совсем одной.

— Я понимаю. Весьма вам сочувствую.

Она склонила голову, но не сумела изобразить ничего, кроме скуки и полнейшего равнодушия. «Очевидно, она слишком бездарна, чтобы сделать печальное лицо», — подумал Монссон.

Он прошел за ней по каменным ступеням лестницы рядом с верандой. Миновав большой мрачный зал, они вошли в огромную, забитую мебелью гостиную. Смешение стилей было поистине нелепым: сверхсовременная мебель соседствовала со старинными креслами с высокими спинками и чуть ли не античным столом. Она провела его в угол, где стояли четыре кресла, диван и гигантский стол, покрытый толстым стеклом, как видно, совсем новый и очень дорогой.

— Садитесь, пожалуйста, — официальным тоном сказала она.

Монссон сел. Таких больших кресел он в жизни не видел, а это оказалось к тому же настолько глубоким, что Монссон засомневался, сумеет ли он из него вылезти и снова встать на ноги.

— А вы и в самом деле не хотите выпить?

— В самом деле. Я не стану вас долго задерживать. Но, к сожалению, мне придется задать вам несколько вопросов. Нам, как вы понимаете, очень важно быстрее найти человека, убившего директора Пальмгрена.

— Разумеется. Вы ведь полиция. Ну что я могу сказать? Это ведь все ужасно печально. Трагедия.

— Вы видели лицо стрелявшего?

— Конечно. Но все произошло страшно быстро. Никто сначала и не среагировал даже. Только потом мне пришла в голову ужасная мысль, что он мог и меня застрелить. И всех.

— Вы никогда прежде не встречали этого человека?

— Нет. У меня хорошая память на лица, но имена и прочее в этом роде я никогда не могу запомнить. В Лунде полицейский меня тоже спрашивал об этом.

— Я знаю, но тогда вы, конечно, были взволнованы.

— Вот именно, это же ужасно, — неуверенно сказала она.

— Должно быть, в последние дни вы много думали о случившемся?

— Конечно.

— И вы хорошо видели этого человека. Вы сидели к нему лицом, и он оказался всего лишь в нескольких метрах от вас. Как он, собственно, выглядел?

— Ну, как это сказать… У него был совсем обычный вид.

— Какое он производил впечатление? Казался потерявшим самообладание? Или взвинченным?

— Да нет, у него был совершенно обычный вид. Очень простой.

— Простой?

— Ну да, то есть он не из тех, с кем обычно общаешься.

— Что вы почувствовали, увидев его?

— Ничего, пока он не вынул пистолет. Тогда я испугалась.

— Вы видели и оружие?

— Конечно. Это был какой-то пистолет.

— Не можете сказать, какого типа?

— Я ничего не понимаю в оружии. Но это был какой-то пистолет. Длинный такой. Как в ковбойских фильмах.

— А какое было выражение лица у этого человека?

— Обычное. У него был совсем обычный вид, как я говорила. Одежду я рассмотрела лучше, но о ней я уже рассказала.

Монссон не стал спрашивать о приметах. Она не хотела или не могла сказать больше того, что уже сказала. Он посмотрел по сторонам. Женщина заметила это и сказала:

— Симпатичные кресла, и стол тоже, правда?

Монссон кивнул и подумал, сколько все это стоило.

— Я сама покупала, — с оттенком гордости сказала она.

— Вы всегда здесь живете? — спросил Монссон.

— А где же нам еще жить, когда мы в Мальмё? — туповато ответила она.

— А когда вы не в Мальмё?

— У нас есть дом в Эсториле. Обычно мы живем там зимой — у Виктора было много дел в Португалии. И еще, понятно, есть представительская квартира в Стокгольме. — Немного подумав, она сказала: — Но там мы живем только тогда, когда мы в Стокгольме.

— Я понимаю. Вы всегда сопровождали мужа в деловых поездках?

— Да, когда речь шла о представительстве. Но на переговоры не сопровождала.

— Я понимаю, — повторил Монссон.

Что он понимал? Что она работала куклой, на которую можно было вешать дорогие и недоступные простому человеку тряпки и украшения? Что у таких, как Виктор Пальмгрен, жена, вызывающая всеобщее восхищение, входит в список необходимых вещей?

— Вы любили своего мужа? — вдруг спросил Монссон.

Она не удивилась, но медлила с ответом.

— Любить — это так глупо звучит, — наконец сказала она.

Монссон вынул одну из своих зубочисток, положил в рот и принялся задумчиво жевать.

Она удивленно воззрилась на него. Впервые за все это время на ее лице отразилось что-то похожее на неподдельное чувство.

— Почему вы ее жуете? — с любопытством спросила она.

— Дурная привычка. Приобрел ее, когда бросил курить.

— А-а, — сказала она. — Вот оно что. А вообще у меня есть сигареты и сигары. Вон там, в шкатулке на столике.

Монссон с секунду рассматривал хозяйку. Потом начал с другой стороны.

— Этот ужин был ведь почти деловой встречей, не так ли?

— Да. Днем у них было заседание, но я в нем не участвовала. Я тогда дома переодевалась. До этого был деловой ленч.

— Вы не знаете, о чем шла речь на заседании?

— О делах, как обычно. О каких — точно не знаю. У Виктора всегда было много всяких идей и планов. Он сам так всегда и говорил: «У меня много идей и планов».

— А из тех, кто во время ужина сидел за столом, вам все знакомы?

— Я с ними встречалась время от времени. Хотя нет, не со всеми. Секретаршу, с которой был Хампус Бруберг, я раньше не видела.

— А с кем из них вы особенно хорошо знакомы?

— Особенно ни с кем.

— И с директором Линдером тоже? Он ведь живет здесь, в Мальмё.

— Иногда встречались на официальных приемах.

— Но частным образом не общались?

— Нет. Только через моего мужа.

Она отвечала монотонно и сидела с совершенно безучастным видом.

— Ваш муж произносил речь, когда в него стреляли. О чем он говорил?

— Я не прислушивалась. Поблагодарил за внимание, за хорошее сотрудничество и прочее. Ведь за столом были только те, кто у него работал. Кроме того, мы собирались на время уехать.

— Уехать?

— Да, отдохнуть на западном побережье. У нас дача в Бохуслене, я совсем забыла о ней сказать. И потом мы должны были ехать в Португалию.

— Значит, ваш муж на какое-то время расставался со своими сотрудниками?

— Вот именно.

— И с вами тоже?

— Что? Нет, я должна была ехать вместе с Виктором. Мы собирались потом поиграть в гольф. В Португалии.

Ее безразличие мешало понять, когда она лгала, когда говорила правду, и своих чувств, если только они у нее были, ничем не проявляла.

Монссон выкарабкался из финского суперкресла и сказал:

— Спасибо, не смею вас больше задерживать.

— Очень мило с вашей стороны.

Она проводила его до ворот. Он не решился обернуться и еще раз взглянуть на этот злосчастный дом. Они обменялись рукопожатием. Ему показалось, что она держала свою руку как-то необычно, но только уже садясь в машину, Монссон сообразил: она ожидала, что он ей поцелует руку. У нее была узкая ладонь, длинные, тонкие пальцы.

На улице красного «ягуара» уже не было.

VIII

Мартин Бек спал тяжелым сном без сновидений и проснулся только в пять минут десятого.

Когда он стоял под душем, зазвонил телефон. Звонил долго, пока Мартин Бек не закрутил кран, завернулся в простыню и подошел к столику.

— Слушаю, — сказал он.

— Это Мальм. Как дела?

Как дела. Вечный вопрос. Мартин Бек наморщил лоб и сказал:

— Пока трудно сказать. Мы только что начали.

— Я звонил тебе в полицию, но там оказался только этот Скакке, — словно жалуясь, сказал Мальм. — А ты что, спал? Ты должен взять преступника немедленно. На меня нажимают и шеф, и министр. А теперь еще и МИД подключился. — Мальм говорил громко и торопливо, явно нервничая, но это за ним всегда водилось. — Поэтому его нужно взять быстро. Немедленно, как я сказал.

— А как это сделать? — спросил Мартин Бек.

Главный инспектор оставил вопрос без ответа, что и следовало ожидать, ибо его знания практической полицейской работы были почти равны нулю. Да и администратором он оказался не ахти каким. Вместо этого он спросил:

— Наш разговор идет через гостиничный коммутатор, наверное?

— Я полагаю, что да.

— Тогда позвони мне по какому-нибудь другому телефону. Я сейчас дома, а не на работе. Звони как можно быстрей.

— Ты зря волнуешься, мы можем спокойно говорить и так, — сказал Бек. — В нашей стране только у полиции есть время подслушивать чужие разговоры.

— Нет, нет, нельзя. То, что я тебе скажу, совершенно конфиденциально и очень важно. Этому делу придается первостепенное значение.

— Почему?

— Вот об этом я тебе и хочу рассказать. Но ты должен позвонить по прямому телефону. Поезжай в полицию или куда-нибудь еще. И быстрее. Я попал в очень щекотливое положение. Один только Бог знает, как бы я хотел не отвечать за это дело.

«Дерьмо трусливое», — про себя сказал Мартин Бек.

— Не слышу. Что ты сказал?

— Ничего. Я скоро позвоню.

Он повесил трубку, вытерся полотенцем и стал неторопливо одеваться. Подождав, пока прошло какое-то время, заказал Стокгольм и набрал номер домашнего телефона Мальма. Тот, должно быть, сидел и ждал звонка, потому что ответил тут же, еще не успел прозвучать до конца первый гудок.

— Слушаю.

— Это Бек.

— Наконец-то. Теперь слушай меня внимательно. Речь пойдет о Пальмгрене и его деятельности.

— Вот уж действительно — ни на минуту раньше, чем нужно.

— Это не моя вина. Я получил эти сведения только вчера.

Слышно было, как он, нервничая, шелестит какой-то бумагой.

— Ну, — сказал наконец Мартин Бек.

— Это не обычное убийство.

— Обычных убийств не бывает.

Ответ, кажется, привел Мальма в замешательство. После короткого раздумья он сказал:

— Да, разумеется, это вообще-то правильно. У меня нет такого опыта работы в этой области, как у тебя.., («Вот уж что верно, то верно», — подумал Мартин Бек.) …поскольку я большей частью занимался решением крупных административных проблем.

— А чем занимался этот Пальмгрен? — нетерпеливо спросил Мартин Бек.

— Бизнесом. Крупным бизнесом. Как ты знаешь, с некоторыми странами у нас очень деликатные отношения.

— С какими, например?

— С Родезией, Южной Африкой, Биафрой, Нигерией, Анголой и Мозамбиком, если называть лишь некоторые. Нашему правительству трудно поддерживать нормальные контакты с этими государствами.

— Ангола и Мозамбик не государства, — произнес Мартин Бек.

— Не придирайся к мелочам. Палъмгрен, во всяком случае, вел дела с этими странами, как и со многими другими. Особенно обширной была его деятельность в Португалии. Хотя официально штаб-квартира Пальмгрена находилась в Мальмё, многие из его самых выгодных сделок делались, очевидно, в Лиссабоне.

— Чем торговал Пальмгрен?

— Оружием, в частности.

— В частности?

— Да. Он занимался практически всем. Ему принадлежало, например, акционерное общество по недвижимому имуществу, он был владельцем множества домов в Стокгольме. Его фирма в Мальмё считается своего рода фасадом, прикрытием, хотя и вполне достопочтенным на вид.

— Значит, он зарабатывал большие деньги?

— Да, это мягко говоря. А сколько, никто не знает.

— А что говорят об этом налоговые власти?

— Мало чего говорят. Но точно ничего не известно. Большинстве предприятий Пальмгрена зарегистрировано в Лихтенштейне, и считают, что основная часть его доходов шла на счета в швейцарских банках. Даже если деньги, заработанные им в Швеции, и учитывались полностью, то все равно главные его капиталы были недоступны шведским налоговым властям.

— А откуда эти сведения?

— Частично из министерства иностранных дел, частично из налогового управления. Теперь ты понимаешь, почему этим убийством так обеспокоены самые высокие инстанции?

— Нет, а почему?

— Ты и в самом деле не понимаешь…

— Ну, скажем, не улавливаю, к чему ты клонишь.

— Вот слушай, — раздраженно сказал Мальм. — У нас есть небольшая, но весьма воинственно настроенная политическая группировка, она резко выступает против того, чтобы Швеция имела какие-то отношения со странами, которые я тебе называл. Кроме того, значительно большее число людей верят официальным заявлениям о том, что Швеция никаких дел с Родезией, например, или с Мозамбиком не ведет. Деятельность Пальмгрена была и остается хорошо замаскированной, но из определенных источников нам случайно удалось узнать, что экстремистским группировкам в нашей стране она была отлично известна, и что Пальмгрен числился в их черном списке. Если уж выражаться банально.

— Лучше уж банально, чем неясно, — подбодрил его Мартин Бек. — А как вы узнали об этом? О черном списке?

— Этим занималась полиция безопасности. Кстати говоря, определенные и весьма влиятельные круги настаивают на том, чтобы расследование по этому делу было передано полиции безопасности.

— Подожди минутку, — сказал Мартин Бек.

Он отложил трубку и принялся искать сигареты. Наконец нашел помятую пачку в кармане брюк. Все это время он лихорадочно думал. Полиция безопасности, или Сепо, как ее обычно называли, была совершенно особым учреждением, многими презираемым, но знаменитым прежде всего своими нелепыми действиями и своей полнейшей непригодностью к делу. В тех редчайших случаях, когда ей удавалось что-то раскрыть или даже поймать какого-то шпиона, это непременно доводилось до сведения широкой общественности и подавалось, как жареная индейка на блюде, с гарниром из неопровержимых доказательств. Даже военная контрразведка и та работала лучше. По крайней мере, о ней хоть не было слышно.

Мартин Бек закурил и вернулся к телефону.

— Что ты там, в конце концов, делаешь? — возмутился Мальм.

— Курю, — ответил Мартин Бек. — Ну так что там с Сепо?

— С полицией безопасности? Предлагают передать это дело ей. И она сама, кажется, им заинтересовалась.

— Позволю себе задать один вопрос. С чего бы это она им заинтересовалась?

— А ты подумал о модус операнди преступника? — спросил Мальм со значением.

«Модус операнди. Интересно, откуда ты это вычитал», — усмехнулся про себя Мартин Бек.

— Насколько я вижу, тут есть все признаки покушения в классическом стиле. Фанатик, который думает только о том, чтобы выполнить задуманное, и не беспокоится о том, схватят его или нет.

— Да, в этом что-то есть, — согласился Мартин Бек.

— Многие считают, что да. В частности, полиция безопасности.

Мальм сделал паузу, очевидно, ради пущего эффекта. Потом сказал:

— Я, как ты знаешь, не распоряжаюсь персоналом полиции безопасности и не осведомлен об их делах. Но сейчас имею информацию о том, что они посылают в Мальмё одного из своих специалистов. Впрочем, уже, наверное, послали. Кроме того, в Мальмё у них ведь есть и постоянные сотрудники.

От отвращения Мартин Бек затушил наполовину выкуренную сигарету.

— Официально за розыск отвечаем мы, — сказал Мальм. — Но, вероятно, можем считать, что полиция безопасности будет вести, так сказать, параллельное расследование. И, естественно, тебе следует избегать конфликтов.

— Конечно.

— Но прежде всего тебе нужно немедленно взять преступника. «Пока этого не сделала полиция безопасности», — подумал Мартин Бек. В таком случае на этот раз можно не спешить.

— Немедленно, — твердо сказал Мальм.

Бек с тоской посмотрел в окно, за которым улица купалась в солнце. С Хаммаром, предшественником Мальма, тоже приходилось нелегко, особенно в последние годы, но тот, во всяком случае хоть был полицейским.

— А у тебя есть какие-то соображения насчет того, как вести расследование? — ласково спросил он.

Мальм размышлял довольно долго. Наконец подобрал подходящую формулировку.

— Решение этого вопроса я с полным доверием передаю тебе и твоим помощникам. У вас ведь большой опыт.

Красиво сказано. И Мальм, очевидно, сам очень довольный ответом, продолжал:

— И вы не пожалеете для этого сил, так ведь?

— Так, — автоматически сказал Мартин Бек. Он думал совсем о другом. — Фирму Пальмгрена в Мальмё можно считать почти что липовой?

— Этого бы я не сказал. Наоборот, она себя великолепно оправдывает.

— Чем она занимается?

— Импортом и экспортом.

— Чего?

— Сельди.

— Сельди?

— Да, — удивленно сказал Мальм. — А ты разве не знал? Покупает селедку в Норвегии и Исландии и потом ее экспортирует. Куда — не знаю. Все совершенно законно, насколько я понимаю.

— А фирма в Стокгольме?

— Прежде всего недвижимость, но… специалисты считают, что Пальмгрен нажил себе состояние с помощью других источников и таким путем, который мы не имеем возможности проверить.

— Ладно, понимаю.

— И еще я должен тебе кое-что сообщить. Во-первых, то, что Пальмгрен совершенно независимо от своих африканских и прочих зарубежных дел был и у нас видной личностью, и у него весьма влиятельные друзья. Значит, действовать надо осторожно. А во-вторых, ты должен учитывать возможность того, что убийство совершено по политическим соображениям.

— Да, — сказал Мартин Бек и посерьезнел. — Я учитываю такую возможность.

На этом разговор кончился.

Бек позвонил в полицию. Монссон еще не давал о себе знать, Скакке был занят, а Баклунд вышел.

Неплохая идея. Выйти.

Погода манила. К тому же была суббота.

В вестибюле гостиницы, куда он спустился через несколько минут, было многолюдно. Приезжие обменивали валюту, слышался разноязычный разговор, но среди тех, кто толкался у конторки портье, один человек сразу же должен был привлечь внимание. Довольно молодой, полноватый, в клетчатом костюме модного покроя, полосатой рубашке, желтых ботинках и носках такого же ядовитого цвета, он стоял, небрежно облокотившись на стойку.

Волнистые напомаженные волосы, усики, как видно, требующие немалых забот. В петлице цветок и под мышкой свернутый в рулон экземпляр «Эсквайра». Рекламный красавчик с обложки грампластинки. Бек узнал этого человека. Паульссон, первый помощник инспектора в Стокгольме.

Когда Мартин Бек подошел к портье отдать ключ от своей комнаты, Паульссон бросил на него взгляд столь наигранно пустой и безразличный, что трое стоявших рядом с ним людей обернулись и посмотрели на Бека.

Полиция безопасности была уже на месте.

Еле сдерживая приступ смеха, Мартин Бек повернулся к своему тайному коллеге спиной и вышел на улицу.

На мосту он остановился и взглянул на гостиницу. Неплохое здание и архитектура оригинальная.

Паульссон стоял у входа в гостиницу и наблюдал за ним. В своем маскарадном наряде он бросался в глаза, и вряд ли какой-нибудь враг общества не узнал бы его. Кроме того, Паульссон отличался удивительной способностью попадать на экран телевизора в связи с демонстрациями и прочими инцидентами.

Мартин Бек улыбнулся и пошел к гавани.

IX

Бенни Скакке снимал комнату в доме на Чэрлексгатан, всего через квартал от здания полиции. Комната была большая, уютная, с удобной и практичной, хоть и чуть потертой, мебелью. Ему она досталась от помощника инспектора, которого перевели служить в Ландскруну. Хозяйка, пожилая и по-матерински добрая женщина, была вдовой полицейского и требовала от жильцов только одного: чтобы они тоже служили в полиции.

Ванная и кухня находились почти что рядом, и Бенни Скакке пользовался ими сколько хотел. Он был человеком привычки, или, точнее, становился им. Бенни, собственно говоря, вовсе не хотел жить по расписанию, но считал, что скорее добьется своей цели, если будет действовать по определенной системе. А целью его было стать шефом полиции.

Каждое утро он вставал в половине седьмого, делал зарядку, занимался со штангой, принимал ледяной душ, растирался полотенцем и одевался. Потом плотно завтракал.

Поскольку его рабочее время не имело точных границ, он занимался спортом тогда, когда был свободен в течение дня. Не реже трех раз в неделю ходил в бассейн, ездил за город на велосипеде или, надев тренировочный костюм, бегал трусцой по парку; не пропускал тренировок в футбольном клубе полиции и участвовал во всех матчах. Вечерами изучал право, он уже сдал два кандидатских экзамена и осенью надеялся сдать третий.

Каждый день в одиннадцать утра и в девять вечера он звонил своей невесте Монике. Они обручились в Стокгольме за неделю до того, как его перевели в Мальмё; она только что получила диплом специалиста по лечебной физкультуре и пыталась найти работу тоже в Мальмё, но ближе, чем Хельсингборг, ей ничего не могли предложить. Во всяком случае, и это было неплохо, потому что удавалось встречаться в тех редких случаях, когда их выходные совпадали.

В это жаркое и солнечное субботнее утро он все-таки настолько отошел от своей системы, что встал на час позже и не позавтракал. Вместо этого он налил в термос холодного шоколадного молока и положил термос в парусиновую сумку вместе с плавками и махровым полотенцем. По дороге в полицию он зашел в кондитерскую на Давидсхалсторг и купил две булочки с корицей и ванильную сдобу. Миновав медные ворота главного входа в здание полиции, он вошел во двор, где стоял его велосипед. Велосипед был черный, датская модель, на раме он собственноручно изобразил белой краской слово «ПОЛИЦИЯ» печатными буквами. Он надеялся, что это отпугнет похитителей.

Привязав сумку к багажнику, Скакке сел на велосипед и поехал через зеленый и тенистый Дворцовый парк в купальню на Риберсборг. Несмотря на ранний час, солнце уже пекло вовсю. Он купался и загорал примерно час, потом уселся на берегу и поел.

Когда Скакке вошел в свой кабинет, было половина девятого. Его стол украшала записка от Баклунда:

«Монссон у вдовы. Бек пока в „Савое". Карауль телефон. Я буду в 12.00. Баклунд».

Скакке сел за стол и стал караулить не издававший ни звука телефон, раздумывая над убийством Виктора Пальмгрена. Какой тут мог быть мотив? Поскольку Пальмгрен был богат, это, очевидно, деньги. Или власть. Кому была выгодна его смерть? Шарлотта Пальмгрен оставалась ближайшей и, насколько он знал, единственной наследницей денег; к власти ближе всех стоял, вероятно, Матс Линдер. Если учесть красоту Шарлотты Пальмгрен, ставшую притчей во языцех, и ее относительную молодость, то мотивом могла быть и ревность. Вполне возможно, что у нее был любовник, которому надоело играть вторую скрипку. Но в таком случае он выбрал странный способ избавиться от законного мужа. Какой мотив ни возьми, образ действия казался очень необдуманным. Правда, преступнику удалось уйти, но шансы на это были ничтожно малы, если он планировал убийство заранее. Кроме того, Пальмгрен умер только через сутки; могло случиться так, хорошо это было бы или плохо, что он бы выжил. Убийца должен был также знать, что Пальмгрен находился в «Савое» именно в этот момент, если только он не был каким-то сумасшедшим, который просто-напросто пристрелил первого встречного.

Телефон зазвонил. Главный инспектор Мальм из Стокгольма спрашивал Мартина Бека. Скакке сообщил, что тот, вероятно, находится в гостинице, и Мальм повесил трубку, не поблагодарив и не попрощавшись.

Бенни Скакке потерял нить своих рассуждений и погрузился в мечты. Он представил себе, как он самостоятельно ведет расследование, выслеживает и берет преступника. Его повышают в должности, остается только карабкаться по этим ступенькам еще выше. Он добрался уже почти до должности шефа полиции, когда телефонный звонок прервал его мечтания.

Звонила женщина. Сначала он не понял, о чем она говорит, — сконский диалект стокгольмцы понимают плохо. До перевода в Мальмё Скакке не бывал в Сконе, и его не удивляло, что некоторые из местных диалектов он понимает с трудом. Поражало Скакке другое: его самого не всегда хорошо понимали. Его, говорящего на чистейшем шведском!

— Я насчет того убийства, про которое напечатано в газете, — сказала женщина.

— Слушаю вас.

— А кто со мной говорит? — подозрительно спросила она.

— Помощник инспектора Скакке.

Женщина молчала, очевидно, что-то взвешивая.

— Помощник? А начальника, что, нету?

— Да, он вышел. Но вы можете говорить со мной. Я тоже занимаюсь этим делом. Ну, так что же вас тревожит? — Самому Скакке казалось, что его тон должен внушать доверие, но женщина, как видно, не совсем была убеждена в его компетентности.

— Пожалуй, лучше уж мне самой прийти, — торжественно сказала она. — Я тут недалеко живу.

— Да, пожалуйста, — приветливо сказал Скакке. — Спросите помощни…

— Может, и начальник к тому времени успеет вернуться, — добавила она и повесила трубку.

Прошло двенадцать минут. В дверь постучали. Если эта женщина во время разговора по телефону относилась к Скакке скептически, то теперь, увидев его, и вовсе, кажется, потеряла к нему полное доверие.

— Мне бы кого-нибудь постарше, — сказала она, словно выбирая товар в магазине.

— Весьма сожалею, — сухо сказал Скакке. — Но сейчас на этом посту нахожусь я. Садитесь, пожалуйста.

Он пододвинул стул чуть ближе к письменному столу, и женщина осторожно уселась на самый краешек. Она была маленькая, кругленькая, в светло-зеленом плаще и белой соломенной шляпе.

Вернувшись на свое место за столом, Скакке сказал:

— Итак, фру…

— Грёнгрен.

«Неужели бывают такие фамилии?» — подумал Скакке.

— Итак, фру Грёнгрен. Что вы можете сказать, о том происшествии в среду?

— Об убийстве, — сказала она. — Дело в том, что я видела убийцу. Хотя, конечно, тогда я не знала, что он убийца. Только когда в газете про это прочитала, поняла.

Скакке подался вперед, положив ладони на стол.

— Рассказывайте, — сказал он.

— Значит, так. Я ездила в Копенгаген за продуктами, а когда вернулась, встретила подругу и пила с ней кофе в Брэннуме, поэтому домой шла довольно поздно. Дошла до Мэларбрун, а на перекрестке красный свет горит. Я стою и жду. Это как раз напротив «Савоя». И вдруг вижу: человек какой-то из окна вылезает, из ресторана, я там бывала с племянником, так что знаю, что это ресторан. Вот паршивец, думаю, поел, а платить не хочет, через окно удирает. Но сделать-то ничего не могу, ведь красный свет горит, и никого поблизости нету.

— Вы видели, куда он потом направился?

— Конечно. Подошел к стоянке велосипедов возле гостиницы, сел на велосипед и поехал в сторону Дротнингторгет. Потом зеленый загорелся, но тогда я этого человека уже не видела, ладно, думаю, директор ресторана, наверное, не обеднеет, надо домой идти. Ну а когда перешла дорогу, вижу, из гостиницы люди выбегают, смотрят по сторонам. А его уж и след простыл.

— Вы можете описать этого человека? — спросил Скакке с плохо скрываемым нетерпением и раскрыл свою записную книжку.

— На вид ему лет этак тридцать-сорок. А может, и больше сорока, поскольку он лысоватый, не совсем плешивый, а редкие, значит, волосы. И темные. И костюм на нем коричневый, желтоватая такая рубашка и галстук не знаю какого цвета. Ботинки, по-моему, черные или коричневые, нет, точно, коричневые, раз костюм такой.

— Как он выглядел? Телосложение, черты лица, особые приметы?

Она задумалась.

— Он худой. И сам худой, и лицо тоже. Выглядел как обычный человек, только роста он довольно высокого. Нет, поменьше вас, конечно, но тоже длинный. Не знаю, что еще сказать.

Скакке молча сидел и смотрел на нее. Потом спросил:

— Когда вы потеряли его из вида? Где он в тот момент находился?

— У светофора, по-моему. На перекрестке у Бруксгатан. Там, видно, красный свет был. А потом загорелся зеленый. Я перешла дорогу, а он уехал.

— Хм, — сказал Скакке. — А вы видели, что за велосипед у него?

— Велосипед? Да обычный велосипед, кажется.

— Не заметили, какого цвета?

— Нет, — ответила фру Грёнгрен, покачав головой. — Ведь машины все время проезжали, заслоняли его.

— Так, — сказал Скакке. — Больше ничего не можете припомнить?

— Нет. Только то, что рассказала. А какое-нибудь вознаграждение мне за это будет?

— Не думаю, — сказал Скакке. — Помогать полиции — моральный долг общественности. Вы не могли бы оставить свой адрес и телефон, чтобы вас вызвать, если понадобитесь?

Женщина назвала свой адрес и номер телефона. Потом встала.

— Ну тогда до свидания, — сказала она. — А как вы думаете, в газете про меня напечатают?

— Вполне вероятно, — сказал Скакке, чтобы как-то ее утешить.

Он поднялся и проводил гостью до дверей.

— До свидания. И большое спасибо за помощь. И за беспокойство.

Он вернулся к письменному столу, но в это время дверь снова приоткрылась, и женщина просунула голову в щель.

— Да, вот еще что, — сказала она. — Прежде чем сесть на велосипед, он достал что-то из-за пазухи и сунул в картонную коробку на багажнике. Я совсем забыла сказать.

— Так, — сказал Скакке. — А вы случайно не видели, что это было? То, что он вынул из-за пазухи?

— Нет, он стоял вроде как отвернувшись. Но коробка была вот такого размера. Длиной почти с багажник и высотой сантиметров десять.

Скакке еще раз поблагодарил, и фру Грёнгрен ушла, на этот раз окончательно.

Он набрал номер телефона морского вокзала.

На обложке записной книжки еще тогда, когда она была совсем новой, его рукой было написано: «Помощник инспектора Б. Скакке». Ожидая ответа по телефону, он принялся пририсовывать перед этой надписью слово «Первый».

X

Мартин Бек и Пер Монссон столкнулись в дверях в служебную столовую в начале второго.

Мартин Бек с утра бродил по грузовому порту, который по случаю субботы казался пустым и вымершим. Он дошел до нефтяных причалов, рассматривая странный, как в научно-фантастических романах, пейзаж: стоячая молочно-белая вода в запрудах, песчаные отмели, глубокие следы самосвалов и погрузчиков, и удивился, насколько вырос порт за пятнадцать лет, которые прошли с той поры, когда он увидел его впервые. Потом он почувствовал, что голоден, и, шагая к центру города насколько можно быстро в такую жару, прикидывал, что сегодня на обед в служебной столовой.

Монссон не испытывал особого голода, но зато очень хотел пить. Он отказался от приглашения у Шарлотты Пальмгрен, но теперь, в прокаленной солнцем машине, ему все время мерещились запотевшие от холода стаканы с красноватым напитком, которые нес Матс Линдер. Он подумал было, не заехать ли домой что-нибудь выпить, но решил, что для этого время еще раннее и вполне можно обойтись холодной содовой.

У Мартина Бека голод чуть приутих, когда он вошел в столовую. Пока еще не веря как следует своему желудку, он заказал омлет с ветчиной, помидоры и минеральную воду. Монссон повторил этот заказ.

Усевшись за столиком, они увидели Бенни Скакке, который смотрел в их сторону взглядом отчаявшегося человека. Перед Бенни, спиной к ним, сидел Баклунд. Он уже

отодвинул свою тарелку в сторону и, грозя пальцем, что-то говорил Скакке. Слов не было слышно, но, судя по взгляду Скакке, Баклунд его за что-то распекал.

Бек быстро покончил со своим омлетом и подошел к их столику. Положив руку на плечо Баклунда, он дружелюбно сказал:

— Извини, я заберу у тебя Скакке. Мне с ним нужно кое-что обсудить.

Баклунд, хотя и был раздражен тем, что ему помешали, вряд ли мог возражать. Ведь этого напускающего на себя важность стокгольмца прислали из управления…

Скакке поднялся с явным облегчением и последовал за Мартином Беком. Монссон уже поел, и они втроем направились к выходу, провожаемые оскорбленным взглядом Баклунда.

Они устроились в кабинете Монссона, довольно прохладном и проветренном. Монссон уселся во вращающееся кресло, достал из карандашницы зубочистку и, сунув ее в уголок рта, принялся за бумаги. Бек закурил сигарету, а Бенни, сходив за своим блокнотом, сел рядом с ним и положил блокнот на колени. Мартин Бек заметил надпись на обложке и улыбнулся. Скакке перехватил его взгляд и, покраснев, быстро прикрыл блокнот. Потом начал докладывать о показаниях новой свидетельницы.

— А ты уверен, что ее фамилия Грёнгрен? — с сомнением спросил Монссон.

Когда Скакке кончил, Мартин Бек сказал:

— Займись экипажем катера на подводных крыльях. Если на палубе стоял тот же человек, они, возможно, видели и коробку. Если она была у него с собой.

— Я уже звонил, — сказал Скакке. — У стюардессы, которая его видела, сегодня выходной. Но завтра она будет, и я с ней поговорю.

Пришел черед Мартина Бека. Он рассказал им о телефонном разговоре с Мальмом и о приехавшем сюда новом коллеге.

— Значит, его зовут Паульссон. Не его ли я видел по телевидению? — спросил Монссон. — Он, кстати, очень напоминает нашего местного парня из безопасности. Мы его называем «Секретчик Перссон». Тоже любит такие костюмы и всякие маскарады. Насчет экспорта сельди дело известное, а вот о сделках с оружием и прочем я никогда не слыхал.

— Это и неудивительно, — сказал Бек. — Вряд ли кто хотел, чтобы такие дела имели огласку.

Монссон сломал зубочистку и бросил ее в пепельницу.

— Верно. Мне тоже так показалось, когда голая вдова рассказала, что в Португалии Пальмгрен ворочал большими делами.

— Голая? — в один голос переспросили Бек и Скакке.

— Я хотел сказать — веселая вдова. Но она не веселая. И не печальная. Она совершенно равнодушная.

— Но голая, — произнес Мартин Бек.

Монссон рассказал о визите к вдове Пальмгрена.

— А она красивая? — спросил Скакке.

— По-моему, нет, — коротко ответил Монссон. Потом, повернувшись к Мартину Беку, спросил: — Ты ничего не будешь иметь против, если я поговорю с этим Линдером?

— Нет. Но я бы тоже хотел на него посмотреть. Так что давай им вдвоем займемся.

Монссон кивнул. Немного помолчав, сказал:

— А почему нет? Но сначала мне бы хотелось побольше узнать о зарубежных делах Пальмгрена. Любыми путями. Матс Линдер, вероятно, в них участия не принимал, он ведал, скорее всего, этой селедочной фирмой. Кстати, а чем занимался датчанин?

— Пока не знаю. Мы это выясним. В крайнем случае позвоню Иогансену — он наверняка в курсе дела.

Они помолчали. Потом Скакке сказал:

— Если стрелял тот же самый парень, который летел из Копенгагена в Стокгольм, то уже ясно, что он швед. И если это убийство по политическим соображениям, то он, значит, был против дел Пальмгрена в Родезии, Анголе, Мозамбике и где-то там еще. А раз так, то он должен быть каким-нибудь фанатиком из левых экстремистов.

— Ты рассуждаешь как секретчик Перссон, — сказал Монссон. — Тому за каждым углом чудятся фанатики-экстремисты. Но в твоих словах все-таки что-то есть.

— По правде говоря, мне пришло это в голову еще до разговора с Мальмом. Поразительная схожесть с покушением по политическим мотивам. И странность с этим модус операнди…

Мартин Бек резко оборвал себя, вдруг поняв, что он пользуется терминологией Мальма. Это его страшно разозлило.

— Может, так, а может, и нет, — сказал Монссон. — У нас на юге большинство экстремистских группировок сконцентрировано в Лунде. Я всех их знаю, они в большинстве своем чертовски мирно настроены. Сепо, понятное дело, это не нравится.

— Ничто не указывает, что он здешний, — вставил Скакке.

Монссон покачал головой.

— Хорошее знание местности, — сказал он. — Если история с велосипедом правда.

— Вот бы нам найти этот велосипед, — с оптимизмом произнес Скакке.

Монссон долго смотрел на него. Потом снова покачал головой и добродушно сказал:

— Эх, мальчик ты мой, выследить велосипед…

В дверь постучали, и в кабинет вошел, не дожидаясь приглашения, Баклунд. В руках у него были очки, он усердно протирал их платком.

— Все заседаете, — раздраженно сказал он. — Может, господа заседатели выяснили, куда девалась гильза? Мы искали повсюду, даже в еде. Я лично переворошил все картофельное пюре. Никакой гильзы просто нет.

— Гильза есть, — устало вздохнул Монссон.

— Стрелял-то он из револьвера, — в один голос сказали Мартин Бек и Скакке.

Баклунд ошарашено смотрел на них.

Когда в воскресенье утром Бенни Скакке слезал с велосипеда у причала катеров на подводных крыльях, «Бегун» как раз входил в порт. Он уже опустился на киль и медленно скользил к пристани.

Погода стояла по-прежнему великолепная, и мало кто захотел провести весь путь через Зунд взаперти, сидя в салоне, больше похожем на самолетный. «Бегун» привез всего с десяток пассажиров. Выкарабкавшись из его чрева, они торопливо зашагали по мосткам к морскому вокзалу и скопом бросились к единственному такси, оказавшемуся на стоянке.

Скакке ждал у трапа. Минут через пять на палубе показалась светловолосая девушка в форме стюардессы. Он подошел к ней, представился и показал свое удостоверение.

— Но ведь я уже рассказывала об этом человеке полиции, — сказала она. — В Копенгагене.

— Да, я знаю, — сказал он. — Но мне бы хотелось задать вам еще несколько вопросов. Вы случайно не заметили, держал ли он что-нибудь в руках?

Наморщив лоб и закусив губу, стюардесса неуверенно сказала:

— Знаете, вот когда вы спросили, я, кажется, припоминаю… По-моему… Да, по-моему, у него была какая-то коробка, черная, вот такой примерно величины.

Она показала руками.

— А вы не заметили, в салон он вернулся с коробкой или без нее? И на берег как выходил — с пустыми руками или нет?

Она снова задумалась. Потом покачала головой и твердо сказала:

— Нет, не могу вспомнить. Не знаю. Я видела только, что он держал коробку под мышкой, когда стоял на палубе.

— Ну что ж, спасибо. Это очень ценные сведения. После того разговора с полицией в Копенгагене вы ничего нового не припомнили об этом человеке?

Она опять отрицательно покачала головой и улыбнулась профессиональной улыбкой.

Скакке вернулся на Давидсхалсторгет и поднялся в свой кабинет. Собственно говоря, дел у него никаких не было, но время подходило к одиннадцати: пора звонить Монике.

Он охотнее звонил ей с работы, чем из дома. Отчасти это объяснялось тем, что он хотел сэкономить, отчасти тем, что хозяйка была излишне любопытна. А он не хотел, чтобы ему мешали, когда он говорит с Моникой.

Она тоже была выходная и сидела одна в квартире, которую снимала вместе с подругой по работе. Проговорили почти час, но и что из того? Платить-то будет полиция, или, вернее, налогоплательщики.

Когда Скакке положил трубку, он уже не думал о деле Пальмгрена: его занимали совсем другие мысли.

XI

Мартин Бек и Монссон снова встретились в полиции в понедельник в восемь утра не в лучшем расположении духа.

Воскресенье не принесло ничего нового, разве стало еще жарче и еще безлюднее на улицах, и, когда они сообщили вечерним газетам, что «в расследовании изменений нет», эта пустая и избитая фраза имела под собой все основания. Единственным светлым пятном были расплывчатые сведения, добытые Скакке у стюардессы.

Июль — очень неудобный месяц для полицейских дел. Если к тому же стоит хорошая погода, то он неудобен ни для чего. Королевство Швеции закрыто, ничто не работает, и никого не найдешь по той простой причине, что люди уехали за город или за границу. Это касается большинства, от местных профессиональных преступников до работников государственных органов, и полицейские, которых в это время остается относительно мало, занимаются большей частью проверкой иностранцев да пытаются поддержать порядок на автомагистралях.

Мартин Бек, к примеру, много бы дал за то, чтобы поговорить со своим бывшим сотрудником Фредриком Меландером, теперь инспектором уголовной полиции в Стокгольме. Тому было сорок девять лет, тридцать из них он прослужил в полиции, и его память надежнее, чем чья-либо, хранила имена, события, ситуации и другие факты, которые ему удалось добыть за все годы. Этот человек никогда ничего не забывал и был одним из тех, кто, может быть, сумел бы посоветовать сейчас что-нибудь дельное. Но Меландера не найдешь, он в отпуске и, как всегда, когда бывает свободен, сидит в своем домишке на острове Вермдё. Телефона там нет, и никто из его коллеге не знает точно, где этот дом находится. Любимое занятие Меландера — заготовка дров, но в этот отпуск он решил заняться строительством нового, двухместного нужника.

Кстати говоря, отпуска у Бека и Монссона начались как раз в эту неделю, и мысль о том, что отпуск приходится отодвинуть на неопределенный срок, действовала на нервы.

Но, как бы там ни было, в этот понедельник придется провести допрос. Мартин Бек позвонил в Стокгольм и после долгих «если» и «но» уговорилИлилльберга заняться Хампусом Брубергом и Хеленой Ханссон.

— О чем мне их спрашивать-то? — уныло сказал Колльберг.

— Сам толком не знаю.

— А кто же руководит расследованием?

— Я.

— И ты не знаешь? Что же я-то тогда могу придумать, черт возьми!

— Нам не хватает мотива преступления. Или, вернее, у нас их слишком много, этих мотивов. Может быть, знание обстановки в пальмгреновском концерне поможет нам за что-то уцепиться?

— Ну-ну, — недоверчиво произнес Колльберг. — А эта самая Ханссон, секретарша, она хоть симпатичная?

— Говорят.

— Ну, тогда еще куда ни шло. Пока.

Мартин Бек чуть не сказал «жду звонка», но в последнюю минуту сдержался.

— Пока, — лаконично ответил он и повесил трубку. Взглянул на Монссона и сказал: — Колльберг займется стокгольмским отделением концерна.

Потом оба сидели молча, лениво перебирая бумаги. В девять часов встали и пошли на улицу, к автомашине Монссона.

Движение было более оживленным, чем в воскресенье, но тем не менее путь до портового района, где располагалась главная контора Пальмгрена в Швеции и где сейчас распоряжался Матс Линдер, занял не больше десяти минут.

Монссон поставил машину так, как ставить ее по правилам никак уж нельзя, и опустил щиток, с наружной стороны которого красовалась надпись «ПОЛИЦИЯ».

Они поднялись на лифте на седьмой этаж и оказались в просторной приемной, пол которой был затянут светло-красным ковром, а стены обиты шелком, посредине стоял низкий стол и удобные кресла, на столе — груда журналов, большей частью иностранных, но были «Свенск тидскрифт» и «Векканс афферер», две большие хрустальные пепельницы, деревянный ящик с сигарами и сигаретами, настольная зажигалка черного дерева и массивная ваза с красными розами. Поодаль, за столиком, сидела светловолосая девица лет двадцати и изучала свои сверкающие, как зеркало, ногти. Перед ней — переговорный аппарат, два телефона, блокнот на металлической дощечке и позолоченное вечное перо.

У нее была фигура манекенщицы, черно-белое, очень короткое платье. Чулки с черным хитроумным узором, элегантные черные туфли с серебряной обтяжкой. Губы накрашены почти белой помадой, а веки резко обведены синим. Серебряные серьги, белые как мел зубы, длинные приклеенные ресницы над глуповатыми голубыми глазами. «Безупречно сделано, если кому это надо», — подумал Мартин Бек.

Она взглянула на них с оттенком презрения, ткнула длинным ногтем в свой блокнот и сказала на самом настоящем сконском диалекте:

— Вы из полиции, насколько я понимаю. — Бросила взгляд на свои миниатюрные часики и добавила: — Вы пришли почти на десять минут раньше. Господин Линдер сейчас говорит по телефону.

«Господин, — подумал Мартин Бек. — Значит, Матс Линдер уже сделал шаг вперед, туда, где должность называть уже и не нужно».

— Он разговаривает с Йоханнесбургом, — сказала девушка. — Как только он закончит, я вас приглашу. Ваши фамилии Монссон и Бек, кажется?

— Бек.

— Хорошо, — равнодушно сказала она. Взяла ручку и стала небрежно чертить в своем блокноте. Потом снова посмотрела на них с плохо скрываемым отвращением и, кивнув в сторону стола с розами, хрусталем и сигаретами, сказала: — Курите, пожалуйста. Примерно так говорит зубной врач — сплюньте, пожалуйста. Мартин Бек чувствовал себя скверно в этой обстановке. Он взглянул на Монссона, на котором была мятая рубаха навыпуск, неглаженые брюки и сандалеты. Сам он выглядел ненамного элегантнее, хотя и положил на ночь брюки под матрас. Монссон тем не менее казался совершенно невозмутимым. Он развалился в кресле, достал из нагрудного кармана зубочистку, за полминуты пролистал «Векканс афферер» и, пожав плечами, бросил журнал на стол. Бек, внимательно изучив богатое содержимое ящика с сигаретами, кончил тем, что вытащил из кармана свою «Флориду», прикусил мундштук и чиркнул спичку.

Минуты шли. Монссон с отсутствующим видом жевал зубочистку. Бек загасил сигарету и прикурил новую. Встал и подошел к стене, в которую был вделан большой аквариум с зеленой искрящейся водой. Он молча стоял, разглядывая пестрых рыбешек, пока жужжащий сигнал переговорного аппарата не прервал это занятие.

— Господин Линдер ждет вас.

Сразу отворилась одна из дверей, и темноволосая женщина лет тридцати пяти пригласила их войти. Ее движения были быстрыми и точными, а взгляд пронизывающим. Типичная секретарша большого начальника, подумал Мартин Бек. Вероятно, именно она и делала всю работу, если только какая-то работа здесь была. Монссон тяжело поднялся и лениво двинулся за Мартином Беком через небольшую комнату с письменным столом, электрической пишущей машинкой, шкафом для документов и полками, которые пестрели переплетами.

Темноволосая секретарша открыла следующую дверь и молча пропустила их вперед. Бек еще сильнее почувствовал, насколько они с Монссоном неуклюжи, неприглажены и не вписываются в эту обстановку.

Пока Монссон шел к письменному столу, из-за которого с печальной, но все же любезной и учтивой улыбкой поднялся Матс Линдер, Мартин Бек изучал по порядку три разных объекта: вид из окна, кабинет и человека, к которому они пришли. Он успел заметить все самое значительное, пока Монссон вынимал зубочистку изо рта, клал ее в пепельницу и протягивал руку Линдеру.

Вид из окна открывался потрясающий. В гавани (вернее, в гаванях, ибо их было несколько) кипела жизнь: сутолока грузовых и пассажирских судов, буксиров, кранов, грузовиков, железнодорожных составов, нагромождения контейнеров. Где-то вдали лежали Эресунн и Дания. Видимость была великолепная, и он заметил по меньшей мере два десятка судов, тянувшихся по морской глади в Копенгаген или идущих оттуда. Эта панорама была лучше, чем вид из его окна в гостинице, хотя и тот был неплохим. Так и хотелось попросить хороший бинокль.

На столе Линдера как раз лежал бинокль: морской, цейсовский. Стол поставили так, что Линдер сидел спиной к торцовой, без окон, стене. Всю стену от пола до потолка и из угла до угла занимала гигантская фотография, изображавшая рыболовный траулер во время шторма. Брызги пены, каскады воды, обрушивающиеся на палубу. Вдоль правого борта — люди в зюйдвестках и проолифенных робах, поднимающие трал. Контраст поразительный. Зарабатывать себе на пропитание неимоверным трудом в море или спокойно посиживать в роскошном кабинете и наживать состояние на тяжком труде других. Разница поразительная, как уже сказано, однако вряд ли фотографию здесь выставили умышленно: и цинизм должен иметь свои границы. На противоположной окну стене висели три литографии — Матисс,

Шагал, Сальвадор Дали. В кабинете стояли также два кожаных кресла для посетителей и стол для переговоров с шестью стульями палисандрового дерева.

По полученным данным, Матсу Линдеру было тридцать лет, и его внешность точно соответствовала его возрасту и положению. Высокий, подтянутый, хорошо тренированный. Карие глаза, аккуратный пробор, сухощавое лицо с твердым профилем и решительным подбородком. Строгий костюм.

Мартин Бек посмотрел на Монссона и почувствовал себя мятым и потным, как никогда.

Он назвался и пожал руку Линдеру.

Уселись в кожаные кресла.

Линдер, поставив локти на стол, поднял руки. Кончики пальцев касались друг друга.

— Ну, — сказал он, — вы взяли убийцу?

Монссон и Бек одновременно покачали головами.

— Чем я могу вам помочь?

— У директора Пальмгрена были враги? — спросил Мартин Бек.

Глупый и простой вопрос, но с чего-то надо начинать. Линдер тем не менее воспринял его с преувеличенной серьезностью и тщательно обдумывал свой ответ. Наконец сказал:

— Когда человек ведет дело такого размаха, он едва ли может обойтись без недругов.

— А кто бы конкретно это мог быть?

— Слишком многие, — тускло улыбнулся Линдер. — Господа, деловой мир сегодня весьма жесток. Конъюнктура не оставляет места для благотворительности и сантиментов. Очень часто вопрос стоит так: убить или быть убитым. С точки зрения экономической, конечно. Но мы, деловые люди, пользуемся иными методами, чем стрельба друг в друга. Поэтому, я думаю, можно спокойно отложить в сторону теорию, согласно которой некий обиженный конкурент приходит в первоклассный ресторан с пистолетом в руках, чтобы лично, так сказать, подвести итог.

Монссон шевельнулся. Казалось, ему в голову пришла какая-то идея, но он ничего не сказал. Бек продолжал спрашивать:

— Вы имеете какое-нибудь представление о человеке, который стрелял в вашего шефа?

— Я его, собственно говоря, и не видел. Во-первых, я сидел рядом с Викки — так мы обычно называли его в узком кругу — и, следовательно, спиной к убийце. Во-вторых, я не сразу понял, что случилось. Я услышал выстрел, он был не слишком громкий и не вызвал у меня тревоги, потом Викки упал ничком на стол, я тут же встал и наклонился над ним. Прошло несколько секунд, прежде чем я понял, что он серьезно ранен. Когда я посмотрел по сторонам, стрелявший уже исчез, к нам со всех сторон бежали люди. Впрочем, все это я уже говорил полиции еще в тот вечер.

— Знаю, — сказал Мартин Бек. — Возможно, я выразился не совсем ясно. Я хотел спросить, к какому, на ваш взгляд, типу людей принадлежал этот человек?

— Он идиот, — сказал Матс Линдер, ни секунды не колеблясь. — Только душевнобольной способен на такие поступки.

— Стало быть, Пальмгрена можно считать случайной жертвой?

Линдер задумался. Потом улыбнулся своей тусклой улыбкой:

— Это уж полиция должна выяснить.

— Насколько я понимаю, Пальмгрен вел дела и за рубежом?

— Верно. Круг его интересов был весьма широк. Но здесь, в Мальмё, мы занимаемся тем, с чего когда-то начиналась фирма: экспорт и импорт рыбы, частично консервная промышленность. Фирму основал старый Пальмгрен, отец Викки. С ним я никогда не

встречался, слишком молод для этого. Что же касается зарубежных дел концерна, то тут я мало что знаю.

Он сделал паузу.

— Но весьма вероятно, что теперь мне придется познакомиться с этими делами поближе.

— А кто теперь отвечает за деятельность… концерна?

— Шарлотта, я полагаю. Она единственная наследница. Ни детей, ни родственников у Пальмгрена нет. Впрочем, это уже дело юристов. Главному адвокату фирмы пришлось срочно прервать свой отпуск. Он приехал в пятницу вечером и вместе со своими помощниками просматривал дела за последние дни. А пока мы работаем, как обычно.

— Рассчитываете ли вы занять место Пальмгрена? — вдруг спросил Монссон.

— Нет, — ответил Линдер. — Не рассчитываю. У меня нет ни того опыта, ни тех способностей, которых требует дело такого размаха…

Он остановился, а Монссон не стал развивать этой темы дальнейшими вопросами. Бек тоже молчал. Линдер продолжил сам:

— Пока меня полностью удовлетворяет мое положение. Могу вас заверить, что и этой работой не так-то просто руководить.

— А что, прибыльно это — торговля сельдью? — спросил Мартин Бек.

Линдер снисходительно улыбнулся:

— Но ведь мы занимаемся не только сельдью. Во всяком случае, можете не сомневаться: экономическое положение фирмы весьма прочное.

Мартин Бек решил начать наступление с другого фланга.

— Я полагаю, вы лично знаете всех присутствовавших на ужине?

Линдер на мгновение задумался.

— Да. Кроме секретарши Бруберга.

Не промелькнула ли тень неприязни по его лицу? Бек, чувствуя, что вот-вот что-то обнаружится, продолжал:

— Директор Бруберг, кажется, старше вас и по возрасту, и по должности, которую он занимает в концерне?

— Да, ему лет сорок пять.

— Сорок три, — уточнил Мартин Бек. — А давно он работает на Пальмгрена?

— С середины пятидесятых. Лет пятнадцать.

Было очевидно, что Линдеру эта тема не по вкусу.

— И все же вы находитесь в более привилегированном положении, чем он, не так ли?

— Это зависит от того, что считать привилегиями. Хампус Бруберг сидит в Стокгольме, занимается недвижимостью. И акциями тоже.

Линдер явно был не в своей тарелке. Надо бить в одну точку. Рано или поздно он проговорится.

— Но ведь совершенно ясно, что директор Пальмгрен доверял больше вам, чем Брубергу. И это несмотря на то, что он работал у него пятнадцать лет, а вы только… Да, кстати, а сколько вы здесь работаете?

— Почти пять лет, — ответил Матс Линдер.

— А Пальмгрен не очень-то полагался на Бруберга?

— Наоборот. Слишком полагался, — сказал Линдер и сжал губы, словно хотел взять свои слова обратно и вычеркнуть их из протокола.

— А вы считаете Бруберга ненадежным? — быстро спросил Бек.

— На этот вопрос я не хочу отвечать.

— Бывали ли разногласия между ним и вами?

Линдер помолчал. Казалось, он пытается взвесить ситуацию.

— Да, — наконец сказал он.

— По каким вопросам?

— Это уж наше внутреннее дело.

— Вы считаете его нелояльным по отношению к концерну?

Линдер молчал. Но теперь это уже не имело значения, ибо он в принципе дал ответ на вопрос.

— Ладно, нам ведь все равно придется говорить и с Брубергом, — небрежно сказал Бек.

Линдер взял тонкую длинную сигару, снял целлофан и осторожно закурил ее.

— Я совершенно не понимаю, какое отношение все это имеет к убийству моего шефа.

— Может быть, никакого, — пожал плечами Мартин Бек. — Посмотрим.

— У вас есть еще вопросы ко мне? — спросил, затягиваясь, Линдер.

— В среду днем у вас было заседание. В этом кабинете?

— Нет, в конференц-зале.

— О чем шла речь на этом заседании?

— Внутренние дела. Я не могу и не хочу рассказывать о том, что там говорилось. Скажем так: Пальмгрен на какое-то время должен был отключиться от работы и хотел получить обзор положения дел в Скандинавии.

— Делались ли во время докладов выговоры кому-либо? Был ли Пальмгрен чем-нибудь недоволен?

Ответ последовал после короткого колебания:

— Нет.

— Но вы, возможно, считаете, что выговоры кому-то следовало сделать?

Линдер не отвечал.

— Вы, может быть, имеете что-нибудь против того, что мы поговорим с Брубергом?

— Наоборот, — пробормотал Линдер.

— Извините, я не понял, что вы сказали?

— Ничего.

— Во всяком случае, ясно, что Пальмгрен доверял вам больше, чем Брубергу.

— Может быть, — сухо сказал Ландер. — Так или иначе, к убийству это отношения не имеет.

— Это мы посмотрим, — произнес Мартин Бек.

В глазах Линдера сверкнул огонек. Он был взбешен и с трудом скрывал это.

— Ну извините, мы и так уже отняли у вас много драгоценного временя, — сказал Мартин Бек.

— Верно замечено. И чем скорее мы этот разговор закончим, тем лучше. И для меня, и для вас. Я не вижу никакого смысла в том, чтобы пережевывать одно и то же.

— Что ж, согласен, — сказал Мартин Бек, поднимаясь.

— Спасибо, — устало выговорил Линдер. В его тоне чувствовался сарказм.

И тут Монссон, выпрямившись в кресле, медленно произнес:

— Простите, пожалуйста, но я хотел вас кое о чем спросить.

— О чем же?

— В каких вы отношениях с Шарлоттой Пальмгрен?

— Я с ней знаком.

— Насколько хорошо?

— Это, очевидно, мое личное дело.

— Конечно. Но я все-таки хотел бы получить ответ на свой вопрос: состоите ли вы в каких-либо отношениях с Шарлоттой Пальмгрен?

Линдер смотрел на него холодным и неприязненным взглядом. После минутного молчания он раздавил сигару в пепельнице и сказал:

— Да.

— В любовных отношениях?

— В половых. Я сплю с ней, если уж выражаться так, чтобы это было понятно даже полицейскому.

— И как долго эти отношения у вас продолжаются?

— Два года.

— Знал ли о них директор Пальмгрен?

— Нет.

— А если бы знал, ему бы это, наверное, не понравилось?

— Не уверен. Шарлотта и я — люди современные, достаточно широко мыслящие и без предрассудков. Виктор Пальмгрен был таким же. Их супружество основывалось скорее на деловых соображениях, чем на чувствах.

— Когда вы ее видели в последний раз?

— Шарлотту? Два часа назад.

Монссон полез в нагрудный карман за новой зубочисткой. Посмотрел на нее и спросил:

— А как она в постели, ничего?

Линдер, онемев, смотрел на него. Наконец сказал:

— Вы в своем уме?

Когда садились в машину, Монссон произнес:

— Ловкий парень. Достаточно ловкий, чтобы говорить правду тогда, когда знает, что на враках мы его поймаем. Уверен, что Пальмгрену от него была большая польза.

— Матс Линдер прошел, как видно, хорошую школу, — заметил Мартин Бек.

— Да и сам он способный. Вопрос только в том, способен ли он убивать людей.

XII

Леннарту Колльбергу задание, которое он получил, казалось и бессмысленным и противным, но уж никак не трудно выполнимым. Нужно найти каких-то конкретных людей, поговорить с ними, и все.

Сразу же после десяти он вышел из здания полиции в Вестберге; там все было тихо и спокойно, что главным образом объяснялось нехваткой людей. В работе же, напротив, недостатка не было, ибо на великолепно унавоженной почве так называемого «общества всеобщего благоденствия» преступность во всех ее формах расцветала пышным цветом. Причины такого положения казались совершенно неясными — во всяком случае, для власть имущих и для теоретиков.

За благопристойным, приглаженным, даже респектабельным фасадом Стокгольма скрывались джунгли большого города, где наркомания и развращенность достигли широчайшего размаха, где бессовестные воротилы совершенно открыто наживали огромные

барыши на порнографии в ее самых грязных и отвратительных формах, где профессиональные преступники не только росли численно, но и становились все более и более хорошо организованными. То, что алкоголизм, который всегда был проблемой, и преступность среди молодежи продолжали все расти и расти, не могло удивить никого, кроме служащих учреждений, отвечавших за борьбу с этими явлениями, и правительственных кругов.

Стокгольм, что поделаешь.

От того города, в котором Колльберг родился и вырос, мало что осталось. Экскаваторы спекулянтов земельными участками и бульдозеры так называемых специалистов по уличному движению снесли, с благословения планировщиков, бо́льшую часть старых, добротных строений, оставив только своего рода заповедники культуры, которые, потеряв окружение, отдавали теперь излишней патетикой и резали глаз. Характер города, его настроение и стиль исчезли, или, точнее говоря, бесповоротно стали другими.

А механизм стокгольмской полиции от излишней перегрузки работал все с бо́льшим скрипом, и нехваткой людей это объяснялось лишь отчасти, главными здесь были другие причины. Все упиралось не в то, чтобы полицейских было больше, а в то, чтобы они работали лучше, но об этом никто не заботился.

Так думал Леннарт Колльберг.

Добраться до жилого района, которым ведал Хампус Бруберг, оказалось непросто. Он находился в южной части города, в местах, которые во времена детства Колльберга были дачными.

Школьником он ездил туда вместе с классом на экскурсии. Теперь это был район, в точности напоминавший многие другие, застроенные доходными домами. Изолированная группа быстро и небрежно приткнутых друг к другу высотных зданий, единственное назначение которых — дать владельцу как можно бо́льшую прибыль и одновременно заразить своей унылостью и неуютом тех несчастных людей, коим придется здесь жить. Поскольку жилищный кризис в течение многих лет поддерживался искусственным путем, даже эти квартиры были желанными, а квартплата — почти астрономической.

Контора Бруберга размещалась, вероятно, в самом лучшем и тщательно отделанном помещении, но даже здесь пятна сырости проступали по фасаду, а дверные косяки отошли от стен.

Однако главным ее недостатком, с точки зрения Колльберга, было то, что самого Бруберга не оказалось на месте.

Помимо его личного кабинета, просторного и довольно хорошо обставленного, здесь был зал заседаний и две маленькие комнаты. В них жили техник и две консьержки, одна лет пятидесяти, другая совсем молоденькая, не старше девятнадцати.

Старшая оказалась сущей крокодилицей, и Колльберг предположил, что ее главная задача — грозить жильцам выселением и отказывать в ремонте квартир. Девушка была дурнушкой, неуклюжей, прыщавой и, как видно, совсем забитой. Мужчина производил впечатление человека, смирившегося со своей судьбой. По всей вероятности, его неблагодарная миссия заключалась в том, чтобы следить за исправностью сантехники. Колльберг решил, что говорить ему следует с крокодилицей.

Нет, господина Бруберга на месте нет. Он не появлялся здесь с пятницы. Тогда он зашел в контору минут на десять, взял портфель и уехал.

Нет, директор Бруберг не сказал, когда он вернется.

Нет, ее зовут не Хелена Хансен, и она никогда не слышала здесь такой фамилии.

Нет, директор Пальмгрен обычно не занимался этими домами. С тех пор, как их построили четыре года назад, он был тут только два раза, причем вместе с директором Брубергом.

Что она делает в конторе? Конечно, собирает квартирную плату и следит за тем, чтобы жильцы не нарушали порядок.

— А это не самое легкое дело, — злобно сказала крокодилица.

— Охотно вам верю, — быстро согласился Колльберг.

И ушел. Он сел в машину и поехал в северную часть города.

Поставил машину на Кунгсгатан и подошел к подъезду проверить, по тому ли адресу приехал.

Судя по перечню названий, в доме помещались главным образом кинофирмы и юридические бюро, но было и то, что он искал. На четвертом этаже было указано не только «Акционерное общество Хампус Бруберг», но и «Банковская фирма Виктор Пальмгрен».

На старом, скрипучем лифте Колльберг поднялся на четвертый этаж и увидел, что оба этих названия украшают одну и ту же дверь. Он дернул за ручку, но дверь оказалась заперта. Конечно, был и звонок, но он предпочел свой старый верный способ и забарабанил в нее кулаком.

Открыла женщина. Удивленно взглянула на него большими карими глазами:

— Что случилось?

— Я ищу директора Бруберга.

— Его здесь нет

— Вас зовут Хелена Ханссон?

— Нет… А вы кто такой?

Колльберг вытащил из заднего кармана визитную карточку. Комната, в которой он очутился, была похожа на самую обычную контору: стол, пишущая машинка, шкаф, бумаги и прочее. Через полуоткрытую дверь он видел еще одну комнату, вероятно, личный кабинет Бруберга. Она была меньше секретарской, но уютнее. Казалось, что бо́льшую ее часть занимают письменный стол и большой сейф.

Пока Колльберг осматривался, женщина захлопнула дверь на замок. Вопросительно глядя на него, она спросила:

— Почему вы решили, что меня зовут Ханссон?

Ей было лет тридцать пять. Стройная, темноволосая, с широкими бровями и короткой стрижкой.

— Я думал, что вы секретарь директора Бруберга, — рассеянно ответил Колльберг.

— Я и есть его секретарь.

— А как же вас зовут?

— Сара Муберг.

— И вы не были в Мальмё в среду, когда был убит Пальмгрен?

— Не была.

— У нас есть сведения, что Бруберг был в это время в Мальмё вместе со своим секретарем.

— В таком случае не со мной. Я не езжу ни в какие поездки.

— И секретаря звали фрекен Хелена Ханссон, — упрямо продолжал Колльберг.

— Мне неизвестна эта фамилия. Кроме того, я замужем. У меня двое детей. И я, как уже сказано, не сопровождаю Бруберга в его поездках.

— Кто же тогда такая фрекен Ханссон?

— Не имею понятия.

— Может быть, она работает где-нибудь у вас в концерне?

— Я, во всяком случае, никогда о ней не слышала. — Женщина пристально посмотрела на него. — До сих пор. — Потом тихо добавила: — Хотя ведь есть же так называемые разъездные секретари.

Колльберг не стал касаться этой темы.

— Когда вы видели Бруберга в последний раз?

— Сегодня утром. Он пришел в десять, с четверть часа был в своем кабинете. Потом ушел. Я думаю, в банк.

— А где он может быть сейчас?

Она взглянула на часы.

— Вероятно, дома.

Колльберг заглянул в свою бумажку.

— Он живет на Лидинге, да?

— Да, улица Чедервеген.

— У него есть семья?

— Есть. Жена и дочь семнадцати лет. Но их дома нет. Уехали отдыхать в Швейцарию.

— Вы это точно знаете?

— Да, я сама заказывала им билеты на самолет. В пятницу. Они улетели в тот же день.

— После этого случая в среду, в Мальмё, Бруберг работал как обычно?

— Пожалуй, нет. Едва ли так можно сказать. Он очень нервничал в четверг. Тогда ведь мы еще ничего определенно не знали. О том, что директор Пальмгрен умер, нам стало известно только в пятницу. И в пятницу Бруберг пробыл здесь около часа. А сегодня, как я сказала, всего минут пятнадцать.

— А обычно он у себя в конторе бывает дольше или нет?

— О да, он почти все время здесь. Сидит в своем кабинете.

Колльберг подошел к двери, ведущей в кабинет, и заглянул в нее. На столе три черных телефона, возле сейфа элегантный чемодан. Небольшой, кожаный, затянутый ремнями. Как видно, совсем новенький.

— Вы не знаете, был здесь Бруберг в субботу и в воскресенье?

— Кто-то, во всяком случае, здесь был. По субботам контора закрыта, так что я два дня была выходная. А когда сегодня утром пришла, то сразу заметила, что кто-то рылся в бумагах.

— А этот «кто-то» может быть кем-то иным, кроме Бруберга?

— Едва ли. Ключи есть только у меня и у него.

— Как вы думаете, он еще придет сюда сегодня?

— Не знаю. Может быть, он из банка поедет прямо домой. Это скорее всего.

— Лидинге, — пробормотал Колльберг. — Чедервеген. До свидания, — вдруг оборвал он беседу.

Проезжая по мосту через Вэртан и глядя на корабли в гавани и сотни лодок с полуголыми загорелыми отпускниками, он думал, какую глупость делает, что болтается по городу. Конечно, можно было сидеть в своем кабинете, а этих людей вызвать к себе по телефону. Но тогда он бы их не нашел, а это уже ни к черту не годилось. Кроме того, Мартин Бек сказал, что дело срочное.

На Чедервеген стояли дома, может статься, и не сверхроскошные, но выгодно отличающиеся от серой унылости, с которой он только что столкнулся. Здесь уже жили не бедняги, которые, не имея иного выбора, позволяют людям типа Пальмгрена и Бруберга выжимать из себя деньги. По обеим сторонам дороги красовались дорогостоящие виллы в стиле бунгало с великолепно ухоженными садами.

Дом Хампуса Бруберга казался вымершим. Следы автомашины вели к гаражу, но, когда Колльберг заглянул в него через одно из маленьких окошек в стене, он оказался пустым. На звонки и стук в двери никто не отвечал, гардины на огромных окнах были опущены, и разглядеть виллу изнутри Колльбергу не удалось.

Он вздохнул и пошел к соседнему дому. Эта вилла была больше и шикарнее, чем у Бруберга. Колльберг позвонил, дверь открыла высокая светловолосая женщина, на редкость тощая, с аристократическими манерами. Когда он представился, она надменно и с легким презрением взглянула на него, не проявляя никакого намерения пригласить в дом. Он изложил свое дело, и она холодно сказала:

— У нас здесь нет привычки шпионить за своими соседями. Я не знаю директора Бруберга и ничем не могу вам помочь.

— Печально.

— Может быть, для вас, но не для меня. Скажите, а кто вас сюда прислал?

Судя по голосу и выражению голубых глаз, она его в чем-то подозревала. Ей было лет тридцать пять-сорок. Холеная. Кого-то она ему очень напоминала, но кого именно, он вспомнить не мог.

— Что ж, прощайте, — уныло сказал он, пожав плечами.

Сев в машину, Колльберг заглянул в свою бумажку. Хелена Ханссон называла свой адрес — Вестеросгатан в Васастадене и номер телефона. Он поехал в отделение полиции на Лидинге. Его коллеги в штатском сидели над карточками футбольной лотереи, попивая лимонад из бумажных стаканчиков.

— Я сюда пришел только позвонить, — устало произнес Колльберг.

— Звони по любому.

Колльберг ехал в Васастаден и по дороге думал о том, что и Лидинге с его лощеным видом тоже кладет свою гирю на весы растущей преступности. Только живут здесь люди богатые, и они могут скрыть свои делишки за чистеньким фасадом.

В доме на Вестеросгатан лифта не было, и Колльбергу пришлось карабкаться на пятый этаж в пяти разных подъездах. Дом был ветхий и запущенный хозяевами, в заасфальтированном дворе между бочками для мусора сновали большие жирные крысы.

Он звонил в разные квартиры, иногда двери открывались, и разные люди испуганно смотрели на него. Здесь полиции боялись, и, как видно, причины для этого были.

Никакой Хелены Ханссон он не нашел.

Никто не мог сказать, живет ли здесь женщина с такой фамилией и жила ли вообще. В таких домах не любили давать сведения полиции, да и мало что знали друг о друге.

Колльберг стоял на улице, вытирая лицо носовым платком, который давным-давно был насквозь мокрым от пота. Несколько минут размышлял. Потом сдался и поехал домой. Через час его жена сказала:

— Почему ты так плохо выглядишь?

Он уже принял душ и сидел, завернувшись в мохнатое полотенце, с банкой холодного пива в руках.

— Потому что я себя так чувствую, — ответил он. — Эта проклятая работа…

— Бросать ее пора.

— Это не так-то легко.

Колльберг был полицейским и ничего не мог поделать с тем, что всегда старался быть как можно более хорошим полицейским. Это стремление было как будто встроено в механизм его психики и стало бременем, которое он почему-то обязан нести.

Задание Мартина Бека казалось простым заурядным делом, а оно не давало ему покоя. Нахмурившись, он спросил:

— Слушай, Гюн, а что такое разъездной секретарь?

— Обычно своего рода «девушка по вызову», у которой в портфеле всегда наготове ночная рубашка, зубная щетка и противозачаточные таблетки.

— Значит, обычная проститутка?

— Вот именно. Обслуживает бизнесменов и прочих, когда они куда-нибудь едут и не хотят искать себе потаскуху на месте.

Он поразмыслил и решил, что ему нужна помощь. У себя в отделе он на нее рассчитывать не мог, потому что народ был в отпусках. Вздохнув, Колльберг пошел к телефону и позвонил в уголовную полицию на Кунгсхольмсгатан.

Ему ответил человек, с которым он меньше всего хотел иметь дело, — Гюнвальд Ларссон.

— Как у меня дела? — недовольно ответил тот. — А как ты думаешь? Поножовщина, драки, грабежи, сумасшедшие иностранцы, готовые отдать любые деньги за наркотики. А людей почти нет. Меландер сидит в Вермдё, Рённ в пятницу уехал в свой Арьеплуг, Стрёмгрен на Майорке. Кроме того, похоже, что в такую жару люди становятся агрессивнее. А тебе чего?

Колльбергу Гюнвальд Ларссон был неприятен. «Он сообразительность потерял еще в колыбели», — подумал Колльберг. А вслух сказал:

— Я насчет этого дела Пальмгрена.

— Ничего общего с ним иметь не хочу, — быстро сказал Ларссон. — И так уже имел с ним достаточно неприятностей.

Колльберг тем не менее изложил ему историю своих мытарств. Гюнвальд Ларссон слушал, изредка вставляя злые реплики, а один раз оборвал его, сказав:

— Чего ты зря стараешься мне все объяснить? Не мое это дело.

Тем не менее что-то его все-таки заинтересовало, потому что под конец он спросил:

— Так ты говоришь, Чедервеген? А какой номер?

Колльберг повторил номер дома.

— Хм, — сказал Ларссон. — Может быть, тут я сумею что-то сделать.

— Спасибо, — выдавил из себя Колльберг.

— А я не для тебя стараюсь, — сказал Ларссон, будто и в самом деле имел в виду какие-то свои цели.

А он их и имел.

Колльберг удивился этой заинтересованности. Желание помочь другому никогда не было характерной чертой Гюнвальда Ларссона.

— Что касается этой потаскухи Ханссон, — мрачно произнес Ларссон, — то тебе лучше всего поговорить с полицией нравов. Конечно же, в Мальмё на первом допросе ей пришлось показать свое удостоверение личности. Так что зовут ее скорее всего Хеленой Ханссон. А вот адрес она могла соврать какой угодно.

Колльберг повесил трубку, потом тут же набрал еще один номер. На этот раз он звонил Осе Турелль, в полицию нравов.

XIII

Закончив разговор по телефону, Гюнвальд Ларссон тут же спустился вниз, сел в машину и поехал прямым путем на Лидинге.

Он рассматривал свои тяжелые ладони, лежавшие на баранке, и посмеивался про себя. Юмор висельника.

Приехав на Чедервеген, он бросил беглый взгляд на по-прежнему мертвый дом Бруберга и направился к соседней вилле. Позвонил. Дверь открыла та же тощая блондинка, которая двумя часами ранее выпроводила Колльберга.

— Гюнвальд, — ошеломленно сказала она теперь. — Какого… Как ты смел сюда явиться?

— О, — насмешливо ответил он. — Старая любовь не ржавеет.

— Я не видела тебя больше десяти лет, и за это благодарна. — Нахмурив светлые брови, она подозрительно спросила: — Это не ты подослал ко мне того толстяка, что приходил сегодня утром?

— Нет, не я. Хотя я пришел по тому же делу.

— Могу повторить только то же, что сказала ему. Я не шпионю за своими соседями.

— Нет? А впустить меня в дом ты собираешься? Или мне разнести эти твои дурацкие палисандровые двери?

— Я на твоем месте умерла бы от стыда. Хотя у тебя не хватит тонкости для этого.

— Потихоньку исправляюсь.

— Уж лучше входи, чем стоять здесь и позорить меня.

Она распахнула дверь. Гюнвальд Ларссон перешагнул порог.

— А где эта вонючка, муж твой?

— Хюгольд в штабе. У него сейчас много работы, очень ответственной.

— И ему не удалось тебя обрюхатить за тринадцать или за сколько там лет?

— Одиннадцать, — сказала она. — И не хами. Впрочем, я дома не одна.

— Вот как? И любовника завела? Небось какой-нибудь курсантик?

— Оставь при себе эти вульгарные шуточки. Ко мне на чашку чая заглянула подруга детства. Соня. Может быть, ты ее помнишь?

— Слава Богу, нет.

— Ей не очень повезло, — сказала женщина, поправляя свои светлые волосы. — Но у нее очень респектабельная работа. Она зубной врач.

Гюнвальд Ларссон промолчал. Он вошел следом за ней в просторную гостиную. На низком столике стоял чайный сервиз, а на диване сидела высокая худощавая женщина с каштановыми волосами и грызла печенье.

— Это мой старший брат, — сказала блондинка. — К сожалению. Его зовут Гюнвальд. Он… полицейский. А раньше был просто бродяга. В последний раз я видела его больше десяти лет назад, да и до этого встречалась с ним не часто.

— Ну, веди себя хоть теперь приличнее, — произнес Гюнвальд Ларссон.

— И это говоришь мне ты? А где ты был в последние шесть лет жизни отца?

— В море. Я работал. И больше, чем кто-нибудь другой в этой семье.

— Ты свалил на нас всю ответственность, — горько сказала она.

— А кто наложил лапу на все деньги? И на остальное?

— Ты промотал свою часть наследства еще до того, как тебя выгнали из флота, — холодно ответила она. — А как теперь ты называешься? Констебль?

— Первый помощник комиссара.

— Папа перевернулся бы в гробу, услышав об этом. Значит, ты даже не сумел дослужиться до комиссара, или как это называется. А сколько ты получаешь?

— Это тебя не касается.

— А что ты здесь делаешь? Может быть, пришел взять в долг? Это бы меня не удивило. — Она взглянула на подругу, молча следившую за их разговором, и деловито добавила: — Он всегда отличался наглостью.

— Вот именно, — сказал Гюнвальд Ларссон и сел. — Принеси-ка еще чашку.

Она вышла из комнаты. Гюнвальд Ларссон с проблеском интереса в глазах взглянул на подругу детства. Та не ответила на его взгляд. Вернулась сестра, неся на украшенном резьбой серебряном подносике чайный стакан в серебряном же подстаканнике.

— Зачем ты сюда пришел? — спросила она.

— Я уже сказал. Ты должна выложить все, что тебе известно об этом Бруберге и его шефе, Пальмгрене, который умер в среду.

— Умер?

— Да. Ты что, газет не читаешь?

— Может, и читаю. Только тебя это не касается.

— Его убили. Застрелили.

— Застрелили? Господи, какими пакостями ты занимаешься!

Гюнвальд Ларссон невозмутимо помешивал чай.

— Впрочем, я тебе уже ответила. Я не шпионю за соседями.

Ларссон отпил из стакана. Потом резко поставил его на стол.

— Перестань кривляться, Малышка. Ты любопытна, как омар, и была такой с тех пор, как научилась ходить. Я знаю, что тебе известно много всякой всячины и о Бруберге и о Пальмгрене. Ты и эта твоя крыса, то есть муж, оба все отлично знаете. Я же представляю себе, как это делается в ваших высоких кругах.

— Твои грубости ничему не помогут. Во всяком случае, я ничего не скажу. Тем более тебе.

— Нет, скажешь. Иначе я приведу с собой полицейского в форме и буду заходить в каждый дом в радиусе километра. Представлюсь и скажу, что ты моя сестра, но теперь стала важной и не хочешь мне помочь, приходится просить других.

Она уставилась на него неподвижным взглядом. Наконец глухо сказала:

— Неужели у тебя хватит нахальства…

— А ты не задумывайся над этим. Давай-ка, запускай свою мельницу.

Подруга детства следила за этим диалогом со скрываемым, но все-таки очевидным интересом.

После долгого, напряженного молчания сестра покорно сказала:

— Да, ты, как видно, и впрямь способен на это. Так что ты хочешь знать?

— Чем Бруберг занимался в последние дни?

— Это меня как раз не касается.

— Совершенно верно. Но именно поэтому я готов побиться об заклад, что ты стояла и глазела каждый вечер на этот дом. Ну?

— Его семья в пятницу уехала.

— Знаю. Еще что?

— В тот же день он продал автомашину жены, белый «феррари».

— Откуда тебе это известно?

— Приходил покупатель. Они стояли во дворе и договаривались.

— Вот оно как. Дальше.

— Я думаю, что Бруберг в последние дни не ночевал дома.

— Откуда ты знаешь? Ты что, проверяла?

— С тобой просто невозможно говорить. Ну, трудно не заметить того, что происходит в соседнем доме.

— Ты считаешь, его здесь не было?

— Да нет, несколько раз он приезжал. По-моему, увозил по частям вещи.

— Кроме этого покупателя автомашины, кто-нибудь еще здесь был? Кто и когда?

— В субботу вместе с Брубергом приехала какая-то блондинка. Они пробыли в доме часа два. Потом носили в машину вещи. Сумки и все такое. Вчера здесь тоже были люди. Изысканно одетая пара и какой-то человек, похожий на адвоката. Они ходили и все осматривали, а тот, который похож на адвоката, что-то записывал.

— И как ты это истолковала?

— Как то, что он пытается продать дом. Думаю, что ему это удалось.

— Ты слышала их разговор?

— Ну, иногда просто нельзя не услышать.

— Это уж точно, — сухо сказал Гюнвальд Ларссон. — И похоже, что он продал виллу, так?

— Да, я слышала обрывки разговора. Говорили, например, что быстрые сделки всегда самые удачные, а эта устраивает обе стороны.

— Дальше.

— Они распрощались очень любезно. Жали руки и хлопали друг друга по плечу. Бруберг передал часть вещей. И ключ, по-моему. Потом эти люди уехали в своей машине. Черный «бентли». А Бруберг еще оставался часа два. Топил печки. Обе трубы долго дымились. Мне показалось… Она замолчала.

— Что тебе показалось?

— Что это странно. Ведь жара стоит. Потом он ходил по дому и опускал шторы. После этого уехал. С тех пор я его не видела.

— Малышка, — дружелюбно сказал Ларссон.

— Ну что еще?

— Из тебя мог бы выйти отличный полицейский.

Она сделала брезгливую гримасу и сказала:

— Ты еще долго будешь меня мучить?

— Теперь уже нет. Насколько хорошо ты знаешь Бруберга?

— Иногда встречались. Ведь соседи.

— А Пальмгрена?

— Бегло. Как-то видела его у Бруберга. Один раз мы дома устраивали прием в саду, он тоже был. Ты же знаешь, на такие вечера обычно приглашают всех соседей. А Пальмгрен оказался случайно у Бруберга, ну и пришел за компанию.

— Один?

— Нет, с женой — молодой и совершенно очаровательной.

— Ну, а какое у тебя впечатление от этих людей?

— Они очень состоятельные — безразлично сказала она.

— Так и вы тоже, ты и твой фон барон.

— Да, — сказала она. — Это верно.

— Рыбак рыбака… — философски заметил Гюнвальд Ларссон.

Она долго смотрела на него, потом резко сказала:

— Я хочу, чтобы ты понял одно, Гюнвальд: такие люди, как Бруберг и Пальмгрен, вовсе не принадлежат к нашему кругу. Правда, у них много денег, особенно у Пальмгрена. Но им не хватает стиля, изысканности. Это бесцеремонные дельцы, которые сметают все на своем пути. Я слышала, Бруберг чуть ли не ростовщик, а Пальмгрен большинство своих темных дел вел за границей. Конечно, у таких людей есть деньги, которые открывают им доступ в высшие сферы, но все-таки им чего-то не хватает. И их никогда не признают до конца.

— Ну-ну, это уже занятно. Значит, ты не признаешь Бруберга?

— Признаю, но только из-за его денег. То же самое с Пальмгреном. Его состояние сделало его влиятельным и там и сям. Общество зависит от наличия людей типа Пальмгрена и Бруберга. Во многом они — более важные детали механизма страны, чем и правительство, и риксдаг, и прочее. Поэтому даже люди нашего круга вынуждены их признавать.

Потом она холодно добавила:

— Хюгольд может вернуться в любую минуту. И я не хочу, чтобы он тебя здесь застал.

— Короткий же у него рабочий день!

— Да, короткий. У людей высокой квалификации часто так бывает. Прощай, Гюнвальд.

Он встал.

— Ну что ж, ты, во всяком случае, помогла.

— Я бы не сказала тебе ни слова, если бы ты не шантажировал меня. И для меня было бы лучше не видеть тебя еще лет десять.

— И для меня тоже. Пока.

Она не ответила.

Подруга поднялась и сказала:

— Я, пожалуй, тоже пойду.

Гюнвальд Ларссон взглянул на нее. Высокая симпатичная девушка, ему почти по плечо. Хорошо и со вкусом одета. В меру накрашена. Вообще все в меру. Он не видел автомашины на улице и спросил:

— Подкинуть вас в город?

— Да, спасибо.

Когда они садились в машину, он покосился на руку девушки — нет ли обручального кольца. Кольца не было.

— Простите, я тогда не расслышал фамилию?

— Линдберг. Соня Линдберг. Я тебя помню с детства.

Может, пригласить ее куда-нибудь? Нет, спешить ни к чему. Он ей как-нибудь позвонит.

— Где тебя высадить? — спросил он.

— На Стюреплан. Я работаю на Биргерярлсгатан. И живу там же.

«Хорошо, — подумал он. — Не пришлось спрашивать». В кабинете на Кунгсхольмсгатан его ждало много дел. Сделав самые первоочередные, Гюнвальд Ларссон позвонил Колльбергу и пересказал ему то, что услышал, не называя источника этих сведений.

— Хорошо, Ларссон, — сказал Колльберг. — Значит, похоже на то, что он собирался удрать.

— По всей вероятности, уже удрал.

— Не думаю. Чемодан, о котором я говорил, по-прежнему стоит в его кабинете на Кунгсгатан. Я только сейчас звонил его секретарше, и она сказала, что полчаса назад Бруберг сообщил, что не успеет вернуться в контору до пяти.

— Он, наверное, отсиживается в какой-нибудь гостинице, — задумчиво произнес Ларссон.

— Очевидно. Я попытаюсь проверить. Но маловероятно, чтобы он поселился там под своим именем.

— Да, вряд ли. А ты нашел эту девицу?

— Пока нет. Жду сообщения из полиции нравов. — И пожаловался: — Долгое дело. Если я не успею попасть на Кунгсгатан до пяти, ты не мог бы последить за этой проклятой ростовщической конторой? Или поручить кому-нибудь?

Ларссону, разумеется, хотелось сказать «нет».

— Ладно, — все-таки выговорил он наконец. — Послежу.

— Спасибо.

«Скажи спасибо моей милой сестричке», — подумал Гюнвальд Ларссон.

XIV

Леннарт Колльберг битый час прождал сообщения из полиции нравов. То, что утром казалось простым деловым поручением — беседа с двумя свидетелями, — каким-то образом превратилось в настоящую охоту за ними.

Хампус Бруберг и эта непонятная Хелена Ханссон вдруг стали лицами, на которых объявлен розыск, а он сам как какой-то паук сидит и караулит паутину. Странно, но он по-прежнему не знал, почему он ищет этих людей. Против них не выдвинуто никаких обвинений. Как свидетели они уже допрошены полицией в Мальмё, и здравый смысл подсказывает, что никто из них двоих не имеет ничего общего с убийством Виктора Пальмгрена.

И все же он не мог отделаться от чувства, что их нужно найти как можно быстрее. Зачем?

«Это все твоя полицейская душа не может успокоиться, — мрачно думал он. — Тебя испортили годы службы, ты уже не в состоянии мыслить как нормальный человек».

Двадцать три года ежедневного общения с полицейскими привели к тому, что даже в своей семье он никогда не чувствовал себя по-настоящему свободным.

Почему полицейские общаются почти исключительно с полицейскими? Конечно, потому, что так проще. Проще держаться на расстоянии. Но проще и не обращать внимания на то нездоровое панибратство, которое в течение многих лет беспрепятственно процветает в полиции. В итоге полицейский сам исключает себя из общества, которое должен охранять и с которым должен был бы составлять единое целое.

Полицейские, например, не критикуют друг друга, разве что в исключительных случаях.

Социологические обследования показали, что полицейские, будучи в отпуске и попадая не совсем по своей воле в среду людей другого круга, чаще всего стыдятся говорить, что они полицейские.

Причина — точная определенность предназначенной им роли и россказни, которые ходят об их профессии.

Любой может стать параноиком, если все на него смотрят со страхом, недоверием или откровенным презрением.

Колльберг недовольно поежился.

Он не хотел внушать страх, не хотел, чтобы к нему относились с недоверием или презрением. Он не хотел стать параноиком.

Зато он хотел заполучить Хампуса Бруберга и Хелену Ханссон. Но по-прежнему не понимал — почему.

Наконец зазвонил телефон.

— Колльберг слушает.

— Здравствуй, это Оса.

— Ну как, есть успехи?

— По-моему, есть. Установили личность Ханссон. Во всяком случае, я уверена, что это именно она. Ее имя фигурирует в наших документах.

— Она проститутка?

— Довольно высокого уровня — что называется, «девушка по вызову».

— А где она живет?

— На Банергатан. Другой адрес неверный. Насколько нам известно, она никогда не жила на Вестеросгатан. Зато номер телефона не выдуман. У нее, по-видимому, этот номер был и раньше. Да, проституцией она занимается с ранней юности. Нашему отделу приходилось встречаться с ней не раз, правда, за последние годы не так часто.

Оса Турелль помолчала. Он очень живо представил себе, как она выглядит именно в эту минуту: сидит, согнувшись у письменного стола, точь-в-точь как он сам, и задумчиво грызет ноготь большого пальца.

— Она начала, наверное, как и большинство, не из-за денег. Потом стала уличной, но, по-видимому, была достаточно ловка, чтобы подняться в более доходный разряд. «Девушки по вызову» — это своего рода аристократки среди проституток. Они не якшаются с кем попало, а делают ставку только на тех, с кого можно побольше взять. Одно дело — ходить по Регерингсгатан, совсем другое — сидеть дома в квартире на Эстермальм и ждать телефонного звонка. Очевидно, у нее более или менее определенный круг постоянных клиентов, и она берет не больше одного заказа, или как это там называется, в неделю. У нас есть несколько ее фотографий. Судя по ним, вид у нее весьма приличный и деловой. Но ведь это и необходимо для успеха в такой специфической профессии.

— Да, им надо уметь носить маску. Чтоб не выдать себя, когда они попадают в представительное общество.

— Вот именно. Я слышала, что некоторые из этих девиц даже знают стенографию. Во всяком случае, они играют свою роль так, что большинство изумляется.

— У тебя есть номер ее телефона? Я хотел бы встретиться с ней в домашней обстановке.

— Девицы этой профессии часто меняют номера телефонов. У них, несомненно, секретные телефоны, и в большинстве случаев зарегистрированные под вымышленными именами. — Оса помолчала, а затем задала вопрос: — Почему тебе так уж нужно ее видеть?

— Честно говоря, и сам не знаю. Мартин хочет ее допросить в обычном порядке о том, что она видела или чего не видела в тот вечер в Мальмё.

— Что ж, недурно для начала, — сказала Оса Турелль. — А потом, может быть, одно зацепится за другое.

— Вот на это-то я и надеюсь, — сказал Колльберг. — Ларссон говорил, что в субботу она была на вилле Хампуса Бруберга в Лидинге, а в том, что Бруберг занимается явно какими-то темными делами, я более чем уверен.

— Чем, по-твоему, занимается Бруберг?

— Какими-то крупными аферами. Он, кажется, молниеносно реализовал свои капиталы. Я подозреваю, что он готовится выехать из Швеции уже сегодня.

— Почему ты не подключаешь отдел?

— Потому что время не терпит. Пока ребята, которые занимаются экономическими преступлениями, успеют вникнуть в дело, Бруберг будет уже далеко. А может быть, и эта самая Ханссон. Убийство Пальмгрена дает нам все же некоторые преимущества. Оба они были свидетелями преступления, и, значит, я имею возможность их задержать.

— Правда, я новичок, — сказала Оса Турелль. — И меньше всего понимаю в разбирательстве дел об убийствах. Но не считает ли Мартин, что кто-то из участвовавших в том обеде решил убрать Пальмгрена с дороги ради собственной выгоды?

— Да, это одна из версий: данному лицу пришлось прибегнуть к наемному убийце.

— По-моему, это надуманно.

— По-моему, тоже. Но такие случаи бывали.

— А какие еще варианты у вас в запасе?

— В частности, покушение по политическим мотивам. В этом деле принимает участие даже Сепо. Я слышал, оттуда послали в Мальмё своего человека.

— Вот уж удовольствие для Мартина и других!

— Не говори. Сепо, как обычно, проведет свое расследование. Разберутся через несколько лет, подошьют свое заключение к делу и сдадут в архив.

— А Мартин так любит политику! — засмеялась Оса.

— Да уж, — проговорил Колльберг. — Во всяком случае, ясно, что Пальмгрен зарабатывал большинство своих миллионов на чем-то прямо противоположном помощи развивающимся странам. Поэтому ни Мартин, ни другие не исключают возможности того, что его убрали по политическим соображениям. В качестве предупреждения остальным, действующим в той же области.

— Бедный Мартин, — сказала Оса Турелль.

В ее голосе звучала теплая нотка.

— Ну, давай-ка прямо сейчас отправимся к этой прекрасной даме и попробуем выжать из нее что-нибудь интересное. Я возьму машину и заеду за тобой. Будем надеяться, что она дома.

— Хорошо, — согласилась Оса Турелль. — Но учти, что она крепкий орешек и нужно быть осторожным, во всяком случае вначале. Правда, я новичок в этой игре, и, может, смешно давать тебе советы, но с подобной публикой мне приходилось иметь дело. Такая, как Хелена Ханссон, прекрасно знает, как нужно вести себя с полицией. Хорошая тренировка. Не думаю, что тут стоит идти напролом, как бульдозер.

— Ты, пожалуй, права.

— А кто следит за Брубергом?

— Если нам повезет, мы, может быть, найдем его в объятиях этой дамы, — сказал Колльберг. — А вообще-то, как это ни странно, Гюнвальд Ларссон предложил свои услуги.

— Ну тогда это, уж наверное, будет бульдозерная тактика, — сухо проговорила Оса Турелль.

— Очевидно. Значит, через двадцать минут я тебя захвачу.

Посидев еще несколько минут с телефонной трубкой в руках, Колльберг позвонил Гюнвальду Ларссону.

— Да, — резко ответил тот. — Ну что тебе еще?

— Мы нашли эту девицу.

— Ну и что? — равнодушно отозвался Ларссон.

— Я сейчас еду к ней вместе с Осой Турелль. Послушай, я, наверное, не успею вовремя попасть в контору Бруберга.

— Не беспокойся, — ответил Ларссон. — Я беру это на себя. Меня самого начинает интересовать этот парень.

Оба одновременно положили трубки, не сказав больше ни слова. Колльберг позвонил на Кунгсгатан.

— Нет, директор Бруберг не давал о себе знать, — сказала Сара Муберг.

— А чемодан по-прежнему стоит в его кабинете?

— Да, я его видела еще тогда, когда вы звонили в первый раз.

— Простите, я хотел только проверить.

Еще он позвонил в контору по управлению домами, где побывал утром. И там Хампуса Бруберга не было, он не давал о себе знать.

Колльберг спустился к машине.

Оса Турелль ждала его на лестнице перед зданием полицейского управления на Кунгсхольмсгатан. Колльберг залюбовался ею, пока она спускалась с широких ступеней и пересекала улицу. «Если б я не успел завести себе жены, да еще такой…» — подумал Леннарт Колльберг. Широким жестом он распахнул переднюю дверцу.

Она уселась рядом с ним, положила висевшую через плечо сумку на колени и предупредила:

— Как договорились, будем вести себя спокойно.

XV

Квартира находилась на четвертом этаже, на дверной дощечке действительно значилось: Хелена Ханссон.

Колльберг поднял было кулак, чтобы постучать, но Оса Турелль отвела его руку и позвонила. Тишина. Через полминуты она позвонила снова.

На этот раз дверь открылась, из нее выглянула молодая светловолосая женщина и вопросительно взглянула на них голубыми глазами. На ней были изящные туфли и широкий утренний халат. Она явно только что приняла душ или вымыла волосы, поскольку голова ее была укутана махровым полотенцем, словно тюрбаном.

— Полиция, — сказал Колльберг и вынул свое удостоверение. Оса Турелль сделала то же самое, но молча.

— Вы Хелена Ханссон?

— Да, конечно.

— Мы бы хотели поговорить с вами о том, что случилось в Мальмё на прошлой неделе.

— Я уже рассказала то немногое, что я знаю, тамошней полиции. В тот же вечер.

— Та беседа была недостаточно исчерпывающей, — сказал Колльберг. — Вы, естественно, были потрясены, а свидетельские показания, которые даются в таких ситуациях, всегда бывают слишком общими. Поэтому мы обычно допрашиваем свидетелей еще раз, когда они успеют собраться с мыслями, через несколько дней. Разрешите войти? Мы не отнимем у вас много времени, — добавил Колльберг. — Это чистая проформа.

— Хорошо, — поколебавшись, сказала Хелена Ханссон. — Правда, я спешу, но… — и замолчала, а они не мешали ей придумывать окончание фразы. — Будьте добры, подождите здесь минуточку, пока я наброшу на себя что-нибудь. Я только что вымыла волосы, — прибавила она и, не вдаваясь в дальнейшие объяснения, захлопнула дверь перед самым их носом.

Колльберг предупреждающе приложил палец к губам. Оса тут же встала на колени и осторожно и беззвучно приподняла крышку, закрывающую прорезь для писем и газет. Стало кое-что слышно. Сначала жужжание телефонного диска: Хелена Ханссон набирала номер, пытаясь кому-то позвонить. Ей, очевидно, ответили, она очень тихим голосом попросила

соединить ее с кем-то, ее соединили. Она молчала, очевидно, шли гудки. Наконец сказала: «Значит, нет. Извините». И положила трубку.

— Она пыталась позвонить кому-то, но не застала, — прошептала Оса. — По-видимому, через коммутатор.

Колльберг одними губами произнес имя:

— Бруберг.

— Она не сказала «Бруберг», я бы услышала.

Колльберг снова сделал предупреждающий знак и молча показал на прорезь в двери. Оса Турелль прижалась к ней правым ухом, минуты через две выпрямилась и прошептала:

— Она что-то делает и явно торопится. По-моему, упаковала чемодан, мне кажется, я слышала, как она застегнула его. А потом потащила что-то по полу, открыла и закрыла дверь. Теперь одевается.

Когда Хелена Ханссон снова открыла дверь, то была в платье и удивительно тщательно причесана. И Колльберг и Оса Турелль догадались, что она надела парик на влажные волосы. Они в тот момент уже стояли с невинным видом далеко от двери на площадке. Оса Турелль зажгла сигарету и курила с равнодушным и отсутствующим лицом.

— Пожалуйста, входите, — сказала Хелена Ханссон.

Голос у нее был приятный и выговор удивительно правильный.

Они вошли и огляделись.

Квартира состояла из передней, комнаты и кухни. Просторная и чистая, она была обставлена как-то безлично. Почти все вещи были новые, и множество деталей говорило о том, что живущая здесь не испытывает нужды в деньгах. Всюду прибрано, все в порядке.

Бросив взгляд на большую широкую кровать, покрытую толстым одеялом, Колльберг различил ясный четырехугольный отпечаток — наверняка на одеяле только что лежал чемодан.

В комнате стояли диван и удобные кресла. Хелена Ханссон сделала неопределенный жест и пригласила:

— Садитесь, пожалуйста. Хотите, может быть, выпить?

— Нет, спасибо, — ответил Колльберг. Оса Турелль отрицательно покачала головой.

Хелена Ханссон взяла сигарету из металлического стакана на столе, закурила, спокойно сказала:

— Чем могу служить?

— Вы уже знаете, в чем дело, — сказал Колльберг.

— Да, эта ужасная история в Мальмё. Но, кроме этого, я больше ничего и сказать не могу. Ужасная история.

— Где вы сидели за столом?

— Ближе к краю, рядом со мной сидел датский коммерсант. Его, кажется, звали Енсен.

— Директор Хофф Енсен, — сказал Колльберг.

— Да, кажется, так.

— А директор Пальмгрен?

— Он сидел по другую сторону стола. Наискось от меня. Прямо против меня находилась жена датчанина.

— Значит, вы сидели лицом к человеку, который стрелял в директора Пальмгрена?

— Да. Но все произошло очень быстро. Я даже не успела сообразить, в чем дело. По-моему, и остальные пришли в себя только позже.

— Но вы видели убийцу?

— Видела, но я не думала, что он окажется убийцей.

— Как он выглядел?

— Об этом я уже рассказывала. Вы хотите, чтобы я это повторила?

— Будьте так любезны.

— У меня только очень общее впечатление от его внешности. Ведь все произошло очень быстро, и к тому же я не особенно обращала внимание на окружающих. Сидела, думая о своем.

Она говорила спокойно и казалась совершенно откровенной.

— А почему вы не обращали внимания на окружающих?

— Директор Пальмгрен произносил тост. То, о чем он говорил, меня не касалось, и я фактически слушала вполуха. Я толком не понимала, о чем он говорит, курила и думала о другом.

— Вернемся к человеку, который стрелял. Вы его когда-нибудь прежде видели?

— Нет. Это был совершенно незнакомый мне человек.

— Узнаете ли вы его, если снова увидите?

— Может быть. Но я в этом далеко не уверена.

— Каким он вам показался?

— Лет тридцати пяти или скорее сорока. У него узкое лицо и редкие темные волосы. Роста он, по-моему, среднего.

— Можете ли вы еще что-либо сказать о нем?

— Нет, у него очень обычная внешность.

— К какому общественному классу вы бы его отнесли?

— Общественному классу?

— Да. Похож ли он на состоятельного человека?

— Пожалуй, нет. Скорее на конторского служащего или простого рабочего. У него вид нуждающегося человека. — Пожав плечами, она продолжала: — Но вам не следует особенно полагаться на то, что я говорю. Дело в том, что я только бегло на него взглянула. Позже я пыталась собрать свои впечатления воедино, но я в них совершенно не уверена. Многое из того, что я видела, может оказаться чистейшим, если не воображением, то…

— Попыткой воссоздать события постфактум? — подсказал Колльберг.

— Вот именно. Постфактум. Увидишь что-то или кого-то очень бегло, а потом, когда пытаешься вспомнить подробности, часто ошибаешься.

— Видели ли вы его оружие?

— Какую-то секунду. Это был пистолет с довольно длинным дулом.

— Вы разбираетесь в оружии?

— Нет, совсем не разбираюсь.

Колльберг перевел разговор на другую тему.

— Знали ли вы директора Пальмгрена раньше?

— Нет.

— А остальных присутствовавших? Были ли вы с ними знакомы?

— Только с директором Брубергом. Остальных я никогда раньше не встречала.

— Но Бруберга вы знали?

— Да, он иногда пользовался моими услугами.

— В качестве кого вы находились в Мальмё?

Она посмотрела на него удивленно:

— Конечно, в качестве секретаря. Правда, у директора Бруберга есть постоянный секретарь, но она не ездит с ним в поездки.

Она говорила свободно и уверенно. Все казалось хорошо отрепетированным.

— Стенографировали ли вы или вели протокол в этой поездке?

— Да, конечно. Днем же было совещание. И я записывала, о чем шла речь.

— А о чем шла речь?

— О различных делах. Честно говоря, я не очень в этом разбираюсь, просто записывала.

— Есть ли у вас стенограмма?

— Нет, я расшифровала все, когда вернулась домой в четверг, и передала протокол директору Брубергу. Стенограмму я выбросила.

— Вот как, — сказал Колльберг. — Сколько вы получили за работу?

— Гонорар в двести крон плюс, конечно, за проезд и гостиницу.

— Так. А это трудная работа?

— Не очень.

Колльберг обменялся взглядами с Осой Турелль, которая пока что не произнесла ни слова.

— Мне все ясно, — сказал он. — Только еще один вопрос. Когда вас допрашивали в полиции в Мальмё сразу же после убийства, вы назвали свой адрес на Вестеросгатан?

— Неужели?

— Вы ошиблись?

— Раньше я действительно жила на Вестеросгатан. В этой всеобщей суматохе я просто оговорилась.

— Гм, — пробормотал Колльберг. — Это может случиться с каждым. — Он поднялся. — Спасибо за помощь. Мне все ясно. Прощайте.

Он направился к двери и вышел из квартиры.

Хелена Ханссон вопросительно взглянула на Осу Турелль, которая по-прежнему молча и неподвижно сидела в кресле.

— Еще что-нибудь?

Оса посмотрела на нее долгим взглядом.

Они сидели друг против друга. Две женщины примерно одного возраста, но на этом сходство и кончалось.

Оса Турелль не нарушала молчания долго, затем смяла свою сигарету в пепельнице и медленно проговорила:

— Ты такая же секретарша, как я царица Савская.

— Как вы смеете так говорить! — возмутилась Хелена Ханссон.

— Мой коллега, который только что вышел, служит в отделе, занимающемся убийствами. А я работаю в полиции нравов.

— О, — проговорила Хелена. Ее плечи поднялись.

— У нас есть на тебя досье, — спокойно и безжалостно продолжала Оса. — Оно заведено десять лет тому назад. Тебя забирали уже пятнадцать раз. Это многовато.

— На этот раз ты меня не засадишь, шпионка проклятая, — пробормотала Хелена Ханссон.

— Какая халатность — не иметь дома пишущей машинки. Или хотя бы блокнота для стенографирования. Если только все это не находится вон в том портфеле.

— Посмей только рыться в моих вещах без разрешения, мерзавка. Я свои права знаю.

— А я и не собираюсь здесь ничего трогать без разрешения, — сказала Оса Турелль.

— Какого же черта тебе здесь надо? За это меня не посадят. И к тому же я имею полное право ездить с кем хочу и куда хочу.

— И спать с кем хочешь? Совершенно верно. Но ты не имеешь права брать за это плату. Какой ты, говоришь, получила гонорар?

— Ты что, считаешь меня идиоткой, чтобы я отвечала на такие вопросы?

— И не нужно. Такса мне известна. Ты получила тысячу монет, с которых не платишь налога, и все остальное тоже даром.

— Не слишком ли много ты знаешь? — нахально спросила Хелена Ханссон.

— О таких делах мы знаем почти все.

— Не воображай, что можешь посадить меня.

— Могу. Не волнуйся. Все образуется.

Вдруг Хелена Ханссон вскочила и, растопырив пальцы, через стол бросилась на Осу Турелль.

Оса быстро, как кошка, вскочила на ноги и парировала атаку ударом, который опрокинул Хелену на спинку стула. Ваза с гвоздиками покатилась на пол, никто не подумал ее поднять.

— Не царапаться, — сказала Оса Турелль. — Спокойно.

Женщина уставилась на нее. В ее водянистых голубых глазах выступили слезы. Парик съехал набок.

— Ты еще дерешься, чертова ведьма, — простонала она. Посидела минуту молча, с безнадежным видом. Потом снова решила пойти в атаку: — Убирайся отсюда! Оставь меня в покое. Приходи, когда будет с чем прийти.

Оса Турелль порылась в сумке, достала ручку и блокнот.

— Меня, собственно, интересует другое, — сказала она. — Ты ведь никогда не была свободным художником, так сказать, не являешься им и теперь. А кто же дергает за ниточки?

— Неужели ты настолько глупа, что думаешь — я отвечу на этот вопрос?

Оса подошла к телефону на туалетном столике. Наклонилась и записала номер на аппарате. Подняла трубку и набрала этот номер. Занято.

— Не очень-то хитро оставлять наклейку с настоящим номером, — сказала она. — На этом телефоне вы попадетесь независимо от того, под каким именем зарегистрирован абонент.

Женщина опустилась глубже на стул и посмотрела на Осу Турелль взглядом и ненавидящим и покорным одновременно. Взглянув на часы, жалобно проговорила:

— Может, все-таки уберешься отсюда? Ты уже доказала, какая ты ловкая ищейка.

— Нет еще, подожди немного.

Хелена Ханссон была совершенно сбита с толку ходом событий. Она никак не ожидала такого поворота. Тут все шло не так, как обычно, хорошо заученный урок не помогал. К тому же теперь можно было не притворяться: ведь эта женщина из полиции все равно знает ее прошлое. И все же Хелена нервничала и все смотрела на часы. Она поняла, что Оса ждет чего-то, но не могла догадаться — чего.

— Долго ты будешь стоять здесь и глаза таращить? — раздраженно спросила она.

— Недолго. Дальше пойдет быстрей.

Зазвонил телефон.

Хелена Ханссон не сделала никакого движения, чтобы подняться и взять трубку. Оса Турелль тоже не пошевелилась. Прозвонив шесть раз, аппарат замолчал.

Хелена Ханссон съежилась в кресле, глядя перед собой пустыми, бесцветными глазами, и пробормотала:

— Отпустила бы, а? — И сразу же после этого: — Как это женщина может стать ищейкой…

Оса могла бы задать контрвопрос, но промолчала.

Мертвая тишина минут через десять нарушилась громким стуком во входную дверь.

Оса Турелль открыла, вошел Колльберг с бумагой в руках. Красный, потный, он явно очень спешил. Остановился посреди комнаты, оценил обстановку. Бросив взгляд на упавшую вазу, осведомился:

— Дамы подрались?

Хелена Ханссон посмотрела на него без надежды и без удивления. Всю ее профессиональную полировку словно ветром сдуло.

— Чего вы, черт вас подери, хотите? — сказала она.

Колльберг протянул ей бумагу и сказал:

— Это разрешение на обыск в квартире. По всем правилам — с печатью и подписью. Я сам его затребовал, и дежурный прокурор разрешил.

— Катитесь к дьяволу, — пробормотала Хелена Ханссон.

— Не собираемся, — любезно ответил Колльберг. — Нам нужно тут немножко оглядеться.

— По-моему, там. — Оса Турелль указала на дверцу шкафа. Взяла сумочку Хелены Ханссон с туалетного столика и открыла. Женщина в кресле никак на это не реагировала.

Колльберг открыл шкаф и вытащил чемодан.

— Небольшой, но на редкость тяжелый, — пробормотал он. Положил его на кровать и раскрыл. — Нашла что-нибудь интересное? — спросил он Осу Турелль.

— Билет в Цюрих и обратно и заказ на номер в гостинице. Самолет вылетает без четверти десять с Арланды. Обратный рейс из Цюриха в семь сорок завтра утром. Комната в гостинице заказана на одну ночь.

Колльберг поднял лежавшие сверху в чемодане платья и начал копаться в связке бумаг на дне чемодана.

— Акции, — сказал он. — Да их целая куча.

— Не мои, — беззвучно сказала Хелена Ханссон.

— Я в этом не сомневаюсь.

Отойдя от чемодана, он открыл черный портфель. В нем было именно то, о чем говорила его жена. Ночная рубашка, трусики, косметические принадлежности, зубная щетка и коробочка с пилюлями.

Он посмотрел на часы. Уже половина шестого. Он надеялся, что Гюнвальд Ларссон сдержит свое обещание и не проморгает Бруберга.

— Пока хватит. Вам придется проследовать за нами.

— Почему? — спросила Хелена Ханссон.

— Я могу тут же обвинить вас в грубом нарушении валютных правил, — сказал Колльберг. — Вы можете считать себя арестованной, но тут не мое дело. — Оглядев комнату, он пожал плечами. — Оса, последи, пусть возьмет с собой что полагается в таких случаях.

Оса Турелль кивнула.

— Ищейки чертовы, — сказала фрёкен Ханссон.

XVI

Многое случилось в тот понедельник.

Гюнвальд Ларссон стоял у окна кабинета и смотрел на свой город. Внешне все было вполне благопристойно. Город как город. Но Гюнвальд Ларссон слишком хорошо знал, какой ад преступности таился в нем. Правда, он имел дело лишь с такими преступлениями, где дело шло о насилии, но и этого более чем достаточно. К тому же обычно их очень неприятно разбирать. Шесть новых ограблений, одно хуже другого, и до сих пор никаких следов. Четыре случая избиения жен, с членовредительством. А один обратный: жена ударила мужа утюгом. Помимо ограблений, которые производили впечатление хорошо обдуманных, все так называемые спонтанные преступления были похожи на несчастные случаи. Несчастные, с истрепанными нервами люди помимо своей воли оказывались в отчаянном положении. Почти во всех случаях наркотики или алкоголь играли решающую роль. В какой-то степени, может, действовала и жара, но в первую очередь виновна была сама система, безжалостный механизм большого города, перемалывающий слабых, мало приспособленных и толкающий их на безумные поступки. И еще — сколько же самоубийств было совершено за последние сутки; пройдет еще некоторое время, прежде чем он об этом узнает — дела пока находились в полицейских отделениях, где материалы обрабатывались и составлялись отчеты.

Без двадцати минут пять, его вот-вот сменят.

Он мечтал поехать домой в свою холостяцкую квартиру в Булмору, принять душ, влезть в домашние туфли и чистый купальный халат, выпить холодного ситро — Гюнвальд Ларссон был почти полным трезвенником, — выключить телефон и провести вечер за чтением отнюдь не детективного романа.

Но он взялся за дело, которое, собственно, его никак не касалось. За дело Бруберга, в чем он иногда раскаивался, а иногда испытывал какую-то животную радость. Если Бруберг преступник (а Ларссон был в этом убежден), то такого рода, кого Гюнвальд Ларссон сажал бы в тюрьму с радостью. Кровосос. Спекулянт. К сожалению, подобные люди попадали в руки правосудия редко, хотя всем было известно, кто они и какими способами благоденствуют, формально не нарушая давно устаревшие законы.

Он решил не заниматься этим делом в одиночку. Потому что слишком часто за свою службу действовал, исходя только из своего разумения, и получал слишком много нареканий. Так много, что перспективы повышения по службе можно было считать минимальными. Еще потому, что не хотел рисковать, и потому, что тут все следует сделать чисто.

На этот раз он действовал по всем правилам, и именно поэтому был готов к тому, что все полетит прямиком в тартарары.

Но где взять помощника?

В его отделе не было никого, а Колльберг сказал, что в Вестберге такое же положение.

В поисках выхода он позвонил в четвертый район и после долгих «если» и «но» получил положительный ответ.

— Если это так уж важно, — сказал комиссар, — я смогу выделить одного человека.

— Это великолепно.

— Ты думаешь, легко давать людей, причем вам? Должно бы быть наоборот.

Бóльшая часть полицейских болталась в полном безделье перед различными посольствами и туристскими бюро. Причем безо всякой пользы. Они ведь все равно не смогут ничего сделать в случае демонстрации или диверсии.

— Ну, — сказал Гюнвальд Ларссон. — Так кого вы мне даете?

— Его фамилия Цакриссон. Он из полицейского участка «Мария». Работает в гражданской патрульной службе.

Гюнвальд Ларссон угрюмо нахмурил брови.

— Я его знаю.

— Вот как, тогда это преиму…

— Последите только, чтобы он не надел форму, — сказал Гюнвальд Ларссон, — и чтобы без пяти пять был здесь перед зданием. — Подумав, он прибавил: — И если я говорю перед зданием, то это вовсе не значит, что он должен стоять, скрестив руки наподобие вышибалы.

— Понимаю.

Сам Ларссон подошел к дому на Кунгсгатан точно без пяти пять и сразу же обнаружил Цакриссона, который с дурацким видом стоял у витрины с дамским бельем. Из штатского на нем была только спортивная куртка. Остальное все форменное — форменные брюки, форменная рубашка и полагающийся к ней форменный галстук. Любой идиот на расстоянии ста метров мог догадаться, что это полицейский. К тому же он стоял широко расставив ноги, заложив руки за спину и покачиваясь на носках. Не хватало только фуражки и дубинки.

Увидев Гюнвальда Ларссона, он вздрогнул и чуть было не встал по стойке «смирно». У Цакриссона были неприятные воспоминания об их предыдущей совместной работе.

— Спокойно, — сказал Ларссон. — Что это у тебя в правом кармане куртки?

— Пистолет.

— А что, у тебя не хватило ума надеть наплечную кобуру?

— Не нашел, — уныло ответил Цакриссон.

— Так сунул бы свою пушку за ремень, что ли.

Цакриссон тут же полез в карман.

— Да не здесь же, ради Бога, — взмолился Ларссон. — Зайди в подъезд. Незаметно.

Цакриссон послушался. В подъезде он несколько улучшил свой внешний вид, хотя и ненамного.

— Слушай, — оказал Гюнвальд Ларссон. — Возможно, что тут появится один человек и войдет в дом где-то после пяти. Он выглядит примерно так. — Он показал фотографию, которую держал скрытно в огромной ладони. — Плохая фотография, но единственная, которую удалось раздобыть. — Цакриссон кивнул. — Он войдет в дом и, если я не ошибаюсь, через несколько минут выйдет. У него в руках, наверное, будет черный кожаный чемодан, оплетенный двумя ремнями.

— Он вор?

— Да, вроде. Я хочу, чтобы ты держался около дома, вблизи подъезда.

Цакриссон снова кивнул.

— Сам я поднимусь по лестнице. Возможно, я возьму его там, но, возможно, предпочту этого не делать. Вероятно, он приедет на машине и остановится перед подъездом. Он будет торопиться и едва ли станет глушить мотор. Машина — черный «мерседес», но это не точно. Если получится так, что он с чемоданом в руках выйдет из дому без меня, то ты любой ценой должен помешать ему сесть в машину и уехать, пока я не приду.

Полицейский сделал решительное лицо и стиснул зубы.

— Ради Бога, постарайся сделать вид, что ты просто прохожий. Ты ведь стоишь не перед Торговым центром США.

Цакриссон покраснел и немного смутился.

— O'кэй, — пробормотал он. И тут же прибавил: — Он опасен?

— Может статься, — небрежно проронил Ларссон. Сам он считал, что Бруберг не опаснее мокрицы. — Постарайся все запомнить, — со значением проговорил он.

Цакриссон с достоинством кивнул.

Гюнвальд Ларссон вошел в подъезд. Просторный вестибюль казался пустынным, похоже, все учреждения уже закрылись. Он поднялся вверх, и когда проходил мимо двери с двумя дощечками А/О ХАМПУС БРУБЕРГ и БАНКОВСКАЯ ФИРМА ВИКТОРА ПАЛЬМГРЕНА, то она открылась, и на площадку вышла темноволосая женщина лет тридцати пяти. По-видимому,

секретарь. Взгляд на хронометр — точно пять. Пунктуальность — добродетель. Женщина, не удостоив его взглядом, нажала кнопку лифта, чтобы спускаться вниз. Он же поднялся по лестнице еще на один марш и стоял спокойно, ждал.

Ждать пришлось довольно долго. За последующие пятьдесят минут лифт проходил три раза, два раза по лестнице шли вниз люди, которые, очевидно, по той или иной причине задержались на работе. В этих случаях Ларссон поднимался на верхнюю площадку. А затем опять спускался. Без трех минут шесть он услышал скрип лифта, который шел вверх, и одновременно чьи-то тяжелые шаги снизу. Лифт остановился, из него вышел человек. Он держал в руках связку ключей, и Гюнвальд Ларссон понял, что это Хампус Бруберг. Несмотря на жару, тот был в пальто и шляпе. Он отпер контору, вошел и закрыл за собой дверь.

Одновременно поднимавшийся снизу человек прошел мимо конторы Бруберга и стал подниматься выше. Это был кряжистый парень в синем костюме и фланелевой рубашке. Увидев Гюнвальда Ларссона, он остановился и громко спросил:

— Что вы тут делаете, а?

— Это вас не касается, — прошептал Ларссон в ответ.

От парня несло пивом или водкой, а скорее всего, и тем и другим.

— Очень даже касается, — упрямо сказал парень. — Я — здешний привратник.

Он стал посреди лестницы, одной рукой опираясь о стену, а другой — на перила, чтобы загородить дорогу.

— Я из полиции, — шепнул Ларссон.

Как раз в эту минуту открылась дверь, и Бруберг, или кто бы он ни был, вышел, держа в руках пресловутый чемодан.

— Ах, из полиции, — громким хриплым голосом сказал парень. — А ты покажи документы, прежде чем…

Человек с чемоданом не стал ждать лифта и доли секунды. Он стремглав помчался вниз по лестнице.

Гюнвальд Ларссон оказался в трудном положении. Времени для объяснений не было. Ударь он парня в синем костюме, тот скатится по лестнице и свернет себе шею. Чуть поколебавшись, он решил оттолкнуть его в сторону. Однако привратник был упрям и уцепился за пиджак Ларссона. Тот попытался вырваться, пиджак затрещал и разорвался. Раздраженный, Ларссон повернулся и ударил парня по рукам. Привратник взвыл и выпустил его, но Бруберг был уже далеко внизу. Гюнвальд Ларссон побежал по лестнице, слыша за своей спиной злобные проклятия и тяжелые неуверенные шаги.

А в вестибюле разыгралась совершенно нелепая сцена. Цакриссон, конечно, вошел в подъезд и стоял у входной двери, широко расставив ноги. Он расстегнул куртку и вытащил пистолет.

— Стой! — заорал он. — Полиция!

Бруберг резко остановился, не выпуская чемодана, который держал в правой руке. Левой рукой он вынул из кармана пальто что-то вроде пистолета и выстрелил вверх. Не услышав рикошета, Гюнвальд Ларссон был почти уверен, что это скорее всего стартовый пистолет, а может быть, игрушечный или учебный.

Цакриссон упал ничком на мраморный пол и выстрелил, но промазал. Ларссон крепко прижался к стене. Бруберг бросился в сторону от двери вестибюля, около которой находился полицейский. Очевидно, в доме был черный ход. Цакриссон выстрелил снова и снова промахнулся. Человек с чемоданом был всего в трех метрах от Гюнвальда Ларссона.

Цакриссон выстрелил три раза подряд и промазал. «Чему, черт возьми, их только учат в школе полицейских?» — в отчаянии думал Ларссон. Пули свистели, отскакивая от каменных

стен. Одна из них попала в каблук ботинка Ларссона и навсегда испортила первоклассную итальянскую работу.

— Прекратить огонь, — зарычал он.

Цакриссон нажал на курок еще раз, но пистолет дал осечку. Очевидно, он забыл вставить обойму.

Гюнвальд Ларссон сделал три быстрых шага вперед и изо всех сил ударил Хампуса Бруберга в челюсть. Что-то хрустнуло под кулаком, и Бруберг сел, вытянув ноги.

По ступенькам спускался привратник, ругаясь и тяжело пыхтя.

— Что тут такое? — ошарашено прохрипел он.

Над вестибюлем висел голубой туман. Резко пахло порохом.

Цакриссон поднялся со смущенным видом.

— Куда ты целился? — злорадно спросил Гюнвальд Ларссон.

— В ноги.

— В мои?

Гюнвальд Ларссон поднял оружие, выпавшее из руки Бруберга. Это действительно был стартовый пистолет.

На улице возле дома собралась шумная толпа.

— Вы с ума сошли, — сказал привратник. — Это же директор Бруберг.

— Заткни глотку, — сказал Ларссон и заставил сидящего человека подняться на ноги.

— Возьми чемодан, — сказал он Цакриссону. — Если сумеешь. Крепко держа Бруберга за правую руку, он вывел его из подъезда. Левую руку Бруберг держал у подбородка. Между пальцами сочилась кровь. Не оглядываясь, Ларссон прокладывал дорогу к своей машине среди шумящей толпы. Цакриссон с чемоданом тащился сзади.

Гюнвальд Ларссон толкнул Бруберга на заднее сиденье и сел рядом.

— Доберешься до полицейского управления? — спросил он Цакриссона.

Тот кивнул с пришибленным видом и уселся за руль.

— Что тут происходит? — спросил почтенного вида господин в сером костюме и в берете.

— Кино снимаем, — ответил Гюнвальд Ларссон и захлопнул дверцу.

XVII

Хампус Бруберг не произнес до сих пор ни слова и потому, что не хотел, и потому, что не мог. У него было выбито два зуба и сломана нижняя челюсть.

В половине десятого вечера Ларссон и Колльберг все еще стояли, наклонившись над ним, и задавали бессмысленные вопросы:

— Кто застрелил Виктора Пальмгрена?

— Почему вы пытались бежать?

— Вы наняли убийцу?

— Расскажите, что вы знаете.

— Кто стрелял?

— Почему вы не отвечаете?

— Ваша игра проиграна, так что говорите.

Время от времени Бруберг качал головой, а когда речь заходила об убийстве Пальмгрена, его искривленное лицо искажалось еще более и на нем появлялось что-то, долженствующее изображать сардоническую усмешку.

В начале допроса они из чистой формальности спросили его, не хочет ли он позвонить своему адвокату, но и тогда арестованный только покачал головой.

— Вы хотели убрать Пальмгрена, чтобы сбежать с деньгами, да?

— Где находится человек, стрелявший в Пальмгрена?

— Кто еще участвовал в заговоре?

— Отвечайте же, черт вас дери!

— Если вы скажете, кто совершил убийство, возможно, это облегчит вашу участь.

— С вашей стороны было бы умнее помочь нам.

Колльберг иногда пытался задавать более нейтральные вопросы.

— Когда вы родились? Где?

А Гюнвальд Ларссон по давней привычке действовал по принципу, что нужно начинать сначала.

— Начнем сначала. Когда вы решили убрать Виктора Пальмгрена с дороги?

Гримаса. Покачивание головой.

Колльбергу казалось, что губы Бруберга складываются в слово «идиот». На мгновение он подумал, что это недалеко от истины.

— Если вы не хотите говорить, пишите.

— Вот ручка.

— Нас интересует только убийство. Остальным занимаются другие.

— Понимаете ли вы, что вас подозревают в заговоре?

— В участии в преднамеренном убийстве?

— Признаётесь вы или нет?

— Было бы лучше для всех, если бы вы признались теперь. Немедленно.

— Начнем сначала: когда вы решили убить Пальмгрена?

— Говорите же!

— Вы знаете, у нас достаточно доказательств для вашего ареста. Вы уже задержаны.

В этом можно было не сомневаться. В чемодане лежали акции и другие ценные бумаги на сумму около полумиллиона крон, насколько можно было оценить на первый взгляд. Делом обоих было расследовать убийства, а не экономические преступления, но все же они кое-что знали о контрабанде валюты и акций.

Во внутреннем кармане пиджака Бруберга они нашли билет до Женевы через Копенгаген и Франкфурт. Билет на имя мистера Роджера Франка, инженера.

— Ну так как?

— Самое лучшее для вас облегчить свою совесть.

Наконец Бруберг взял шариковую ручку и написал на блокноте:

«Приведите сюда врача».

Колльберг отвел Ларссона в сторону и тихо сказал:

— Это самое лучшее, что мы можем сделать. Нельзя же продолжать вот так час за часом.

Гюнвальд Ларссон нахмурился:

— Возможно, ты прав. И есть ли какие-либо доказательства того, что он подстроил это убийство? Я думаю, скорее наоборот.

— Вот именно, — задумчиво проговорил Колльберг. — Вот именно.

Оба они устали, и им очень хотелось уйти домой. Но в заключение они задали еще несколько вопросов:

— Кто стрелял в Пальмгрена?

— Мы знаем, что стреляли не вы, но вы знаете имя стрелявшего. Кто он?

— Где он?

— Когда и где вы родились? — спросил Гюнвальд Ларссон, уже не понимая, о чем говорит.

Наконец, потеряв всякую надежду, они вызвали дежурного полицейского врача и, передав Бруберга на попечение дежурным, сели в свои машины и отправились — Колльберг к жене, которая уже уснула, а Ларссон — сожалеть о своей испорченной одежде. Прежде чем лечь, Колльберг попытался позвонить Мартину Беку, но безуспешно. Гюнвальд Ларссон не собирался звонить ни Мартину Беку, ни кому-либо еще.

В тот день Колльберг, правда, принимал участие и в более удачном допросе.

Как только он и Оса Турелль привели Хелену Ханссон в холодную негостеприимную комнату в полиции нравов, она совершенно упала духом, и показания полились из нее столь же обильно, сколь и проливаемые при этом слезы. Им пришлось включить магнитофон, чтобы записать все, что она говорила.

Да, она была «девушкой по вызову». Да, к ней часто обращался Хампус Бруберг. Он передал ей чемодан и билет на самолет. Она должна была лететь в Цюрих и оставить в гостинице чемодан на хранение. Он должен был прибыть на следующий день из Женевы и взять чемодан. Ей было обещано за труды десять тысяч крон, если все пройдет удачно. Что в чемодане — она не знает. Хампус Бруберг сказал, что им нельзя рисковать и лететь одним самолетом. Да, при появлении полицейских она попыталась связаться с Брубергом, который жил в отеле Карлтон под именем Франка, но не застала его.

Гонорар за выполнение поручения в Мальмё составил не тысячу, а полторы тысячи крон.

Она сообщила номера телефонов девушек, к сообществу которых принадлежала. Да, она живет проституцией, но, во-первых, не одна она такая, а, во-вторых, она никогда ничем другим не занималась.

В связи с убийством она решительно ничего не знает. Во всяком случае, не больше того, о чем уже рассказывала.

Колльберг был склонен поверить ей в этом, как и во всем остальном.

XVIII

В Мальмё Паульссон старался вовсю.

В первые дни — в субботу и воскресенье — он сосредоточил свое внимание на служащих отеля, он хотел, так сказать, взять в кольцо того, кого искал. По опыту он знал, что поручение выполняется легче, если знаешь, кого ищешь.

Он завтракал, обедал и ужинал в ресторане отеля, а в остальное время пребывал в холле. Вскоре он убедился, что бессмысленно сидеть в ресторане, навострив уши и спрятавшись за газету. Большинство посетителей говорили на непонятных ему иностранных языках, а если официанты и обсуждали события, происшедшие в среду, то делали это отнюдь не поблизости от его стола.

Паульссон решил играть роль любопытного посетителя, узнавшего об убийстве из газет. Он подозвал кельнера — вялого молодого человека с баками, в белоснежной куртке, и попытался завести разговор о драме с выстрелом, но кельнер отвечал односложно и равнодушно, поглядывая все время в окно. Видел ли он убийцу? Да. Это был длинноволосый тип? Не-е-т. Он действительно не был длинноволос и кое-как одет? Может быть, не подстрижен. Точно не видел. Во всяком случае, он был в пиджаке.

Кельнер притворился, что ему нужно идти на кухню, и удалился.

Паульссон размышлял. Человеку, обычно носящему длинные волосы и бороду, одевающемуся в джинсы и мешковатую куртку, ничего не стоит переодеться. Стоит только постричься, побриться, надеть костюм — и никто его не узнает. Загвоздка в таком переодевании заключалась в том, что человеку понадобится время, чтобы принять свой прежний вид. Поэтому его легко было бы найти. Паульссон был доволен этим выводом. Но, с другой стороны, многие левые социалисты выглядели как обычные люди. Наблюдая за демонстрациями в Стокгольме, од не раз в этом убеждался, и это его раздражало. Легко распознать молодых людей, одетых в синие комбинезоны с портретами Мао на груди, даже когда те ходят группами. Но работа затруднялась тем, что некоторые из них брились, стриглись, одевались в приличные костюмы, а листовки и брошюры носили в красивых портфелях. Конечно, ради этого не стоило самому прибегать к антигигиеническим крайностям в одежде, но все же это раздражало.

К его столу подошел метрдотель.

— Нравится? — спросил он.

Он был невысокого роста, с коротко остриженными волосами и веселыми глазами. С ним, наверное, легче завести разговор, чем с кельнером.

— Спасибо. Очень вкусно, — ответил Паульссон. И быстро перешел на интересовавшую его тему: — Я как раз думаю о том, что произошло в среду. Где вы были в тот вечер?

— Работал. Неприятная история. И до сих пор стрелявшего не поймали.

— Вы его видели?

— Все произошло очень быстро. Когда он появился, меня в ресторане не было. Я вошел, когда он уже выстрелил. Так что я, можно сказать, видел только его тень.

В голове Паульссона мелькнула гениальная догадка:

— Может быть, он был цветной?

— Простите?

— То есть негр, проще говоря. Он не негр?

— А почему он должен быть негром? — с изумлением поинтересовался метрдотель.

— Как вы, может быть, знаете, бывают и светлые негры. Они совсем непохожи на негров, даже если к ним внимательно присматриваться.

— Нет, я об этом ничего не слышал. Есть люди, которые видели его гораздо лучше меня, и кто-нибудь из них обратил бы внимание, если бы это был негр.

Субботний вечер Паульссон провел в баре, где выпил огромное количество различных безалкогольных напитков. Когда он заказал шестой стакан, то даже бармен, редко чему-либо удивлявшийся, несколько опешил.

Вечером в воскресенье бар был закрыт, и Паульссон перебрался в холл. Он описывал круги вокруг конторки портье, но портье был очень занят, говорил по телефону, листал книгу регистрации, помогал посетителям и время от времени исчезал по спешным делам. В конце концов Паульссону удалось перебросится с ним несколькими словами, но он не получил подтверждения своей теории. Портье решительно отвергал мнение, что убийцей был негр.

Паульссон закончил день жаренным на углях шницелем в маленьком кабачке. Публики там было значительно больше, чем в отеле, причем в основном молодежь, и он расслышал несколько интересных разговоров за ближайшими столиками. Рядом с ним беседовали двое мужчин и девушка, причем он, к своему огорчению, ничего не понимал из их разговора, пока они не заговорили об убийстве Виктора Пальмгрена. Самый молодой из них, рыжий длинноволосый юноша с пышной бородой, презрительно отозвался об убитом и с восхищением об убийце. Паульссон внимательно осмотрел его внешность и запечатлел ее в памяти.

На следующий день, в понедельник, Паульссон решил расширить поле деятельности и поехать в Лунд. В Лунде студенты, а там, где студенты, там и левоэкстремистские элементы. При себе он имел большой список лиц в Лунде, которых можно было подозревать в опасных мыслях. К вечеру он сел в поезд, отправился в этот университетский город, где раньше не бывал, и бродил по улицам в поисках студентов. Было жарче, чем обычно, и Паульссон потел в своем клетчатом костюме.

Он дошел до университета; освещенное солнцем здание казалось мертвым н забытым. Никакой подрывной деятельности в нем явно не велось. Паульссон вспомнил фотографию Мао, плывущего по реке Янцзы. Может быть, лундские маоисты купаются в реке Хэйе, следуя примеру председателя?

Паульссон снял пиджак и направился к собору. Он удивился, что знаменитый гигант Финн[4] выглядит таким маленьким, и купил открытку, чтобы послать жене. По дороге от собора он увидел афишу, сообщавшую, что студенческий союз организует вечером танцы. Паульссон решил пойти туда, но пока было еще рано.

Он бродил по пустому в летнее время городу, проходил под высокими деревьями городского парка, прогуливался по посыпанным гравием тропинкам ботанического сада и вдруг почувствовал, что очень голоден. Он пообедал в погребке, а потом, сидя за чашкой кофе, наблюдал за отнюдь не оживленным движением на площади.

Он не очень-то понимал, как нужно вести расследование и поиски убийцы Виктора Пальмгрена. Политические покушения случались в Швеции редко. Он мечтал о том, чтобы факты не были такими расплывчатыми и чтобы немножко лучше знать, где ему искать.

Когда над городом сгустилась тьма и зажглись фонари, он расплатился и пошел на танцы. Это тоже не дало никаких результатов. Человек двадцать молодых людей пили пиво и танцевали под оглушающую поп-музыку. Паульссон поговорил с некоторыми из них, но оказалось, что они не студенты. Он выпил кружку пива и вернулся в Мальмё.

В лифте он встретил Мартина Бека. Несмотря на то, что они были одни, Мартин Бек упорно смотрел в одну точку над головой Паульссона, тихонько посвистывая. Когда лифт остановился, он подмигнул Паульссону и, приложив указательный палец к губам, вышел в коридор.

XIX

Вечером в понедельник Монссон позвонил своему датскому коллеге.

— Черт возьми, — сказал Могенсен. — Что с тобой случилось — ты звонишь днем? Или, думаешь, я и тут сплю? А, понимаю, дело такое спешное, что ты не можешь дождаться ночи. Ну, выкладывай, я ведь сижу тут, сложив руки на пузе.

— Оле Хофф-Енсен — он директор какой-то фирмы, входящей в международный концерн, принадлежащий Виктору Пальмгрену. Я бы хотел узнать, что это за фирма и где помещается ее контора. Как можно скорее.

— Понял, — произнес Могенсен. — Я позвоню.

Прошло полчаса.

— Это было нетрудно, — сказал Могенсен. — Слушаешь? Директору Оле Хофф-Енсену сорок восемь лет, он женат, у него две дочери. Его жену зовут Бирте, ей сорок три года. Они живут на Аллее Ришелье в Хеллерупе. Фирма — акционерное общество по воздушным перевозкам, называется Аэрофрахт, ее главная контора находится на Угольной площади, а другие помещения — в аэропорту Каструп. Общество имеет пять самолетов типа ДС-6. Нужно тебе еще что-то?

— Нет, спасибо, пока хватит. Как ты поживаешь?

— Дьявольски плохо. Жарко. И город кишит чудаками. В частности, шведами. Прощай.

Монссон положил трубку и в ту же минуту вспомнил, что забыл узнать номер телефона этой самой фирмы. Он попросил телефонистку найти номер, на что ушло время. Когда он наконец позвонил в Аэрофрахт, ему сообщили, что Хофф-Енсен будет только на следующий день, и попросили звонить после одиннадцати.

Во вторник утром Монссон встретил Мартина Бека у гостиницы. Он рассчитывал, что оба поедут в Копенгаген на катере на подводных крыльях, но Бек заявил, что предпочитает поехать на настоящем пароходе и что они прекрасно могут соединить приятное с полезным и позавтракать во время поездки. Он знал, что паром отходит через двадцать минут.

Пассажиров было немного, и в столовой было занято всего два столика. Они съели по бутерброду с селедкой, по венскому шницелю и перебрались в салон пить кофе.

За кофе Мартин Бек рассказал, чего добились Колльберг и Ларссон в деле Бруберга и Хелены Ханссон, что само по себе было сенсационно, но ни на йоту не двинуло вперед расследование самого убийства.

Они доехали на поезде до Главного вокзала и прошли пешком по площади Ратуши, по узким улочкам к Угольной площади. Контора Аэрофрахта находилась в верхнем этаже старого дома, лифта не было, и им пришлось подниматься по крутым узким ступенькам.

Если дом был стар, то тем более современным было внутреннее оборудование конторы. Они вошли в длинный узкий коридор с множеством дверей по обе его стороны; стены были обиты зеленым материалом под кожу. В простенках между дверьми висели большие фотографии, изображавшие самолеты старых марок, под каждым стояло кожаное кресло и металлическая пепельница на длинной ножке. Коридор заканчивался большой комнатой, два высоких окна которой выходили на площадь.

Секретарша, спиной к окнам сидевшая у металлического письменного стола, покрытого белым лаком, была немолода и некрасива. Зато обладала очень приятным голосом. Монссон заметил это еще вчера, когда ей звонил. Кроме того, у нее были великолепные светло-рыжие волосы. Она говорила по телефону и сделала жест рукой, приглашая посетителей сесть. Монссон опустился в одно из кресел и вынул зубочистку. Он пополнил свой запас в ресторане на пароме. Мартин Бек стоял, рассматривая старую изразцовую печку в одном из углов комнаты. Телефонный разговор велся на испанском языке, которого ни Мартин Бек, ни Монссон не знали, и поэтому очень скоро устали от него. Наконец рыжеволосая закончила разговор и, улыбаясь, поднялась.

— Насколько я понимаю, вы из шведской полиции, — сказала она. — Минуточку, я сейчас доложу директору Хофф-Енсену.

Она исчезла за двойными дверьми, которые тоже были обиты заменителем кожи, но табачно-коричневого цвета, и украшены блестящими медными бляхами. Дверь за ней закрылась бесшумно, и, как Мартин Бек ни напрягал слух, услышать ничего не удалось. Не прошло и минуты, как дверь открылась, и появился Хофф-Енсен.

Это был стройный загорелый человек, широкая улыбка обнажала ряд безукоризненных белых зубов под светлыми холеными усами. Он был одет с изысканной простотой в оливково-зеленую рубашку тонкого шелка, темно-зеленый пиджак мягкого ирландского твида, коричневые брюки и бежевые ботинки. Видневшиеся из выреза рубашки волосы блестели серебром на загорелой груди. Он был широкоплечий, с резкими чертами лица и большой головой, густыми короткими волосами цвета платины, как и усы.

Пожав руку Беку и Монссону, он открыл перед ними дверь и, прежде чем закрыть ее, сказал секретарше:

— Прошу меня не беспокоить.

Хофф-Енсен подождал, пока посетители сядут, и уселся сам за письменный стол. Он откинулся на спинку стула и взял сигару, которая дымилась перед ним в пепельнице.

— Итак, господа, дело, очевидно, идет о бедном Викторе? Вы не нашли виновного?

— Пока нет, — ответил Мартин Бек.

— Я могу мало что прибавить к тому, что я уже сказал на допросе в Мальмё в тот печальный вечер. Все произошло в считанные секунды.

— Но вы видели стрелявшего, не правда ли? — спросил Монссон. — Вы ведь сидели лицом к нему.

— Конечно, — ответил Хофф-Енсен, затянувшись сигарой. — До выстрела я не обратил никакого внимания на этого человека, и прошло какое-то время, прежде чем я понял, что случилось. Я увидел, что Виктор упал на стол, но не сразу осознал, что его убили, хотя и слышал выстрел. Затем я увидел человека с револьвером, кажется, это был револьвер. Человек быстро вылез в окно и исчез. Естественно, я был ошеломлен и не обратил внимания, как он выглядел. Вот, господа, видите, большой помощи от меня ожидать трудно. — Он развел руками и опустил их на подлокотники кресла, всем своим видом выражая сожаление.

— Но все же вы его видели, — сказал Мартин Бек. — Какое-то впечатление у вас создалось.

— Пожалуй, он средних лет, может быть, в несколько потертой одежде. Лица его я не видел — когда я взглянул на него, то он уже повернулся ко мне спиной. Очевидно, он хорошо тренирован, поскольку так быстро вылез в окно.

— А ваша жена? — спросил Монссон. — Она что-нибудь видела?

— Решительно ничего, — ответил Хофф-Енсен. — Моя жена очень впечатлительная и слабая женщина — она двое суток не могла оправиться после этого потрясения. К тому же она сидела рядом с Виктором и, следовательно, спиной к преступнику. Вы не настаиваете на ее допросе?

— Нет, в этом, я думаю, нет необходимости, — сказал Мартин Бек.

— Благодарю, — улыбнулся Хофф-Енсен. — Да, вот так-то…

Он уперся в подлокотники, чтобы встать, но Монссон поспешил сказать:

— Если директор Хофф-Енсен разрешит, я задам еще несколько вопросов.

— Слушаю вас.

— Как долго вы возглавляете эту фирму?

— Одиннадцать лет. В молодости я был летчиком, затем изучал рекламное дело в США, руководил отделом рекламы в одной авиакомпании, пока Виктор не сделал меня шефом Аэрофрахта здесь в Копенгагене.

— А теперь? Вы продолжаете работу как обычно, несмотря на его кончину?

Хофф-Енсен развел руками, показав свои прекрасные вставные зубы.

— Представление продолжается.

— А кто будет руководить концерном? — спросил Бек.

— Это вопрос, — ответил Хофф-Енсеи. — Молодой Линдер слишком еще зелен. А Бруберг, как и я, загружен делами.

— Как вы относились к директору Пальмгрену?

— Очень хорошо. Он полностью доверял мне и тому, как я руковожу компанией.

— А чем, собственно, занимается Аэрофрахт? — спросил Мартин Бек, догадываясь об ответе.

— Воздушными перевозками — как это явствует из названия.

— Да, я понимаю, но что это за перевозки? У вас пять самолетов, не так ли?

Хофф-Енсен кивнул, затем сказал:

— Перевозим главным образом продукцию самого концерна, прежде всего рыбные консервы. На одном из самолетов есть морозильная установка. Иногда у нас идут и чартерные перевозки. Некоторые копенгагенские фирмы обращаются к нам с такими просьбами, есть и другие клиенты.

— В какие страны вы летаете? — спросил Мартин Бек.

— Главным образом в европейские, за исключением восточных государств. Иногда в Африку.

— В Африку?

— Да. Большей частью это чартерные полеты. Сезонные. — Хофф-Енсен демонстративно взглянул на часы.

Монссон выпрямился, вынул зубочистку изо рта и направил ее на Хофф-Енсена:

— Вы хорошо знаете Хампуса Бруберга?

— Не очень. — Датчанин пожал плечами. — Иногда встречаемся на заседаниях правления, как в ту среду. Изредка говорим по телефону. Вот и все.

— Вы знаете, где он сейчас?

— Наверное, в Стокгольме. Он там живет. И его контора тоже там. — Вопрос явно удивил Хофф-Енсена.

— А какие отношения с Брубергом были у Пальмгрена? — спросил Бек.

— Хорошие, насколько мне известно. Не то чтобы они виделись так же часто, как я с Виктором. Мы нередко играли в гольф, встречались не только для деловых бесед. Отношения между Виктором и Хампусом Брубергом были скорее отношениями между начальником и подчиненным.

Судя по его тону, особой симпатии к Хампусу Брубергу он не испытывал.

— Сколько у вас служащих?

Хофф-Енсен на мгновение задумался.

— Сейчас двадцать два человека: Количество колеблется в зависимости от сезона, количества заказов и тому подобного, — расплывчато сказал он.

— А где сейчас находятся ваши самолеты?

— Два в Копенгагене. Один в Риме. Один в Сан Томе, ремонтирует мотор. Пятый в Португалии.

Мартин Бек резко поднялся и сказал:

— Спасибо. Можем ли мы позвонить вам, если понадобится? Вы будете в Копенгагене в ближайшее время?

— Конечно, — ответил Хофф-Енсен.

Он отложил сигару, но продолжал спокойно сидеть в кресле. В дверях Монссон обернулся и сказал:

— Может быть, вы знаете, кто хотел убрать Виктора Пальмгрена?

Хофф-Енсен взял сигару и холодно взглянул на Монссона:

— Нет, не знаю. Очевидно, тот, кто в него стрелял. Прощайте, господа.

По Кебмагергаде они дошли до площади Амагер. Монссон бросил взгляд на переулок Ледерстраде. Там жила его знакомая. Она была скульптором и, хотя родилась в Сконе, предпочитала жить в Копенгагене. Он познакомился с ней год назад в связи с одним расследованием. Ее звали Надя, и ему она очень нравилась. Они иногда встречались, чаще всего у нее. Никто из них не хотел себя связывать, как-то мешать друг другу, и за все это время их отношения ничем не омрачались. Единственным минусом было то, что он не

испытывал прежней радости, проводя свободные дни со своей женой: ему хотелось быть с Надей.

Улица кишела народом, большинство, несомненно, составляли туристы. Бек, ненавидевший скопления людей, потащил Монссона через толпу, мимо «Магазен дю нор» на Лилле Конгенсгаде. Они выпили холодного пива в ресторане, где тоже было много народу, но все же было приятнее, чем на улице.

Монссон уговорил Мартина Бека ехать домой на катере на подводных крыльях.

Через сорок минут после того, как они покинули датскую землю, они вошли в служебный кабинет Монссона.

На письменном столе лежало сообщение из технического отдела: «Баллистические исследования готовы. Балл.».

XX

Бек и Монссон разглядывали пулю, убившую Виктора Пальмгрена. Она лежала перед ними на белом листе бумаги и казалась обоим маленькой и безобидной. Она деформировалась от удара, но не очень, во всяком случае, экспертам понадобилось всего несколько секунд, чтобы установить калибр оружия. Да и не нужно было даже быть экспертом, чтобы решить этот вопрос.

— Двадцать второй, — задумчиво сказал Монссон. — Какой дурак пытается убить человека из двадцать второго?

Мартин Бек откашлялся. Как обычно, он простудился в самую жару.

— Сирхан Сирхан убил Роберта Кеннеди из «Ивера Джонсона» двадцать второго калибра, — сказал Скакке, стоявший в глубине кабинета.

— Это верно, — произнес Бек. — Но он был вне себя и выпустил всю обойму. Стрелял как попало.

— Этот же человек целился точно и сделал всего один выстрел, — вставил Монссон. — Судя по всему, он нажал на курок большим пальцем.

— Правой руки, — добавил Бек. — Но это почти все, что мы знаем.

Монссон помолчал раздумывая. Потом сказал:

— Я думаю, что он действовал как профессионал. Особенно в обращении с оружием. И точно знал, в кого будет стрелять.

Стали изучать отчет технического отдела, обследовавшего пулю. Если есть пуля, пустая гильза и оружие, то для любого специалиста проще простого установить, была ли данная пуля выпущена из данного оружия или нет. А если в распоряжении два компонента — чаще всего пуля и гильза, то в большинстве случаев довольно легко установить тип оружия: разное оружие оставляет характерные отпечатки на пуле и гильзе, когда боек бьет по пистону и пуля летит по стволу. С начала тридцатых годов в Швеции медленно, но верно стал создаваться своего рода справочник с бесконечными таблицами, из которых можно было узнать, как различные типы оружия влияют на патрон.

Но в нынешнем случае наука споткнулась о тот факт, что тут была только пуля, и к тому же деформированная.

И все же баллистики составили список предполагаемых типов использованного оружия.

Беку и Монссону самим надлежало уточнить этот список. Для этого требовалась лишь малая толика здравого смысла. Прежде всего можно было исключить все автоматические пистолеты — они выбрасывают пустую гильзу, когда ствол откатывается, а тут гильза не была найдена. Решающее значение имели в данном случае свидетельские показания. Хотя свидетели и мало понимали в оружии, все они твердили одно и то же: убийца стрелял из

револьвера. А револьвер, как известно, не выбрасывает пустые гильзы, они остаются в барабане, пока их оттуда не вытащат.

Баллистический отчет был очень длинен, и даже после того, как Бек и Монссон потратили целый час своего драгоценного времени, вычеркивая из него все лишнее, он словно не стал короче.

— Ну и ну, — удивился Монссон, почесывая затылок. — Эта бумажка нам не поможет до тех пор, пока мы не установим вид оружия или не найдем еще чего-нибудь.

Мартин Бек вытер пот со лба сложенным носовым платком, потом развернул его и высморкался. Взял список револьверов и уныло забубнил:

— Кольт «Кобра», «Смит энд Вессон» модель 34. Четырехствольный международный, «Гаррингтон и Рикардсон 900», «Гаррингтон и Рикардсон 622», «Гаррингтон и Рикардсон 926», «Гаррингтон и Рикардсон „Сайд-Кик‟, „Гаррингтон и Рикардсон 49‟, „Гаррингтон и Рикардсон спортивный‟…

— Спортивный, — повторил Монссон.

— Хотел бы я потолковать с этими ребятами — Гаррингтоном и Рикардсоном. И чего им было мало одной модели? — заметил Мартин Бек, перевернул страницу и продолжал бубнить: — «Ивер Джонсон „Сайдвиндер‟», «Ивер Джонсон „Кадет‟», «Ивер Джонсон „Викинг‟», «Ивер Джонсон „Викинг‟ с укороченным стволом»… Этот можно вычеркнуть. Все говорят, что дуло было длинное.

Монссон подошел к окну и задумчиво смотрел на полицейский двор. Он уже не слушал. Голос Мартина Бека звучал где-то вдалеке.

— «Хертерс-22», «Лама», «Астра Кадикс», «Арминиус», «Росси», «Хауэс Техсас Маршал», «Хауэс Монтана Маршал», «Рик Биг 7»… Господи Боже мой, конца не видно. Интересно, сколько револьверов в этом городе…

На этот вопрос ответить было трудно. Конечно, бесчисленное множество: полученных по наследству, украденных, привезенных контрабандой, запрятанных в шкафы или в ящики столов и старые чемоданы. Разумеется, это незаконно, но владельцы про то не думают. Есть правда, люди, имеющие разрешения, но их не так много. Единственно, у кого наверняка нет револьверов или кто, во всяком случае, их не носит — это полицейские. Шведская полиция вооружена пистолетами «Вальтер-7,65». Глупо, конечно: хотя в автоматических пистолетах легче менять магазин, они обладают неприятной особенностью застревать в одежде, когда их вытаскиваешь, причем, естественно, торопишься.

Их размышления прервал Скакке:

— Кто-то из вас должен поговорить с Колльбергом. Он не знает, что делать с этой парочкой в Стокгольме.

XXI

На вопрос о том, что делать с Хампусом Брубергом и Хеленой Ханссон, мягко говоря, ответить было трудно. К тому же пришлось решать эту проблему по телефону, что требовало времени.

— Где они? — спросил Мартин Бек.

— На Кунгсхольмсгатан.

— Задержаны?

— Да.

— Можем ли мы их арестовать?

— Прокурор думает, что можем.

— Думает?

Колльберг глубоко вздохнул.

— Они задержаны за попытку вывоза валюты. Но пока никакого обвинения им не предъявлено. Доказано, впрочем, что у Бруберга в кармане был фальшивый паспорт и что он стрелял из стартового пистолета, когда Ларссон и тот полицейский, любитель стрельбы, должны были его задержать. И мадам призналась, что занимается проституцией. К тому же у нее найден чемодан, набитый ценными бумагами. Она говорит, что эти бумаги, билет и все остальное дал ей Бруберг, пообещав десять тысяч за то, что все это будет доставлено в Швейцарию.

— И наверное, она не врет.

— Конечно. Но все дело в том, что они не успели уехать. Если бы у нас с Ларссоном хватило ума, мы бы оставили их пока на свободе. Сообщили бы в таможню, в паспортную полицию, и их задержали бы на аэродроме.

— Словом, ты считаешь, что доказательств недостаточно?

— Вот именно. Прокурор предполагает, что судья может отменить арест и удовольствоваться подпиской о невыезде.

— И выпустит их?

— Вот именно. Если только ты не убедишь прокурора в Мальмё, что эта пара может дать решающие показания об убийстве Пальмгрена. В таком случае мы имеем право арестовать их и отправить к тебе. Таково мнение юристов.

— А что ты сам думаешь?

— Да ничего. Во всяком случае, совершенно ясно, что Бруберг собирался удрать и увезти с собой массу денег. Но если вести эту линию, дело придется передать в другой отдел.

— А Бруберг имеет какое-нибудь отношение к убийству?

— Предположим, что, начиная с пятницы, он действует именно так лишь потому, что в четверг вечером умер Пальмгрен. Это же ясно, как день, правда?

— Да, пожалуй.

— С другой стороны, у Бруберга великолепное алиби по поводу самого убийства. Так же, как и у Хелены Ханссон и у всех сидевших за столом.

— А что говорит сам Бруберг?

— Он изволил сказать «ай», когда врач чинил ему морду. А больше ни слова.

— Подожди-ка, — сказал Мартин Бек.

Телефонная трубка стала влажной от пота, и он вытер ее носовым платком.

— Что ты делаешь? — подозрительно спросил Колльберг.

— Потею.

— Посмотрел бы ты на меня. Но вернемся к этому Брубергу. С ним договориться трудно. Насколько мне известно, все эти деньги и акции могут и на самом деле принадлежать ему.

— Гм, — пробурчал Мартин Бек. — А откуда он их взял?

— Не задавай мне таких вопросов. О деньгах я знаю только то, что у меня их нет. — Колльберг замолчал, по-видимому, обдумывая этот горестный факт.

— А как с этой девчонкой?

— Насколько я понимаю, тут все проще. Она болтает вовсю. Полиция нравов сейчас разматывает этот клубок и выявляет «девушек по вызову». Эта сеть явно охватывает всю страну. Я только что говорил с Сильвией Гранберг, она считает, что они без лишних разговоров могут арестовать Хелену Ханссон, во всяком случае, на время расследования.

Сильвия Гранберг была первым помощником комиссара в полиции нравов и, в частности, начальницей Осы Турелль.

— Ну, — проговорил Колльберг. — Так что мне делать?

— Было бы, конечно, интересно провести очную ставку, — промямлил Мартин Бек.

— Не слышу, что ты говоришь, — пожаловался Колльберг.

— Мне нужно подумать над этим. Я позвоню тебе через полчаса.

— Только не позже. В любую минуту на меня могут обрушиться и Мальм, и начальник полиции, и вся эта свора.

— Полчаса. Обещаю, — сказал Мартин Бек и повесил трубку.

Он долго сидел, положив локти на стол и сжав голову руками. Через какое-то время картина для него стала проясняться. Хампус Бруберг реализовал все свои ценности в Швеции и пытался бежать из страны. Он заранее отправил семью в безопасное место. Все это свидетельствует о том, что после смерти Пальмгрена его положение стало шатким.

Почему? По всей вероятности, потому, что в течение долгих лет он присваивал себе крупные суммы из доходов тех предприятий Пальмгрена, которые контролировал. Виктор Пальмгрен полагался на Бруберга, поэтому он мог считать себя в относительной безопасности, пока директор концерна был жив. Но когда Пальмгрена не стало, Бруберг не решился оставаться в стране. Значит, он чувствовал опасность, если не для жизни, то, во всяком случае, для своего благосостояния, и, возможно, предвидел долгое тюремное заключение.

Но опасность с какой стороны?

Вряд ли со стороны властей, ибо казалось невероятным, чтобы полиции или налоговому управлению удалось когда-либо распутать пальмгреновские дела. Если это вообще можно сделать, то на это потребуются, наверное, годы.

Опасность грозила скорее всего со стороны Матса Линдера. Или, возможно, Хофф-Енсена.

Неприязнь Линдера к Брубергу была так велика, что он не смог ее скрыть даже во время допроса. Не намекнул ли он достаточно прозрачно, что Бруберг мошенник? Что Пальмгрен слишком полагался на своего представителя в Стокгольме?

Во всяком случае, в возможной борьбе за овладение пальмгреновскими миллионами все козыри у Линдера. Если Бруберг присвоил большие деньги, то Линдер в подобной ситуации мог немедленно потребовать ревизии счетов различных предприятий и сообщить о нем в полицию. С другой стороны, Линдер еще этого не сделал, несмотря на то, что знал или, во всяком случае, предполагал, что дело не терпит отлагательства. Полиция задержала Бруберга без помощи Линдера и почти случайно. Это может означать, что и сам Линдер находится в щекотливом положении и не решился рисковать из-за того, что против него выдвинули бы контробвинение.

Как бы там ни было, Брубергу смерть Пальмгрена была совсем не выгодна, и он уж никак ее не предвидел. Его поведение, начиная с пятницы, как правильно заметил Колльберг, обусловливалось смертью Пальмгрена, но все говорит за то, что он действовал торопливо, почти в панике и, следовательно, был почти не подготовлен заранее. Не снимает ли все это с Бруберга подозрения относительно самого убийства?

Мартин Бек был убежден в одном: если преступление явилось результатом заговора, то это заговор не политического, а экономического характера.

Кто же выигрывал от смерти Пальмгрена? Кто достаточно хорошо информирован, чтобы суметь напугать такого закоренелого мошенника, как Бруберг, и заставить его бежать? Ответ может быть только один: Матс Линдер. Человек, который уже сумел завладеть женой Пальмгрена и у которого самые сильные позиции в борьбе за экономическую власть.

Шарлотта Пальмгрен была слишком довольна своей жизнью, чтобы вступать в заговоры на таком высоком уровне. К тому же она просто-напросто глупа.

А Хофф-Енсен явно недостаточно знает дела пальмгреновской империи.

Но мог ли Линдер пойти на такой явный риск? А почему нет? Крупная игра требует крупных ставок. Интересно было бы устроить очную ставку между Хампусом Брубергом и Матсом Линдером и услышать, что эти господа могут сказать друг другу.

А Хелена Ханссон? Была ли она только наемным орудием? Практичным, кстати говоря, орудием — она и секретарь, и контрабандистка, и любовница. Об этом говорили ее собственные показания, и не было никаких оснований в них сомневаться. Но долгий опыт свидетельствовал, что именно в постели можно узнать многое. А Бруберг был ее постоянным клиентом… Мартин Бек пришел к решению.

Он встал и вышел из комнаты. Спустился на лифте на нижний этаж, в прокуратуру. Через десять минут он снова был за письменным столом в том же кабинете и набирал номер в Вестберге.

— Потрясающе, — сказал Колльберг. — Ты выдержал срок.

— Позаботься, чтобы обоих арестовали. Они нужны нам здесь как свидетели. Это важно для расследования убийства.

— Правда? — В голосе Колльберга звучало сомнение.

— Их нужно переправить сюда как можно скорее, — упрямо сказал Бек.

— О'кэй. Но только еще один вопрос: ты меня потом освободишь от этой чертовщины?

— Думаю, да.

После телефонного разговора Мартин Бек посидел еще за столом размышляя. Но теперь он думал о Колльберге и его невысказанном сомнении. Действительно ли эти люди нужны для расследования убийства? Может быть, и нет, но у него были свои, скорее личные причины для такой просьбы. Он никогда не видел ни Бруберга, ни Хелены Ханссон, только их фотографии, и его просто разбирало любопытство. Он хотел знать, как они выглядят, поговорить с ними, добиться с ними контакта и проверить свои собственные предположения.

Хампус Бруберг и Хелена Ханссон были арестованы в пять минут одиннадцатого на следующее утро, в среду девятого июля. Они вылетели из Стокгольма дневным самолетом. Бруберга сопровождал конвойный полицейский, Хелену Ханссон — женщина из тюремного управления и Оса Турелль, которой нужно было совместно с коллегами в Мальмё обсудить проблемы расследования.

Без четверти два самолет приземлился на Бультофте.

XXII

На краю острова Амагер к югу от аэродрома Каструп находится город Драгер. Это маленький датский городок, в котором живет четыре-пять тысяч человек и который известен главным образом своей паромной переправой. Летом паромы между Драгером и Лимхамном на шведской стороне снуют, как челноки, перевозя через пролив шведских автомобилистов, а в зимнее время используются главным образом для перевозки тяжелых машин, автобусов и грузовиков. И круглый год из Мальмё в Драгер ездят домашние хозяйки, чтобы делать на пароме покупки, не облагаемые пошлиной, а также покупать в Дании то, что там дешевле, чем в Швеции.

В очень недавнем прошлом маленький портовый город был излюбленным курортом и местом рыбной ловли. Лодки стояли там во множестве, бок о бок, и в порту царило оживление.

Теперь близость столицы превратилась в недостаток, а вода у причалов стала такой грязной, что в ней нельзя ни купаться, ни ловить рыбу.

Зато сам городок и его строения не изменились сколько-нибудь с тех пор, как дамы, прохаживаясь по берегу, лениво вертели зонтами, тщательно охраняя свою алебастрово-белую кожу от разрушающего действия лучей солнца. А у самого берега осторожно

окунались в воду по системе доктора Кнейпа[5] мужчины в купальных трико, выставлявших в далеко не лестном свете их разбухшие от пунша животы. Дома низкие, живописные, окрашенные в веселые цвета, сады тенистые, распространяющие аромат ягод, цветов и пышной зелени. Улочки — извилистые, узкие, часто мощенные булыжником. Шумное и зловонное движение машин к паромам обходит окраины города стороной, и в старых кварталах относительно спокойно.

Отдыхающие по-прежнему приезжают в Драгер, несмотря на грязную воду, и в этот вторник в начале июля все комнаты в гостинице «Странд» были заняты. В три часа пополудни семья из трех человек только что закончила свой поздний ленч на веранде гостиницы. Родители еще сидели за чашкой кофе и тортом, а шестилетний сын приставал ним:

— Когда мы пойдем? Я хочу смотреть лодки. Пейте кофе. Скорее. Ну пойдемте!

Они спустились к старому портовому павильону, ставшему теперь музеем. В рыбной гавани было всего две лодки, обычно их бывало здесь больше, очевидно, прочие ушли в Зунд на ловлю отравленной ртутью камбалы.

Мальчик остановился у причала и стал бросать камни в мутную воду. Он увидел множество интересных предметов, которые волна прибивала к набережной, но их было не достать.

Дальше виднелась паромная пристань. На большой асфальтированной площади стояла очередь машин, ожидавших парома, который уже приближался.

Трое повернули и медленно пошли обратно вдоль набережной, а потом между домами и виллами. Когда виллы остались позади, впереди показался аэродром Каструп. Здесь они повернули направо и Подошли к берегу.

Енс нашел на берегу сломанную зеленую лодочку из пластмассы и играл с ней, а родители уселись на траве. Наконец мальчику надоело его занятие, и он отправился вдоль моря. Нашел картонку из-под молока, пивную бутылку и горько раскаивался, что показал свои находки родителям, которые заставили его тут же все выбросить.

В ту минуту, когда отец позвал его, чтобы возвращаться в «Странд», Енс увидел на поверхности нечто захватывающее. Большую коробку, похожую на ящик с сокровищами.

Отец, конечно, отобрал находку. Енс немножко поревел в знак протеста, но вскоре перестал, поняв, что это бесполезно. Родители рассмотрели коробку. Она намокла, и черная бумага, которой она была оклеена, в нескольких местах отстала. Но все же коробка была целой, и неплотно прилегавшая крышка не повреждена. На крышке они увидели печатную надпись: «АРМИНИУС-22».

Они осторожно открыли коробку. В белой пластмассе были вырезаны два ложа. Одно имело контуры револьвера с очень длинным стволом. По форме другого трудно было догадаться, для чего оно.

— Коробка для игрушечных пистолетов, — сказала мать и пожала плечами.

— Нет, не то, — ответил отец. — В этой коробке лежал настоящий револьвер. На крышке даже написано, какой он марки. Посмотри сюда, в эту выемку. Здесь лежал запасной приклад, который при необходимости можно использовать для оружия более крупного калибра.

— Фу, — сказала мать. — Оружие — это такая гадость. Подумай, если бы револьвер или пистолет по-прежнему лежал там и был заряжен, а Енс нашел его и…

Мужчина засмеялся и погладил жену по щеке:

— Ты выдумщица. Если бы револьвер лежал здесь, коробка не плавала бы по воде. «Арминиус-22» — тяжелая штука. В коробке явно не было оружия, когда ее выбросили в море. Никто не выбросит такую дорогую вещь, как револьвер…

— …если только это не гангстер, который хотел отделаться от орудия убийства. Подумай… — Она внезапно остановилась и схватила мужа за рукав. — …подумай, а если это так? Нужно отнести коробку в полицию.

— Ты с ума сошла? Нас же на смех поднимут.

Енс бежал впереди, он уже забыл о своем ящике сокровищ.

— И все-таки, — продолжала жена. — Кто его знает. Повредить мы себе не повредим. Пойдем в полицию.

Она была упряма, и муж за десять лет совместной жизни убедился, что лучше уступить, чем протестовать.

Поэтому у драгерского инспектора Ларсена четвертью часа позже было испорчено сукно на письменном столе, поскольку на него положили насквозь мокрую коробку из-под револьвера.

XXIII

Если в понедельник произошло многое, а во вторник кое-что, то зато в среду не случилось решительно ничего. Во всяком случае, ничего такого, что могло бы продвинуть расследование.

В полицейском управлении царило все то же тяжелое настроение. Молчаливый и задумчивый Монссон раз за разом перелистывал свои бумаги, систематически перемалывая зубочистку за зубочисткой. Скакке казался обескураженным, а Баклунд с оскорбленным видом прочищал очки.

Мартин Бек знал по опыту, что подобные спады настроений случаются при каждом трудном расследовании, они могут тянуться целыми днями, неделями и слишком часто от них вообще не избавиться. Если бы он повиновался инстинкту, то просто плюнул бы на все, сел на поезд, отправляющийся в Фальстербу, улегся там на пляже и вовсю наслаждался бы редкой для шведского лета жарой. Но комиссар уголовной полиции так поступить не может, в особенности в разгар охоты за убийцей.

Все это раздражало. Он нуждался и в физической, и в психической активности, но не знал, чем заняться. Еще менее он мог приказать что-то делать другим. После нескольких часов явной бездеятельности Скакке спросил:

— Что мне делать?

— Спроси Монссона.

— Уже спрашивал.

Мартин Бек посмотрел на часы. Все еще только одиннадцать. Оставалось целых три часа до прибытия самолета с Брубергом и Хеленой Ханссон.

За неимением лучшего он позвонил в контору Пальмгрена и попросил соединить его с Матсом Линдером.

— Господина Линдера нет, — лениво произнесла телефонистка. — Могу соединить вас с его секретарем.

Матс Линдер был поистине неуловим. Он вылетел в Йоханнесбург с Каструпа во вторник вечером. По очень спешному делу. В данную минуту его нельзя застать и в Йоханнесбурге, если кому-нибудь и пришла бы сумасбродная мысль позвонить туда, — дело в том, что самолет еще в воздухе. Неизвестно, когда господин Линдер вернется. Была ли поездка запланирована? Господин Линдер всегда очень тщательно планирует свои поездки.

Мартин Бек положил трубку и с упреком посмотрел на аппарат. Да, значит очная ставка между Брубергом и Линдером — дело пропащее.

Новая мысль пришла ему в голову, он опять поднял трубку и набрал номер Аэрофрахта в Копенгагене. Совершенно верно, так оно и есть: директору Хофф-Енсену сегодня утром

пришлось спешно выехать в Лиссабон. Возможно, позже можно будет застать его в отеле Тиволи на Авенида да Либертаде. Но пока самолет находится в воздухе. Когда директор Хофф-Енсен вернется в Данию — неизвестно.

Мартин Бек передал новости Монссону, который равнодушно пожал плечами.

Наконец в половине третьего прибыли Бруберг и Хелена Ханссон.

Бруберга, лицо которого прикрывал огромный пластырь, сопровождал не только конвойный полицейский, но и адвокат. Бруберг не сказал ничего, зато адвокат высказывался очень откровенно.

Директор Бруберг НЕ МОЖЕТ говорить, поскольку он явился жертвой полицейской жестокости. И если бы он даже был в состоянии говорить, ему нечего прибавить к тому, что он уже высказал по данному делу в качестве свидетеля неделю тому назад.

Адвокат продолжал разглагольствовать, бросая время от времени испепеляющие взгляды на Скакке, который записывал его высказывания на магнитофон. Скакке краснел.

Мартин Бек был спокоен. Он сидел, подперев подбородок рукой, и не отрываясь рассматривал человека с пластырем.

Бруберг был человек совершенно иного типа, чем, например, Линдер и Хофф-Енсен. Коренастый, рыжий, с грубыми чертами лица. Прищуренные голубые глазки, брюшко и такая форма головы, владелец которой должен обязательно попасть в камеру смертников, если криминалистические теории блаженной памяти Ломброзо верны. Одним словом, внешность Бруберга была отталкивающей, к тому же одет он был вычурно и безвкусно. Мартин Бек почти пожалел его.

У адвоката было более профессиональное отношение к Брубергу. Он все говорил и говорил, никто не прерывал его, хотя он повторял все то же. Но должен же парень оправдать тот гонорар, который его ожидает, если ему удастся добиться освобождения Бруберга, а также наказания Гюнвальда Ларссона и Цакриссона за злоупотребление служебным положением.

Они, собственно, это заслужили. Бек давно уже был недоволен методами Гюнвальда Ларссона, но во имя святого товарищества не вмешивался.

Когда адвокат наконец закончил перечень страданий Бруберга, Бек, по-прежнему не отрывая взгляда от арестованного, спросил:

— Следовательно, директор Бруберг не может говорить?

Кивок головой.

— Что вы думаете о Матсе Линдере?

Пожатие плечами.

— Считаете ли вы его способным взять на себя основную ответственность за концерн?

Новое пожатие плечами.

Он еще целую минуту смотрел на Бруберга, пытаясь уловить выражение бегающих бесцветных глаз. Бруберг, несомненно, боялся и одновременно производил впечатление готового к бою. Наконец Мартин Бек сказал адвокату:

— Я понимаю, что ваш клиент потрясен событиями последней недели. Пока мы можем поставить на этом точку.

Это удивило всех — Бруберга, адвоката, Скакке и даже конвойного.

Мартин Бек встал и вышел, чтобы узнать, как идут дела у Монссона и Баклунда с Хеленой Ханссон. В коридоре он встретил Осу Турелль.

— Что она говорит?

— Много чего говорит. Но вряд ли что-нибудь может тебя порадовать.

— В какой гостинице ты остановилась?

— В той же, что и ты, в «Савое».

— Тогда, может, пообедаем вместе? Несмотря ни на что, будет приятное завершение скверного дня.

— Не обещаю, — уклончиво ответила Оса Турелль. — Мне нужно еще многое сегодня сделать.

Она избегала его взгляда, что удавалось ей очень легко, ибо она была ростом только ему по плечо.

Хелена Ханссон говорила без умолку, Монссон молчал. Жужжал магнитофон. Баклунд ходил взад и вперед по комнате с возмущенным видом. По-видимому, его вере в чистоту жизненных идеалов был нанесен жесточайший удар.

Мартин Бек стоял у двери, облокотившись о железный шкаф, и наблюдал. От полуреспектабельной внешности и с трудом приобретенного лоска ничего не осталось. Жалкая проститутка, впутавшаяся во что-то, чего она не понимала, и теперь смертельно напуганная. Слезы текли по ее щекам. Она быстро выдавала всех соратниц в явной надежде подешевле отделаться самой. Это производило неприятное впечатление, и Бек вернулся в свой опустевший кабинет. Зазвонил телефон. Мальм, конечно.

— Чем, чер… чем, Боже ж ты мой, вы занимаетесь?

— Расследованием.

— Разве не было ясно сказано, что расследование должно вестись по возможности тактично?

— Было.

— А ты считаешь тактичным устраивать стрельбу и драку в центре Стокгольма?

— Нет.

— Ты видел газеты?

— Да, я видел газеты.

— Как по-твоему, что в них будет завтра?

— Не знаю.

— Полиция берет под арест двух человек, которые, по всей вероятности, совершенно невиновны; не слишком ли это?

Один ноль в его пользу, ничего не поделаешь.

— Да понимаете ли вы там, что козлом отпущения буду я?!

— Очень жаль.

— Могу тебе сказать, что шеф возмущен так же, как и я. Мы несколько часов сидели у него и обсуждали это дело…

«Один осел почесывает другого, — подумал Мартин Бек. — Кажется, есть такое изречение».

— Как ты к нему попал? — невинным тоном спросил Бек.

— Как я попал? Что ты хочешь этим сказать? Что это — неудачная попытка сострить?

Всем было известно, что шеф полиции не любит беседовать с людьми. По слухам, одно высокопоставленное лицо даже грозило пригнать в полицейское управление автопогрузчик и снять двери в святая святых, чтобы иметь возможность поговорить с ним с глазу на глаз. Зато глава полиции страдал слабостью держать речи, обращаясь к народу вообще.

— Ну, — произнес Мальм. — Можно ли вообще надеяться, что вы его скоро возьмете? Что я должен говорить заинтересованным лицам?

— Правду.

— Какую правду?

— Пока никакого прогресса.

— Никакого прогресса? Это после недели расследования? С участием наших самых лучших сил?

Мартин Бек глубоко вздохнул.

— Я не знаю, сколько преступлений я раскрыл, но достаточно много. Могу заверить тебя, что мы делаем все возможное.

— Я в этом уверен, — сказал Малъм уже спокойнее.

— Я хотел подчеркнуть в первую очередь не это, — продолжал Мартин Бек, — а скорее тот факт, что одна неделя часто слишком короткий срок. Вообще-то дело идет не о неделе, как ты знаешь. Я приехал сюда в пятницу, а сегодня среда. Два года тому назад, значит, еще до тебя, мы взяли человека, который совершил убийство шестнадцатью годами ранее.

— Да, да, я все это знаю. Но ведь это не простое убийство. Могут произойти международные осложнения, — сказал Мальм, и в голосе его прозвучало отчаяние. — Они уже есть.

— Какие же?

— На нас оказывают упорное давление некоторые иностранные дипломатические представительства. И я знаю, что агенты органов безопасности уже прибыли из-за границы. Они скоро появятся или в Мальмё, или в Копенгагене. — Он сделал паузу. И продолжал подавленным голосом: — Или здесь у меня.

— Ну, — возразил Бек в утешение, — они, во всяком случае, не могут наделать большей суматохи, чем Сепо.

— Полиция безопасности? У них есть человек в Мальмё. Вы сотрудничаете с ним?

— Не могу утверждать этого.

— Вы встречались?

— Я его видел.

— И это все?

— Да. И этого-то нелегко было избежать.

— Я не могу избавиться от впечатления, что ты слишком легко относишься к этому делу. Тут нельзя работать кое-как, — произнес Мальм твердо и решительно. — Виктор Пальмгрен был одним из известнейших людей не только в Швеции, но и за границей.

— Да, о нем вечно писали в иллюстрированных журналах.

— Хампус Бруберг и Матс Линдер — тоже люди незаурядные, и нельзя с ними обращаться как кому вздумается. К тому же мы должны быть очень осторожны с тем, что даем в прессу.

— Я лично не даю ни слова.

— Как я уже тебе сказал в прошлый раз, если некоторые стороны деятельности Пальмгрена получат огласку, это может принести непоправимый вред.

— Кому же?

— Обществу, конечно. Нашему обществу. Если станет известно, что на правительственном уровне знали о некоторых сделках…

— То…

— Это может привести к очень серьезным политическим последствиям.

Мартин Бек питал отвращение к политике. Если у него и были политические убеждения, то он держал их при себе. Он всегда пытался отделаться от поручения, если оно могло иметь политические последствия. Вообще как только заговаривали о политических преступлениях, он упорно молчал. Но на этот раз не удержался.

— Для кого?

Мальм издал такой звук, будто ему всадили нож в спину.

— Мартин, сделай все, что возможно, — умоляюще сказал он.

— Да, — мягко ответил Бек. — Я сделаю все, что могу… — И, помолчав, прибавил: — …Стиг. — Он в первый раз назвал главного инспектора по имени. По-видимому, и в последний.

Кончался день совсем уныло. Расследование дела Пальмгрена зашло в тупик.

Вообще же в полицейском управлении было необычное оживление. Полиция Мальмё обнаружила в городе два публичных дома, к большому огорчению тамошнего персонала и к еще большему огорчению клиентов, попавших в облаву. Оса Турелль явно была права, когда говорила, что у нее много дел.

Мартин Бек ушел из управления часов в восемь. Аппетита не было. Он заставил себя на всякий случай съесть бутерброд и выпить стакан молока в кафетерии на площади Густава Адольфа. Жевал долго и тщательно, рассматривая в окно подростков, куривших у квадратного каменного бассейна на площади гашиш и выменивавших наркотики на украденные граммофонные пластинки. Полицейских поблизости не было видно, а люди из комиссии по охране детей явно были заняты чем-то другим. Потом он медленно побрел вдоль Седергатан, пересек Стурторьет и направился к гавани. В половине одиннадцатого он был в отеле.

В холле Бек сразу обратил внимание на двух человек, сидевших в креслах направо от входа в ресторан. Один высокого роста, лысый, с пышными черными усами и очень загорелый. Другой горбатый, почти карлик, с острыми чертами бледного лица и умными черными глазами. Оба были безукоризненно одеты, на обоих — блестящие как зеркало черные ботинки, и оба сидели неподвижно, глядя в одну точку. На столике перед ними стояла бутылка вина и два бокала. Иностранцы, подумал Мартин Бек. Отель кишел иностранцами, а среди множества флагов, реявших перед зданием, было минимум два, которые он не смог распознать.

Пока он брал ключ у портье, Паульссон вышел из лифта и подошел к столику незнакомцев.

XXIV

В комнате горничная уже все приготовила к ночи, постелила постель, положила коврик к кровати, закрыла окно и задернула гардины.

Мартин Бек зажег лампу на ночном столике и взглянул на телевизор. У него не было желания его включать, да и передачи уже, наверное, закончились.

Он снял ботинки, носки и рубашку. Отдернул гардины и открыл настежь двойное окно. Опершись о подоконник, стал смотреть на канал, железнодорожный вокзал и гавань. Проходили освещенные пассажирские суда, у входа в гавань гудел паром. Движения на улицах почти не было, а перед вокзалом стоял длинный ряд такси с зажженными огоньками и открытыми дверцами. Водители болтали друг с другом; машины выкрашены в более или менее веселые цвета, не черные, как в Стокгольме.

Ложиться не хотелось. Вечерние газеты он уже прочитал, а взять с собой какую-нибудь книгу забыл. Да и читать не было охоты, а если захочется, то в каждой комнате гостиницы есть библия и телефонный каталог. Было у него и заключение о вскрытии трупа, но его текст он знал почти наизусть.

Мартин Бек смотрел в окно и чувствовал себя одиноким. Он сам этого хотел, иначе мог бы сейчас сидеть в баре, или дома у Монссона, или в каком-нибудь из множества других мест. Ему чего-то не хватало, но он не знал — чего.

Послышался легкий стук в дверь. Очень легкий. Если бы он спал или принимал душ, то не услышал бы.

— Войдите, — сказал он, не оборачиваясь. Услышал, что дверь открылась.

Может быть, это готовый броситься на него убийца. Если тот выстрелит в затылок, Мартин Бек упадет в окно и разобьется о тротуар. Он улыбнулся и повернул голову.

Это был Паульссон в своем клетчатом костюме и ядовито-желтых ботинках. Вид у него был несчастный. Даже усы не казались такими шикарными, как обычно.

— Привет, — сказал он.

— Привет.

— Можно войти?

— Конечно, — ответил Мартин Бек. — Садись.

Сам он отошел и сел на край кровати. Паульссон уселся в кресло. Лоб и щеки у него блестели от пота.

— Сними пиджак, — предложил Мартин Бек. — Здесь можно не соблюдать этикет.

Паульссон долго колебался, но наконец начал расстегивать пуговицы. Сняв пиджак, старательно сложил его и повесил на ручку кресла.

Под пиджаком была рубашка в широкую полоску светло-зеленого и оранжевого цветов. В наплечной кобуре револьвер. Мартин Бек подумал, сколько времени понадобится, чтобы добраться до оружия, пока справишься со сложной процедурой растягивания пуговиц.

— Ну, что тебя беспокоит? — беспечно спросил он.

— Я… Я хочу спросить тебя.

— О чем?

Наконец, по-видимому, после больших усилий над собой, Паульссон произнес:

— Добился ты чего-нибудь?

— Нет, — ответил Мартин Бек. И из вежливости прибавил: — А ты?

Паульссон печально покачал головой. Любовно погладил усы, словно пытаясь набраться новых сил.

— Все это так сложно, — произнес он.

— Или, наоборот, очень просто, — сказал Бек.

— Нет, — возразил Паульссон, — не думаю. А самое скверное… — Потом, с проблеском надежды во взгляде, спросил: — Ты получил от них нагоняй?

— От кого?

— От шефов в Стокгольме.

— Они немножко нервничают, — ответил Мартин Бек. — А что самое скверное, как ты сказал?

— Будет международное расследование, политически очень сложное. Всестороннее. Сегодня вечером два иностранных агента безопасности уже приехали сюда. В гостиницу.

— Эти странные люди, которые сидели в холле? Откуда они?

— Маленький из Лиссабона, а второй из Африки. Называют себя деловыми людьми. Но… они сразу меня узнали. Знают, кто я. Странно.

«Да уж куда как странно», — подумал Мартин Бек. Вслух же он сказал:

— Ты с ними говорил?

— Да. Они хорошо говорят по-английски.

Мартин Бек знал, что Паульссон был очень слаб в английском. Может быть, он хорошо знал китайский или украинский, или какой там еще язык нужно знать для безопасности государства.

— Что им нужно?

— Они спрашивали о вещах, которые я не очень-то понял. Поэтому-то я и побеспокоил тебя. Они хотели получить список подозреваемых. По правде говоря, у меня такого списка нет. Может быть, у тебя есть?

Бек покачал головой.

— Я, конечно, им этого не сказал, — хитро улыбнулся Паульссон. — Но они спросили о чем-то непонятном.

— О чем же?

— Насколько я понял, но, может быть, я ошибаюсь, они хотели знать, кого подозревают в заокеанских провинциях. Заокеанские провинции… Но они повторили это несколько раз на разных языках.

— Ты правильно понял, — дружелюбно сказал Мартин Бек. — Португальцы утверждают, что их колонии в Африке и в другие местах равноправны с провинциями в самой Португалии.

Лицо Паульссона просветлело.

— О, черт, — сказал он. — Значит, я правильно понял.

— И что же ты им сказал?

— Ничего точного. У них был разочарованный вид.

— Да, можно себе представить.

— Они собираются остаться здесь?

— Нет, — сказал Паульссон. — Едут в Стокгольм. Будут беседовать в своем посольстве. Я тоже лечу туда завтра. Должен доложить. И изучать архивные материалы. — Он зевнул. — Пожалуй, нужно ложиться. Тяжелая была неделя. Спасибо за то, что помог. — Паульссон поднялся, взял пиджак и очень тщательно застегнул все пуговицы. — Пока.

— Спокойной ночи.

В двери он повернулся и зловеще проговорил:

— По-моему, на это уйдут годы.

Мартин Бек посидел еще несколько минут. Посмеялся над ушедшим гостем, разделся и вошел в ванную комнату. Долго стоял под холодным душем. Закутался в банную простыню и вернулся к прежнему месту у окна.

Снаружи было тихо и темно. Казалось, что вся жизнь замерла и в гавани и на вокзале. Где-то промчалась полицейская машина. Многие таксисты смирились со своим положением и разъехались по домам. Наконец и он решил, что пора лечь. Раньше иди позже это придется сделать, хотя сон по-прежнему не приходил.

Лег на спину и заложил руки за голову. Лежал неподвижно, устремив взор в потолок.

Минут так через пятнадцать, двадцать, снова услышал стук в дверь. Очень легкий и на этот раз.

Господи Боже, подумал он, неужели Паульссон опять начнет распространяться о шпионах и тайных агентах? Самим простым делом было прикинуться, что спишь. Но разве ты лишился чувства долга?

— Войдите, — произнес он с тоской.

Дверь осторожно открылась, и в комнату вошла Оса Турелль в домашних туфлях и в коротком белом ночном халате, завязанном пояском на талии.

— Ты не спишь?

— Нет, — ответил Мартин Бек и простодушно прибавил: — И ты тоже?

Она засмеялась и покачала головой. Коротко остриженные темные волосы блестели.

— Я только что вернулась. Успела лишь принять душ.

— Я слышал, что у вас сегодня была большая суета.

— Да, черт возьми. Поесть некогда было. Сжевала только несколько бутербродов.

— Садись.

— Спасибо. Если ты не устал.

— От ничегонеделания не устаешь.

Она все еще колебалась, не отпуская ручку двери.

— Принесу свои сигареты. Моя комната через две от твоей.

Она оставила дверь приоткрытой. Он лежал по-прежнему, заложив руки за голову, и ждал.

Через несколько секунд она вернулась, бесшумно закрыла за собой дверь и подошла к креслу, на котором час назад Паульссон изливал свои страдания. Она сбросила туфли и забралась в кресло с ногами, подтянув колени к подбородку. Зажгла сигарету и сделала несколько глубоких затяжек.

— Хорошо, — сказала она. — День был ужасный.

— Ты жалеешь, что стала служить в полиции?

— И да и нет. Видишь так много дряни, о которой раньше только слышала. Но иногда вроде бы делаешь что-то полезное.

— Да, — сказал он. — Иногда.

— У вас был плохой день?

— Очень. Ничего нового или положительного. Но так бывает часто. А у тебя есть какие-нибудь предположения?

— Какие у меня могут быть предположения? Хотя Пальмгрен был подлецом. Многие, несомненно, имели основания его ненавидеть. Мне кажется, тут просто-напросто месть.

— Я тоже так думал.

Она помолчала. Когда сигарета потухла, она тут же зажгла новую.

Мартин повернулся и посмотрел на Осу. Казалось, мысли ее далеко отсюда, а глаза устремлены в какую-то точку вдали.

Наконец она взглянула ему прямо в глаза. Глаза у нее были большие, карие, серьезные.

Только что она словно отсутствовала, а теперь вся была здесь.

Она смяла сигарету и не закурила новую. Облизала губы кончиком языка. Зубы у нее были белые, но слегка неровные. Брови густые и темные.

— Да, — проговорил он.

Она медленно кивнула. Очень тихо сказала:

— Да, раньше или позже. Почему бы не теперь?

Встала и села на край кровати. Сидела не шевелясь. Они все смотрели друг на друга.

— У тебя серые глаза, — сказала она.

— А у тебя карие.

— Ты думал об этом раньше? — спросила она.

— Да, а ты?

— Иногда, в последний год.

Он обнял ее за плечи.

Когда она ушла, в комнате уже было светло.

Это произошло и никогда более не повторится, или, может быть…

Он не знал. Зато знал, что достаточно стар, чтобы быть ее отцом, если бы это место не было занято двадцать семь лет тому назад.

Мартин Бек думал о том, что среда, несмотря ни на что, закончилась неплохо. Или, может быть, четверг начался хорошо?

Они, встретились через несколько часов в полицейском управлении. Мартин Бек спросил мимоходом:

— Кто заказал тебе комнату в «Савое»?

— Я сама. Хотя это Леннарт сказал, чтобы я так сделала.

Мартин Бек улыбнулся: Колльберг, конечно. Интриган. Но пусть он никогда не узнает, удалась ему нынешняя интрига или нет.

XXV

В девять часов утра в четверг в их штаб-квартире не намечалось никаких перемен. Мартин Бек и Монссон сидели друг против друга за большим письменным столом. Оба молчали. Мартин Бек курил, а Монссон ничего не делал. Запасы зубочисток иссякли.

Двенадцать минут десятого Бенни Скакке проявил наконец активность, войдя в кабинет с длинной лентой телекса в руке. Остановившись около двери, он начал ее просматривать.

— Что это? — спросил Мартин Бек.

— Список из Копенгагена, — вяло проговорил Монссон. — Они присылают такие списки ежедневно. Объявления о розыске. Пропавшие машины, найденные вещи, всякое такое.

— Много девчонок пропало, — сказал Скакке. — Девять, нет, десять.

— Обычное дело для такого времени года, — прокомментировал Монссон.

— Уведенные машины, — продолжал Скакке. — Шведский паспорт на имя Свена Улофа Гюставссона из Сведала, пятидесяти шести лет. Конфискован у проститутки в Нюхавне. Бумажник тоже.

— Пьяная скотина, — лаконично сказал Монссон.

— Экскаватор со стройки туннеля. Как можно увести экскаватор?

— Пьяная скотина, — повторил Монссон. — А оружие? Они обычно сообщают об этом в конце.

Скакке продолжал читать список.

— Да, есть. Несколько. Шведский армейский пистолет, девятимиллиметровый «Хускварна», должно быть, старый, «Беретта Ягуар».., Ящик к «Арминиусу-22».., пять коробок патронов калибра семь шестьдесят пять…

— Стоп, — сказал Монссон.

— Да, что там за ящик? — спросил Мартин Бек.

Скакке нашел нужное место в списке.

— Упаковочный ящик для «Арминиуса-22».

— Где найден?

— Прибит к берегу между Драгером и Каструпом. Найден частным лицом и передан полиции в Драгере. Во вторник.

— Есть «Арминиус-22» в нашем описке? — спросил Мартин Бек.

— Конечно, — ответил Монссон, быстро вскочил и схватил телефонную трубку.

— Да, да, конечно, — догадался Скакке. — Ящик. Коробка на велосипеде…

Монссон упорно добивался коммутатора копенгагенской полиции. Прошло время, прежде чем он добрался до Могенсена.

Тот ничего не слышал ни о каком ящике.

— Нет, я прекрасно понимаю, что ты не можешь помнить обо всем на свете, — терпеливо сказал Монссон. — Но дело в том, что он фигурирует в вашем чертовом списке. Под тридцать восьмым номером. Для нас это может оказаться очень важным… — Несколько минут он слушал. Потом сказал: — Кстати, а что ты еще знаешь об Аэрофрахте и Оле Хофф-Енсене?

Могеисен отвечал довольно долго.

— Так, хорошо, — произнес Монссон и положил трубку. Посмотрел на остальных. — Они проверят и сообщат.

— Когда? — спросил Бек.

— Могенсен оборачивается очень быстро.

Меньше чем через час раздался звонок из Копенгагена.

Монссон слушал, и вид у него становился все более довольным.

— Прекрасно, — выговорил он.

— Ну? — оказал Мартин Бек.

— Ящик находится в их техническом отделе. Парень в Драгере собирался было его выбросить, но вчера положил в пластиковый мешок и отправил в Копенгаген. Нам привезут его на пароходе, который отходит от Новой гавани в одиннадцать часов. — Бросив взгляд на часы, он обратился к Скакке: — Последи, чтобы радиопатруль был на месте в порту, когда привезут ящик.

— Что о Хофф-Енсене? — спросил Мартин Бек.

— Много чего. Он, как видно, у них там хорошо известен. Скользкий тип, но к нему не подберешься. В Дании он темными делами не занимается. Все, чем он там занимается, вполне законно.

— Другими словами, темные дела Пальмгрена.

— Вот именно. Дела, по-видимому, крупные. Могенсен сказал, что имена Пальмгрена и Хофф-Енсена фигурируют в связи с контрабандой оружия и самолетов в страны, где объявлено эмбарго на оружие. Он узнал это через Интерпол. Но они тоже ничего не могут поделать.

— Или не хотят, — сказал Мартин Бек.

— Более чем вероятно, — согласился Монссон.

Без десяти двенадцать ящик лежал у них на столе. Обращались с ним очень осторожно, несмотря на то, что он уже был сильно поврежден и явно побывал во многих руках.

Мартин Бек снял крышку и рассмотрел выемки от револьвера и запасного приклада.

— Да, — проговорил он. — Ты прав.

Монссон кивнул. Несколько раз закрывал и открывал крышку.

— Легко открывается, — сказал он.

Они перевернули ящик и осмотрели его со всех сторон. Он высох и был в довольно хорошем состоянии.

— Он недолго находился в воде, — констатировал Мартин Бек.

— Пять суток, — ответил Монссон.

— Здесь, — сказал Мартин Бек, — здесь что-то есть. Он легко погладил дно, на которое была наклеена бумага. Она отмокла и частично отвалилась.

— Да, — сказал Монссон. — На бумаге что-то было написано. По-видимому, шариковой ручкой. Подожди-ка.

Он взял из ящика письменного стола лупу и протянул ее Мартину Беку.

— Гм, — промолвил Мартин Бек. — Отпечаток виден. «Б» и «С» видны достаточно отчетливо. Может быть, еще кое-что.

— У нас есть люди, вооруженные более точными инструментами, чем моя старая лупа. Пусть они посмотрят.

— Этот револьвер применяется, или, вернее, применялся на соревнованиях.

— Да, я это понял. Необычная марка. — Монссон побарабанил пальцами по столу. — Отдадим его в технический отдел. И пусть Скакке проверит стрелковые общества. А мы пойдем завтракать. Неплохое распределение труда, а?

— Неплохое, — согласился Мартин Бек.

— Заодно я покажу тебе Мальм. Ты бывал в «Полковнике»? Нет? Тогда пойдем туда.

Ресторан «Полковник» находился на двадцать втором этаже, и вид оттуда превосходил все, что Мартин Бек видел за предыдущие дни.

Под ними, словно с самолета, был виден весь город. А также Эресунн, Сальтхольм и датский берег. К северу виднелась Ландскруна, остров Вэн и даже Хельсингборг. Видимость была необыкновенно хорошая.

Светловолосый кельнер подал им бифштексы и холодное вино «амстель». Монссон ел с жадностью; он вытряс все зубочистка из стаканчика на столе, сунул одну в рот, а остальные в карман.

— Да, — произнес он, — насколько я понимаю, все сходится.

Мартин Бек, которого больше интересовал вид, чем еда, неохотно оторвался от панорамы.

— Да, — сказал он. — Похоже на то. Ты был прав с самого начала. Хотя ты только догадывался.

— Ну и что ж, что догадывался, — сказал Монссон.

— Теперь нужно только догадаться, где он.

— Где-то здесь, — сказал Монссон, кивнув в сторону окна. — Но кто мог ненавидеть Пальмгрена до такой степени?

— Тысячи людей, — сказал Мартин Бек. — Пальмгрен и его дружки безжалостно уничтожала вокруг себя все и вся. Он, например, возглавлял множество предприятий — более или менее долгий срок. Пока они оправдывали себя. Когда же те переставали приносить бешеные барыши, он просто закрывал их, и многие рабочие оставались ни с чем. А скольких разорили ростовщические фирмы, вроде той, которой ведает Бруберг?

Монссон ничего не стал отвечать.

— Но я думаю, что ты прав, — продолжал Мартин Бек. — Этот человек должен быть где-то здесь, если не сбежал.

— Сбежал и вернулся, — сказал Монссон.

— Возможно. Должно быть, действовал он непреднамеренно. Ни один человек, задумавший убийство, и в первую голову наемный убийца, не поедет на велосипеде летним вечером, привязав к багажнику коробку с револьвером. Да еще такую большую — больше обувной.

К их столу подошел бармен.

— Инспектора по уголовным делам просят к телефону, — сказал от Монссону. — Кофе?

— Это, наверное, тот парень с микроскопом, — предположил Монссон. — Кофе? Да, будьте любезны. Два эспрессо.

— Да, — сказал Монссон, вернувшись. — На дне коробки заметны «Б» и «С». Остальное прочесть нельзя, так считает и парень из лаборатории. Но, по его мнению, это имя владельца.

Человек, который ведал тиром, задумчиво посмотрел на Бенни Скакке.

— «Арминиус-22»? Да, сюда приходят два-три человека, которые обычно стреляют из таких револьверов. Но кто именно, я так сразу сказать не могу. Кто из них был здесь в прошлую среду? Нет, ведь всех невозможно запомнить. Но спросите парня, который стреляет вон там. Он тут палит с той поры, как ушел в отпуск, десять дней уже. — Когда Скакке отошел к тиру, он крикнул ему вдогонку: — Спросите заодно, откуда у него деньги, чтобы покупать столько патронов.

Стрелок как раз закончил серию выстрелов, подсчитал очки и стал приклеивать новую мишень, когда Скакке подошел к нему.

— «Арминиус-22»? — сказал он. — Одного я, во всяком случая, знаю. Но он не был здесь с середины прошлой недели. Хороший стрелок. Если бы он стрелял из…

Парень повертел в руке свой автоматический револьвер «Беретта Этфайр».

— Вы знаете его имя?

— Бертиль… не то Ульссон, не то Свенссон, точно не помню. Он работает на «Кокумсе».

— Вы уверены?

— Да, скверная работа. Кажется, мусорщик.

— Спасибо, — сказал Скакке. — А откуда вы берете деньги на патроны?

— Это мое единственное хобби, — ответил стрелок, набивая обойму.

Уходя, Скакке получил от директора тира записку с тремя именами.

— Это те стрелки из «Арминиуса», имена которых я помню, — пояснил тот.

Скакке вернулся к полицейской машине. Прежде чем завести мотор, он прочел: ТОММИ ЛИНД, КЕННЕТ АКСЕЛЬССОН, БЕРТИЛЬ СВЕНССОН.

В полицейском управлении Монссон задал вопрос Мартину Беку:

— Что будем делать с Брубергом и Ханссон?

— Отправь их обратно в Стокгольм. Если только Оса узнала все, что ей нужно.

— Моя работа в Мальмё закончена, — сказала Оса и взглянула на Мартина Бека ясными карими глазами.

Расследование шло своим чередом. Бек решил проверить, не проживал ли Бертиль Свенссон в одном из пальмгреновсиих домов. Через два часа после запроса, отправленного полиции в Халден, телекс выдал нужную строчку: СВЕНССОН, БЕРТИЛЬ УЛОФ ЭМАНУЕЛЬ, ВЫСЕЛЕН 15 СЕНТЯБРЯ 1968 ГОДА.

— Это значит, что его вышвырнули, — сказал Монссон.

Мартин Бек набрал номер телефона конторы Бруберга в Стокгольме. Ответила женщина, должно быть, секретарша. Для верности он спросил:

— Это фру Муберг?

— Да.

Он назвал себя.

— Чем могу служить? — спросила она.

— Скажите, фру Муберг, закрывал ли директор Пальмгрен недавно какие-либо из своих предприятий?

— Смотря по тому, что вы подразумеваете под словом «недавно». Два года назад он закрыл фабрику в Сольне, если вас это интересует.

— Какую фабрику?

— Это была очень маленькая фабрика, на которой делали детали для станков. Кажется, пружины или что-то в этом роде.

— Почему он ее закрыл?

— Она себя больше не оправдывала. Предприятия, которые покупали эти детали, то ли реконструировали свои станки, то ли перешли на новые. Во всяком случае, прежнего сбыта продукции не было, перестраивать производство не стали, работу остановили, а фабрику продали.

— Два года назад?

— Да, осенью шестьдесят седьмого.

— А что стало с рабочими?

— Их уволили, — сказала Сара Муберг.

— Сколько их было?

— Этого я не помню. Но документы где-то есть. Могу посмотреть, если хотите.

— Очень просил бы вас. Мне нужны фамилии работавших.

Прошло несколько минут, прежде чем она снова взяла трубку.

— Извините, я не сразу нашла. Прочитать фамилии?

— Сколько их?

— Двадцать восемь.

— И всех уволили? Разве нельзя было перевести их на другое предприятие?

— Нет, все были освобождены. За исключением одного… Он был мастером, и его сделали управляющим домами. Но через полгода он тоже ушел. Очевидно, нашел работу получше.

— Будьте добры, прочтите мне фамилии. — Когда она дошла до девятой фамилии, он сказал: — Стоп. Повторите эту фамилию.

— Бертиль Свенссон, конторщик.

— Больше о нем ничего там не написано?

— Только то, что я прочитала.

— Благодарю, достаточно, — сказал Мартин Бек. — До свидания и спасибо за помощь. — И стал рассказывать Монссону: — Бертиль Свенссон уволен два года назад с пальмгреновского предприятия. Конторщик.

Монссон повертел зубочистку во рту.

— Нет, подсобный рабочий. Я беседовал в личном столе на «Кокумсе».

— У тебя есть его адрес?

— Да, он живет на Ваттенверксвеген. Но сейчас в отпуске. Начал работать на «Кокумсе» в январе этого года. Ему тридцать семь лет… По-видимому, в разводе. Его жена… — Монссон порылся в документах и вынул бумажку с нацарапанными на ней заметками. — Его жена живет в Стокгольме. Контора вычитает деньги из его жалованья каждый месяц и посылает фру Еве Свенссон, Нортульсгатан, двадцать три, Стокгольм.

— Гм, если у него отпуск, то его может не оказаться в городе, — предположил Мартин Бек.

— Посмотрим, — ответил Моннсон. — Надо бы поговорить с женой. Как ты думаешь, Колльберг…

Бек взглянул на часы. Скоро половина шестого. Колльберг, наверное, уже на пути домой.

— Да, — сказал он. — Завтра…

XXVI

В голосе Леннарта Колльберга звучали недобрые нотки, когда Мартин Бек позвонил ему утром в пятницу.

— Только не говори, что это опять палъмгреновская история.

Мартин Бек кашлянул.

— Очень сожалею, Леннарт, но я вынужден просить тебя помочь. Я знаю, что у тебя много…

— Много, — возмущенно прервал его Колльберг. — У меня всего много, кроме людей. Я утопаю в делах.

— Я понимаю, Леннарт, — мягко проговорил Мартин Бек. — Но выяснились некоторые моменты, которые меняют суть дела. Тебе нужно раздобыть сведения об одном человеке, который, возможно, застрелил Пальмгрена. На худой конец попроси Гюнвальда…

— Ларссона? Да его теперь сам министр не упросит заняться делом Пальмгрена, пусть хоть на колени встанет. — После короткой паузы Колльберг вздохнул и сказал: — Кто этот человек?

— По-видимому, тот самый, которого мы могли бы взять на аэровокзале неделю тому назад, если бы не проворонили. Его зовут Бертиль Свенссон…

— Свенссонов у нас, наверное, тысяч десять, не меньше, — уныло сказал Колльберг.

— Наверное, — любезно согласился Мартин Бек. — Но об этом Свенссоне мы знаем следующее: он работал на пальмгреновском предприятии в Сольне, это крохотная механическая фабрика, которую закрыли осенью шестьдесят седьмого. Он жил в одном из пальмгреновских домов, но примерно год назад его оттуда вышвырнули. Он член стрелкового клуба и, судя по словам свидетелей, стреляет из револьвера, соответствующего тому, из какого убили Пальмгрена. Он разведен с осени, и его жена и двое детей живут по-прежнему в Стокгольме. Сам он живет в Мальмё и работает на «Кокумсе». Его зовут Бертиль Улоф Эмануель Свенссон. Он родился в приходе церкви Софии в Стокгольме шестого мая тысяча девятьсот тридцать второго года.

— Почему же вы его не берете, если он живет в Мальмё?

— Возьмем, но сначала хотим узнать о нем побольше. Я надеялся, что в этом ты нам поможешь.

Колльберг горестно вздохнул.

— Ладно. Что я должен сделать?

— Его нет в списке бывших под судом, но надо выяснить, попадал ли он в полицию. Узнай также, интересовались ли им различные социальные комиссии. Спроси в управлении домами, почему его выселили. И последнее, но не менее важное, — поговори с его женой.

— Ты знаешь, где она живет, или мне и ее нужно искать? Попробуй-ка среди всех фру Свенссон найти нужную.

— Она живет на Нортульсгатан, двадцать три. Не забудь спросить ее, когда она в последний раз видела мужа. Я не знаю, в каких они отношениях, но возможно, что он звонил или встречался с ней в прошлый четверг. Ты можешь проделать все это срочно?

— На это уйдет целый день, — жалобно сказал Колльберг. — Но у меня нет выбора. Я позвоню, когда управлюсь.

Колльберг положил трубку и мрачным взглядом уставился на свой письменный стол, где в полнейшем беспорядке лежали папки, документы, копии отчетов. Со вздохом взял телефонную книгу и начал звонить.

Часа через два он поднялся, надел пиджак, положил в карман записную книжку и спустился к машине.

Направляясь к Нортульсгатан, он размышлял о том, что дали его упорные телефонные звонки. До октября шестьдесят седьмого полиции не был известен человек по имени Бертиль Улоф Эмануель Свенссон. В октябре его забрали за пьянство — нашли в подъезде дома, где он жил, и продержали ночь в участке. До июля шестьдесят восьмого его задерживали пять раз, один раз снова за пьянство, и четыре раза за так называемые нарушения порядка в квартире. Это все. После июля никаких записей о нем не было.

В деле фигурировала и комиссия трезвости. Владелец дома и соседи неоднократно обращались в эту комиссию, вызывая ее представителей и утверждая, что Свенссон в нетрезвом виде их беспокоит. Над ним установили наблюдение, но за исключением двух раз, когда его забирала полиция, оснований для вмешательства не было. До октября шестьдесят седьмого он не был замечен в злоупотреблении алкоголем, и до этого времени о нем не было никаких сведений в комиссии трезвости.

Семью Свенссонов знали и в комиссии по охране детей. Поступали жалобы на плохое обращение с детьми; насколько Колльберг мог установить, жаловался тот же сосед, который обращался в различные комиссии. Сообщалось, что детей, которым тогда было семь и пять лет, родители бросают на произвол судьбы, что дети плохо одеты и что из квартиры Свенссонов слышны детские крики. Комиссия по охране детей сделала проверку, первый раз в декабре шестьдесят седьмого и еще раз в мае шестьдесят восьмого. Несколько раз приходили к Свенссонам, но никаких признаков дурного обращения с детьми не заметили. В квартире, правда, было недостаточно чисто, мать производила впечатление женщины ленивой и неряшливой, отец был без работы, и материальное положение семьи очень плохое. Однако не было никаких признаков того, что детей бьют. Старшая девочка хорошо училась в школе, здорова, совершенно нормальный ребенок, только несколько застенчива и замкнута. Младший — мальчик, находился дома с матерью, но иногда — в частном детском саду, когда у матери бывала случайная работа. Хозяйка детского сада характеризовала ребенка как живого, восприимчивого, общительного и здорового.

Комиссия по безработице выплачивала пособие семье с октября шестьдесят седьмого по апрель шестьдесят восьмого. Свенссон заявил о желании переквалифицироваться и осенью шестьдесят восьмого прошел курс обучения в механической мастерской комитета по охране труда. В январе шестьдесят девятого, то есть этого года, Свенссон устроился подсобным рабочим в механические мастерские «Кокумс», в Мальмё, куда и переехал.

Комиссия по здравоохранению провела замер уровня шумов в квартире в связи с тем, что владельцы дома потребовали выселения Свенссонов. Шум от детского крика, от быстрых шагов по квартире и от текущей воды был выше нормы. Такая же картина, собственно, была и в остальных домах, но никто не обращал на это внимания.

В июне шестьдесят девятого комиссия по сдаче квартир приняла решение о праве квартировладельцев расторгнуть контракт о найме квартиры, заключенный со Свенссоном. Первого сентября семья Свенссонов была вынуждена выехать. Новой квартиры им не было рекомендовано.

Колльберг созвонился с управляющей, истинным драконом в юбке. Она очень сожалела, что была вынуждена пойти на такую меру, как выселение семьи, но на Свенссонов слишком часто жаловались. В заключение она сказала:

— Я думаю, что так было лучше для них самих. Они нам не подходили.

— Что значит «не подходили»? — спросил Колльберг.

— У нас иной уровень квартиросъемщиков, если вы понимаете, о чем я говорю. Мы не привыкли почти ежедневно вызывать людей из комиссии трезвости, полицию, и еще Бог знает кого…

— Значит, не соседи обратили внимание властей на семью Свенссонов, а вы?

— Да, конечно. Когда узнаешь о беспорядках, то твой долг — выяснить, в чем тут дело. К тому же один из соседей очень охотно этим занимался.

На этом Колльберг закончил беседу, почувствовав себя почти больным от сознания своей беспомощности и от отвращения. Неужели все так и было? По-видимому, да.

Колльберг поставил машину на Нортульсгатан, но не сразу вышел из нее. Он вынул блокнот и записал:

1967:
Сент. Уволен.
Окт. Пьянство (полицейский участок в Болмора).
Нояб. Комиссия трезвости.
Дек. Скандалы в квартире. Комиссия по охране детей.
1968:
Янв. Скандалы в квартире (п/у Болмора).
Февр. Комиссия трезвости.
Март. Пьянство (п/у Болмора). Комиссия трезвости.
Май. Комиссия по охране детей.
Июнь. Требование о выселении.
Июль. Решение о выселении. Шум в квартире (п/у Болмора).
Авг. —
Сент. Выселены.
Окт. —
Нояб. Развод.
Дек. —
1969:
Янв. Переезд в Мальмё. «Кокумс».
Июль. Застрелен В. Пальмгрен.

Он просмотрел записанное и подумал, что этой мрачной таблице очень подходит заголовок: «Беда не приходит одна».

XXVII

После удушающей жары на улице в подъезде ветхого дома № 23 на Нортульсгатан было удивительно прохладно. Казалось, зимняя влага и холод спрятались в стенах за отставшей штукатуркой.

Фру Свенссон жила на втором этаже, дверь с дощечкой «ЕВА СВЕНССОН», по-видимому, была входом на кухню.

Колльберг постучал. Послышались шаги, звон снимаемой цепочки, дверь приоткрылась. Колльберг показал свое удостоверение. Прежде чем дверь открылась, он услышал глубокий вздох.

Как он и предполагал, вход вел прямо на кухню. Женщина, закрывшая за ним дверь, была маленькая, худенькая, с резкими чертами лица. Волосы не причесаны и, как видно, давно не крашены: светлые, почти белые на концах, у корней они становились совсем темными. На ней было домашнее платье из полинявшей хлопчатобумажной материи, с большими темными пятнами от пота под мышками, судя по всему, давно не стиранное. На

ногах — матерчатые туфли неопределенного цвета. Колльберг знал, что ей двадцать девять лет, но на вид дал бы не меньше тридцати пяти.

— Полиция… — неуверенно произнесла она. — Что еще случилось? Если вы ищете Бертиля, то его здесь нет.

— Да, — сказал Колльберг, — я знаю. Я хочу только поговорить с вами, если можно. Разрешите войти?

Женщина кивнула и подошла к кухонному столу, стоявшему у окна. На цветастой пластмассовой скатерти лежал иллюстрированный журнал и недоеденный бутерброд, сигарета с фильтром дымилась на голубом в цветах блюдце, полном окурков. Вокруг стола стояли три стула, она села, ваяла сигарету с блюдца и указала посетителю на стул напротив.

— Садитесь.

Колльберг сел и взглянул в окно, выходившее на задний двор, единственным украшением которого были веревки для выбивания ковров и мусорные ящики.

— О чем вы хотите поговорить? — дерзко спросили Ева Свенссон. — Долго вам оставаться здесь нельзя, мне нужно забрать Томаса с игровой площадки.

— Томас — это младший? — спросил Колъберг.

— Да, ему шесть. Я обычно оставляю его в парке за торговым училищем, пока хожу за покупками и убираюсь.

— У вас есть еще ребенок?

— Да, Урсула. Она в детской колонии. На острове Барнен.

— Давно вы здесь живете?

— С апреля. — Она докурила сигарету до самого фильтра. — Но я останусь здесь только на лето. Хозяйка не любит детей. А потом черт знает, куда нам деваться.

— Вы работаете?

Женщина бросила дымящийся фильтр на блюдце.

— Да, работаю на хозяйку квартиры. За то, что я живу здесь, я убираю, готовлю, хожу в магазин, стираю и ухаживаю за ней. Она старая и не может сама спускаться с лестницы, я ей помогаю, когда она хочет выйти.

Колльберг указал на дверь, противоположную входной.

— Вы там живете?

— Да.

Колльберг встал и открыл дверь. Комната была метров пятнадцать. Окно выходило на тот же мрачный двор. Вдоль стен стояли две кровати, под одной из них была низкая выдвижная кровать. Комод, два стула, маленький колченогий стол и коврик из лоскутов завершали меблировку.

— Комната небольшая, — сказала за его спиной Ева Свенссон. — Но нам разрешают находиться на кухне сколько угодно, а дети могут играть во дворе.

Колльберг вернулся к кухонному столу. Взглянул на женщину, выводившую пальцем какие-то рисунки на пластмассовой скатерти, и сказал:

— Мне бы хотелось, чтобы вы рассказали, как вам с мужем жилось в последние годы. Я знаю, что вы в разводе, но как вы жили до развода? Он долго был безработным, да?

— Да, его уволили почти два года тому назад. Не то, чтобы он был в чем виноват, просто уволили всех работавших на этой фабрике. Она, наверное, себя не оправдывала. И он не мог найти работу, ее просто не было. То есть, настоящей работы. Раньше-то он хорошо получал. Он был конторщиком, но образования у него не было, и все места, на которые он пытался устроиться, доставались тем, у кого было образование.

— Сколько он там работал, пока ее не закрыли?

— Двенадцать лет. А до этого работал на другой фабрике с тем же шефом. Директор Пальмгрен. Может быть, он и не был шефом, но фирма принадлежала ему. Бертиль работал на складе и водил автокар. Потом его перевели в контору.

— Как давно вы женаты?

— Мы поженились на троицын день в пятьдесят девятом году.

Она откусила кусочек, посмотрела на бутерброд, поднялась, подошла к помойному ведру и выбросила его.

— Так что мы были женаты восемь с половиной лет.

— А когда вы переехали в Болмору?

Женщина стояла у раковины и ковыряла в зубах мизинцем.

— Осенью шестьдесят шестого. До той поры мы жили на Вестманнагатан. В служебной квартире, дом принадлежал также директору Пальмгрену. Потом он стал ремонтировать этот дом, перестраивать квартиры в конторские помещения, и мы переехали в его новый дом. Квартира была гораздо лучше, но очень далеко от города, и платить за нее нужно было очень много. Когда Бертиля уволили, я думала, что мы переедем, но не пришлось. Во всяком случае, переехали гораздо позже и по другим причинам.

— По каким?

— Бертиль пил и вообще, — уклончиво сказала женщина. — А нижний сосед жаловался, что мы очень шумим. Но мы шумели не больше, чем остальные жильцы дома. Стены такие тонкие, что было слышно, как плачут дети, лают собаки, слышно было граммофон на несколько этажей ниже нас. Мы думали, что на пианино занимается сосед, а оказалось, что это на целых три этажа выше. Детям мы дома играть не разрешали. А осенью нас выселили.

— Он много пил?

— Да, иногда.

— А как он вел себя пьяный? Был агрессивен?

Она ответила не сразу. Отошла и села.

— Иногда он был зол. Зол из-за того, что лишился работы, зол на общество и вообще. Я уставала от его разговоров об этом каждый раз, когда он выпивал пару рюмок.

— Говорят, в вашей квартире бывали скандалы?

— А, совсем не скандалы. Иногда мы ссорились, а однажды ребята проснулись ночью и стали играть, а мы спали. Явился патруль полиции. Может быть, иногда мы разговаривали слишком громко, но никаких драк или чего-нибудь в этом роде не было.

Колльберг кивнул.

— Когда вам угрожали выселением, обращались ли вы в союз квартиросъемщиков?

— Нет, мы не состояли ни в каких союзах. Да ничего и нельзя было сделать. Нам пришлось выехать.

— И где вы жили?

— Я нашла однокомнатную квартиру, мы сняли ее. Жила там, пока не перебралась сюда, а Бертиль жил в общежитии для холостяков, когда мы развелись. Теперь он живет в Мальмё.

— Когда вы видели его в последний раз?

Ева Свенссон, подумав немного, сказала:

— Кажется, в прошлый четверг. Он пришел неожиданно, но я выставила его через час иди что-то в этом роде, потому что мне нужно было идти по делам. Он сказал, что у него отпуск и что он будет несколько дней в Стокгольме. Он даже дал мне немного денег.

— После этого он не давал о себе знать?

— Нет, наверное, уехал в Мальмё. Я, во всяком случае, его не видела. — Она повернулась и бросила взгляд на будильник, стоявший на холодильнике. — Мне нужно забирать Томаса. Они не любят, когда дети остаются дольше положенного срока.

Она встала, ушла в свою комнату, но дверь не закрыла.

— Почему вы развелись? — спросил Колльберг, поднимаясь с места.

— Мы устали друг от друга. Все пошло прахом. В последнее время мы только ссорились. А Бертиль, приходя домой, только и знал, что ворчал и злился. Я уже просто не могла его видеть.

Она вошла в кухню. Причесанная и в сандалетах.

— Теперь мне пора уходить.

— Еще один вопрос. Знал ли ваш муж своего главного шефа — директора Пальмгрена?

— Нет, по-моему, он его даже никогда не видел. Тот сидел в своем кабинете и оттуда всем руководил. По-моему, он никогда и не бывал на своих предприятиях, там руководили другие шефы, помощники директора.

Она сняла с крюка над плитой хозяйственную сумку и открыла дверь на лестницу.

Расстались у подъезда. Он видел, как она пошла к площади Уденплан, маленькая, хрупкая, в полинявшем платье.

Уже после обеда Колльберг позвонил в Мальмё, чтобы сообщить результаты. К этому времени Мартин Бек уже полчаса нетерпеливо ходил взад-вперед по коридору, и когда наконец телефон зазвонил, то схватил трубку, не дав дозвенеть первому сигналу.

Он завел магнитофон, присоединенный к телефону, и записал рассказ, ни разу не прервав Колльберга, а когда тот кончил говорить, сказал:

— Больше я тебя беспокоить не буду.

— Да, незачем. Вы, кажется, нашли того, кого нужно. А я займусь своей работой, но позвони, расскажи, как пойдет дело. Привет тем, кто заслуживает привета.

Мартин Бек взял магнитофон и направился к Монссону. Они вместе прослушали запись.

— Да-а, — проговорил Монссон. — Причины налицо. Сначала уволили после двенадцати лет работы на предприятии Пальмгрена, потом тот же Пальмгрен вышвырнул его из квартиры, и в довершение всего развод. Ему пришлось уехать из Стокгольма, пришлось взяться за работу и по зарплате и морально гораздо хуже той, какая у него была раньше. И все из-за Пальмгрена.

Бек кивнул, Монссон продолжал:

— Свенссон был в Стокгольме в прошлый четверг. Я так и не понял, почему его не задержали на аэровокзале. Ведь он был бы у нас до того, как Пальмгрен умер. Прямо настроение портится, когда думаешь об этом.

— Я знаю, почему они не успели, — сказал Мартин Бек. — Но об этом я расскажу тебе в следующий раз. Тогда настроение у тебя станет еще хуже.

— Ладно, побереги до следующего раза.

Мартин Бек зажег сигарету.

— Как мерзко это выселение! Совершенно ясно, что именно фирма Пальмгрена сообщала о нем разным комиссиям.

— При помощи готового на все соседа, да?

— Который, несомненно, служил Пальмгрену, или Брубергу, или обоим вместе. Пальмгрену хотелось выгнать Свенссона из квартиры, раз тот больше у него не работает.

— Ты думаешь, Пальмгрен сказал своим служащим, что нужно найти предлог и выселить его? — сказал Монссон.

— Я в этом убежден. Он передал это через Бруберга, конечно. А Бертиль Свенссон, наверное, все понимал. Нет ничего удивительного в том, что он ненавидел Пальмгрена.

Монссон почесал затылок и сделал гримасу.

— Это ясно. Но убить его…

— Вспомни, что в течение долгого времени на Свенссона сыпались удар за ударом. Когда он понял, что это не удары судьбы, а следствие поступков определенного человека, точнее — определенной группировки, ненависть его стала целенаправленной. Ведь фактически у него постепенно отняли все.

— А Пальмгрен представлял именно эту группировку, — произнес Монссон.

Мартин Бек поднялся:

— Надо будет послать кого-нибудь последить за Свенссоном, чтобы мы не потеряли его еще раз. Кого-нибудь из тех, кто не ест картофельное пюре на работе.

XXVIII

Человек по имени Бертиль Свенссон жил в Кирсеберьсстадене, у восточной границы города; район в обиходе назывался Холмы. «Жить на Холмах» буржуазия Мальмё всегда считала несолидным, но многие жители гордились Кирсеберьсстаденом, любили его, несмотря на то, что в большинстве домов не было современных удобств, да и вообще никто не думал о том, что дома нужно ремонтировать и приводить в порядок. В самых плохих квартирах ютились люди, нежелательные в привилегированных районах, а также те, кому, казалось, ничего лучшего и не надо. Не случайно многие иностранные рабочие, прибывшие за последние годы в Швецию, жили именно там. Это был пролетарский район, и мало кто из жителей Мальмё, принадлежавших к той категории что и Виктор Пальмгрен, бывал в нем или знал о его существовании.

Туда вечером в пятницу и отправился на велосипеде Бенни Скакке с поручением узнать, находится ли Бертиль Свенссон в своей квартире, а если да, то взять его под наблюдение, не вызывая подозрения. Скакке должен был каждый час сообщать о себе Мартину Беку или Монссону.

Они собирались арестовать Свенссона в тот же вечер. Мартин Бек сказал, что пока не хватает еще кое-каких подробностей.

Свенссон, как это следовало из записей на его работе и в стрелковом клубе, жил на Ваттенверксвеген, на улице, пересекающей Кирсеберьсстаден от Люндавегея; улица кончалась холмом, и Скакке предпочел слезть с велосипеда, взбираясь наверх. Он катил велосипед мимо старой круглой водонапорной башни, которая много лет назад была перестроена в жилой дом. Скакке подумал, что квартиры там должны быть похожи на куски торта. Он вспомнил, что читал об ужасающих санитарных условиях в этом доме, где жили только югославы.

Он поставил велосипед на площади Кирсеберьстор в надежде, что его не украдут. Он заклеил надпись «ПОЛИЦИЯ» на велосипеде: такую меру предосторожности он предпринимал, когда не хотел, чтобы его узнавали.

Дом, за которым ему следовало наблюдать, был старый, двухэтажный. Он рассмотрел его с тротуара напротив. Быстрыми шагами Скакке пересек улицу и вошел в подъезд. На двери справа он увидел приколотую картонку, на ней шариковой ручкой было написано Б. СВЕНССОН.

Скакке вернулся на площадь, нашел скамью, откуда был виден дом. Вынул газету, которую купил по пути из полицейского управления, развернул ее и сделал вид, что читает.

Ему пришлось ждать не более двадцати минут. Дверь открылась, и из подъезда вышел человек. Его внешность совпадала с приметами стрелявшего в «Савое», хотя он и оказался ниже ростом, чем Скакке представлял себе. И одежда была та же — темно-коричневый

пиджак, брюки более светлого коричневого цвета, бежевая рубашка и галстук в красно-коричневую полоску.

Скакке неторопливо сложил газету, поднялся, запихнул ее в карман и медленно пошел за ним. Тот повернул в переулок и довольно быстро направился к тюрьме у подножия холма.

Скакке почувствовал жалость к этому человеку, который не знал, как скоро окажется в мрачных стенах старой тюрьмы. Может быть, он уже начинает верить, что ему удастся этого избежать?

У тюрьмы человек повернул направо, потом налево на Гевальдигергатан, где остановился у футбольной площадки. Скакке остановился тоже. На площадке шел матч, и Скакке сразу же узнал обе команды: «Флаг» в красных майках и «Балкан» в синих. Игра, кажется, была интересная, и Скакке не имел ничего против, чтобы посмотреть ее подольше, но человек почти сразу двинулся дальше.

Они продолжали путь по Люйдавеген, а когда прошли площадь Дальхемспланен, человек в коричневом вошел в бутербродную. Через витрину Скакке видел его у прилавка. Через несколько минут человек вышел с коробкой в одной руке, пакетом в другой и пошел обратно тем же путем.

Скакке теперь держался на большем расстоянии, считая, что человек направляется домой. Когда они проходили мимо футбольной площадки, «Балкан» как раз забил гол и публика, по-видимому, состоявшая главным образом из болельщиков «Балкана», встретила его единогласным кликом торжества. Мужчина с маленьким ребенком на плече громко выкрикивал рифмованные приветствия, но Скакке не смог разобрать слов, поскольку язык был югославский.

Человек, за которым следил Скакке, действительно пришел домой. Через окно было видно, как тот вынул банку с пивом. Тогда Скакке зашел в телефонную будку и позвонил Мартину Беку:

— Он дома. Выходил купить пива и бутербродов.

— Хорошо. Стой там и позвони, если он выйдет.

Скакке вернулся на свой пост на скамейке. Через полчаса он зашел в ближайший киоск, купил вечерние газеты, плитку шоколада и вернулся на скамейку. Время от времени он прохаживался по тротуару, но опасался слишком часто проходить мимо окна. Стемнело, и за окном зажегся свет. Тот человек снял пиджак, съел бутерброды, выпил две банки пива и теперь ходил по комнате взад и вперед. Иногда присаживался за стол у окна.

К двадцати минутам одиннадцатого Скакке прочел по несколько раз три газеты, съел четыре плитки шоколада, выпил две бутылки апельсинового сока и был уже готов завыть от тоски.

Свет в той комнате погас. Скакке подождал пять минут, затем позвонил в полицейское управление. Ни Монссона, ни Мартина Бека там не оказалось. Он позвонил в «Савой». Комиссар Бек ушел. Позвонил домой Монссону. Оба были там.

— Ты все еще на месте? — спросил Монссон.

— Конечно. Оставаться еще? Почему вы не приходите? — Скакке почти плакал.

— А, — флегматично произнес Монссон. — Я думал, что ты знаешь. Мы подождем до завтра. А что он делает?

Скакке заскрежетал зубами:

— Потушил свет. Наверное, собирается лечь спать.

Монссон ответил не сразу. Скакке услышал подозрительное бульканье, слабый звон и чей-то голос.

— По-моему, тебе нужно сделать то же самое. Он, надеюсь, тебя не видел?

— Нет, — отрезал Скакке, бросился к велосипеду и буквально полетел вниз с холма к Люндавеген, а через десять минут стоял в передней своей квартиры и набирал номер телефона Моники.

В пять минут девятого в субботу утром Мартин Бек и Монссон постучали в дверь Бертиля Свенссона.

Он вышел к ним в пижаме. Увидев их удостоверения, только кивнул головой, вошел обратно в квартиру и стал одеваться.

В квартире, состоявшей из комнаты и кухни, оружия они не нашли. Бертиль Свенссон последовал за ними и сел в машину, не сказав ни слова. Всю дорогу он молчал. Когда они вошли в кабинет Монссона, он указал на телефон и впервые заговорил:

— Разрешите позвонить жене?

— Позже, — ответил Мартин Бек. — Сначала мы немного побеседуем.

XXIX

Почти целый день Мартин Бек и Монссон слушали историю жизни Бертиля Свенссона. Казалось, он испытывает облегчение от возможности высказаться; ему хотелось, чтобы они его поняли, и он почти рассердился, когда пришлось сделать перерыв на обед. Его рассказ в основном подтверждал их реконструкцию событий и даже версию о мотивах убийства.

После всех своих бед, сидя в одиночестве в Мальмё, он начал обдумывать свое положение, и ему становилось все более и более ясно, кто был причиной постигших его несчастий: Виктор Пальмгрен, кровопийца, наживающийся за счет других, магнат, которого нисколько не волнует благополучие тех, кто на него работает или живет в его домах. Как тут не возненавидеть такого!

Несколько раз во время допроса Свенссон падал духом, начинал плакать, но опять брал себя в руки и заверял, что благодарен за то, что получил возможность все объяснить. Он несколько раз повторил, что рад их приходу. Но если бы они его не нашли, он вряд ли бы выдержал долго и пришел бы сам. В том, что сделал, он не раскаивался.

Неважно, что придется сесть в тюрьму, жизнь его уже искалечена, и он не в состоянии начать новую.

По окончании допроса, когда все уже было сказано, он пожал руки Монссону и Мартину Беку и поблагодарил их. Его отвели в арестантскую.

После того, как за ним закрылась дверь, в кабинете долго стояла тишина. Наконец Монссон встал, подошел к окну и посмотрел на тюремный двор.

— Черт подери, — пробормотал он.

— Надеюсь, приговор будет мягким, — сказал Бек.

В дверь постучали, и вошел Скакке.

— Как дела? — спросил он.

Ему ответили не сразу. Потом Монссон сказал:

— Примерно так, как мы предполагали.

— Хладнокровный, дьявол, — сказал Скакке, — просто взял и застрелил. Почему он это сделал?

— Подожди, сейчас услышишь, — Мартин Бек перемотал ленту магнитофона, нажал кнопку, и катушки завертелись.

Монссон: Но как вы узнали, что Пальмгрен как раз в это время находится в отеле «Савой»?

Свенссон: Я этого не знал. Я просто проезжал мимо…

Бек: Будет лучше все изложить по порядку. Расскажите, что вы делали в течение дня в среду.

С.: Мой отпуск начался в понедельник, так что в среду я был свободен. Утром ничего особенного не делал, просто болтался дома. Постирал рубашки и нижнее белье. На завтрак съел яичницу и выпил кофе. Вымыл посуду и отправился за покупками. Я пошел в универсам на площади Вэрнхемсторьет, это не самый близкий ко мне магазин, но просто хотелось убить время. У меня мало знакомых в Мальмё, всего несколько товарищей по работе, но сейчас время отпусков, и все разъехались. Сделав покупки, вернулся домой. Было очень жарко, и мне не хотелось больше выходить. Я лег на кровать и стал читать книгу. К вечеру стало прохладнее, и в половине седьмого я поехал на велосипеде в тир.

Б.: В какой тир?

С.: В тир, где я обычно стреляю, в Лимхамне.

М.: У вас был с собой революьвер?

С.: Да, его можно оставлять в клубе, но я обычно беру его с собой.

Б.: Продолжайте.

С.: Я пострелял с час. Вообще-то у меня нет на это денег, ведь все это довольно дорого: патроны, членские взносы, но надо же иметь хоть какое-то удовольствие.

М.: Давно ли у вас револьвер?

С.: Довольно давно. Я купил его лет десять назад, когда выиграл деньги в лотерее. Я всегда любил стрелять. Когда я был мальчишкой, мне всегда хотелось иметь духовое ружье, но родители у меня были бедные, они не могли и не желали его покупать. Больше всего мне нравилось ходить в тир и стрелять в жестяных оленей.

Б.: Вы хорошо стреляете?

С.: Да, могу сказать, хорошо. Я несколько раз выигрывал на соревнованиях.

Б.: Продолжайте.

С.: Когда я кончил стрелять, то поехал на велосипеде в город.

М.: А револьвер?

С.: Он лежал в коробке на багажнике. Я ехал по велосипедной дорожке вдоль гавани Лимхамн, потом мимо музея и здания суда. На углу Норра Валльгатан и Хампгатан мне пришлось остановиться из-за красного света, и тут я его увидел.

М.: Виктора Пальмгрена?

С.: Да. В окне «Савоя». Он стоял, а за столом сидело много людей.

М.: Вы сказали раньше, что никогда не видели Пальмгрена. Как же вы узнали, что это он?

С.: Я много раз видел его фото в газетах.

Б.: И что вы сделали?

С.: Я, по правде сказать, не думал, что я делаю, и одновременно я знал, что я сделаю. Трудно объяснить. Я проехал мимо входа в «Савой» и поставил велосипед. Вынул револьвер из коробки и сунул за пазуху. Сначала зарядил его, людей вокруг не было, я стоял спиной к улице и, держа револьвер в коробке, зарядил два патрона.

Затем вошел в ресторан и выстрелил ему в голову. Он упал на стол. Я увидел, что ближайшее окно открыто, вылез через него и пошел к велосипеду.

М.: Вы не боялись, что вас задержат? Ведь в ресторане было много людей.

С.: Я об этом не думал, мне нужно было только убить этого дьявола.

Б.: Видели ли вы, что окно открыто, до того, как вы вошли?

С.: Нет, я об этом не думал. Я и не думал, что смогу уйти. И только когда увидел, что он упал, а на меня никто не обращает внимания, я начал думать о том, как оттуда выбраться.

Б.: Что вы сделали потом?

С.: Я положил револьвер снова в коробку и поехал через мост мимо гавани. Я не знал точно, когда отходят суда, но знал, что катера на подводных крыльях отходят каждый час. На часах водной станции было двадцать минут девятого, я поехал к зданию, где проверяют молочные изделия, и поставил велосипед там. Потом пошел и купил билет на катер. Коробку с револьвером взял с собой. Мне казалось странным, что меня не ищут. Когда катер отошел, я стоял на палубе, стюардесса сказала, чтобы я спустился вниз, но я не послушался и продолжал стоять до тех пор, пока мы не дошли почти до середины Зунда. Там я бросил коробку с револьвером и патронами в море, спустился вниз и сел.

Б.: Вы знали, куда пойти в Копенгагене?

С.: Нет, точно не знал. Я мог думать сразу только о чем-нибудь одном.

Б.: Что вы делали в Копенгагене?

С.: Бродил по городу. Зашел в кафе, выпил пива. Потом решил поехать в Стокгольм повидаться с женой.

Б.: Деньги у вас были?

С.: У меня была тысяча крон, я получил жалованье за два месяца, поскольку уходил в отпуск.

Б.: Продолжайте.

С.: Сел на автобус, доехал до аэродрома и взял билет на самолет в Стокгольм. Я, конечно, не назвал своего имени.

Б.: Который был час?

С.: Около двенадцати. Я просидел там до утра; самолет вылетал в семь двадцать пять. В Стокгольме я сел на автобус до аэровокзала, пошел к жене и детям. Они живут на Нортульсгатан.

М.: Сколько времени вы пробыли у них?

С.: Час, может быть, два.

М.: Когда вы снова приехали сюда?

С. В понедельник вечером.

Б.: Где вы жили в Стокгольме?

С.: В пансионате на Уденсгатан. Не помню, как он называется.

М.: Что вы здесь делали после возвращения?

С. Ничего особенного. Я не мог пойти в тир пострелять, потому что револьвера у меня не было.

Б.: А велосипед?

С.: Ах, да, я забрал его, когда сошел с поезда.

М.: Меня удивляет одно: до того, как вы увидела Виктора Пальмгрена в окно в «Савое», вы не думали о том, чтобы его застрелить.

С.: Когда я увидел его и револьвер был со мной, то меня словно молнией поразила мысль — убить его проще простого. Поскольку я решил, то уже не думал о том, что будет потом. Как будто эта мысль впервые пришла мне в голову. Но подсознательно я не раз желал ему смерти.

Б.: Что вы почувствовали, когда прочли в газетах… вы же читали газеты на другой день?

С.: Да.

Б.: Что вы думали, когда узнали, что он, возможно, выживет?

С.: Я был зол на самого себя, что стрелял так плохо. Подумал, что следовало бы выстрелить несколько раз, но я не хотел ведь ранить никого другого, и мне, кстати, показалось, что он умер сразу.

Б.: А теперь? Что вы чувствуете теперь?

С.: Я рад, что он умер.

М.: Сделаем перерыв. Вам нужно поесть.

Мартин Бек выключил магнитофон.

— Остальное прослушаешь один, — сказал он Скакке. — Когда я уеду.

XXX

Поздно вечером в субботу двенадцатого июля Мартин Бек сидел один за столом в ресторане «Савой». Он заранее упаковал свой чемодан и сам отнес его в холл. Теперь его никто не дергал, и он собирался ночным поездом выехать в Стокгольм.

Он поговорил по телефону с Мальмом, который казался очень довольным и все время повторял:

— Значит, никаких осложнений? Прекрасно, просто прекрасно.

В ресторане было уютно: и роскошно, и в то же время просто.

Свет свечей отражался в огромных серебряных судках. Тихо беседующие посетители. Их не настолько много, чтобы они раздражали, но и не настолько мало, чтобы чувствовать себя одиноким. Кельнеры в белых куртках, кланяющийся метрдотель, маленький, непрерывно поправляющий манжеты.

Мартин Бек начал с виски в баре, а в ресторане заказал камбалу. К ней взял водки, настоянной на каких-то таинственных травах и очень вкусной. А теперь пил кофе с ликером.

Все было прекрасно. Хорошая еда, хорошие напитки, прекрасное обслуживание, а за открытыми окнами теплый летний вечер. К тому же успешно законченное дело. У него должно быть прекрасное настроение, но его не было. Он почти не видел, что происходит вокруг. Вряд ли замечал даже, что ест и пьет.

Виктор Пальмгрен умер.

Исчез навсегда, и никто о нем не сожалеет, за исключением международных финансовых акул и представителей подозрительных режимов в далеких странах. Но они скоро привыкнут обделывать дела с Матсом Линдером, и разницы, в сущности, никакой не будет.

Шарлотта Пальмгрен теперь очень богата и независима.

Перед Линдером и Хофф-Енсеном открывается блестящее будущее.

Хампус Бруберг, наверное, сумеет избежать нового ареста, и целая армия хорошо оплачиваемых юристов докажет, что он ничего не украл, не пытался вывезти акции за границу и вообще не сделал ничего незаконного. Его жена и дочь уже в безопасности в Швейцарии или в Лихтенштейне, в их распоряжении жирные банковские счета.

Хелена Ханссон, по-видимому, получит какое-то наказание, но не такое уж серьезное, чтобы в ближайшем будущем не вернуться к своему ремеслу.

Остается только подсобный рабочий, которого в свое время будут судить за убийство, возможно преднамеренное, а потом лучшие свои годы ему придется гнить в тюрьме. Мартин Бек, комиссар по уголовным делам, чувствовал себя скверно.

Он заплатил по счету, взял чемодан и направился по мосту Мэлар к станции. Думал — сумеет ли он заснуть в поезде.

1

Полиэфирное синтетическое волокно. Основные торговые названия: лавсан, терилен, дакрон, тетерон, элана, тергаль, тесил.

2

Бультофта — аэродром в Мальмё. Здесь и далее, если не отмечено другое, видимо, прим. перев. или ред., хотя в исходной электронной версии не указано.

3

Сконе — южная область Швеции. Ее жителей, как принято считать, отличает медлительность и тугодумие. Диалект, на котором они говорят, труден для понимания жителям других областей страны.

4

Финн — по народным преданиям, великан, строивший церкви в северных странах, в том числе в Лунде.

5

Кнейп — немецкий доктор, лечивший холодной водой.
